ДВ 248.081
АВ9
В909

Д. ШИВКОВ

БОЕВЫЕ ДНИ АМУРА

ДАЛЬГИЗ 1934

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

В 922-7 У(С19)
В909
1987 г.

П. Е. ВШИВКОВ

БОЕВЫЕ ДНИ АМУРА

В.908
Б.А.А.
39

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Областная библиотека
2451061
Хабаровская краевая научная библиотека
ДВГНБ

Объединение государственных книжно-журнальных издательств
Дальневосточное краевое издательство
Москва — 1934 — Хабаровск

ДВ государственная научная библиотека
ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АМУРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Я родился 21 июля 1886 г. в селе Семиозерском, Благовещенского уезда. Отец мой в то время был слеп, и родители жили в крайней бедности. Позже зрение у отца несколько улучшилось, но в те годы, когда он был совершенно слепой, мать должна была носить меня на руках и служить отцу поводырем. Они ходили по окрестным деревням, собирали милостыню и тем жили.

Мне было уже лет шесть-семь, когда отец оказался в состоянии обрабатывать две-три десятины посева. Мать же продолжала побираться, и часто я и сестренка с торжеством встречали ее и выбирали беленькие кусочки среди ломтей хлеба, высыпанных из мешка на стол.

Девяти лет меня отдали в сельское училище. Ученье мне давалось легко, я очень любил читать. Зима с учебой проходила для меня незаметно, но лето было в тягость. Приходилось ежедневно помогать в полевых и домашних работах.

Самодурство алкоголика отца доводило меня до мысли — сбежать куда-нибудь или утопиться. Пьянст-

ЭР00809

во отца было бичом для семьи: мы нередко голодали, не имели одежды и обуви. Пьянство же погубило и самого отца. Когда в 1900 г. началось боксерское восстание в Китае, царские чиновники усердно наводили панику, разжигая в населении ненависть к китайцам. Отец, напившись, забрался в лодку и с криком: «не желаю сдаваться живым на казнь китайцам» — бросился в воду и утонул.

Весной 1901 г. я окончил сельское училище.

Наш священник Иоанн Карнаков стал просить меня в псаломщики. На выпускном экзамене учитель В. Г. Писарев обратился к инспектору училища с просьбой определить меня и односельчанина Илью Киевского в пансион.

Он получил на это согласие. Но когда дело дошло до выписки метрик, то поп с ужасом спросил Писарева:

— Да ты что, голубчик, одурел, что ли? А наши дети куда денутся? Я вот ему (указал на меня) даю должность псаломщика и пусть в ноги кланяется. У этого же есть отец, пусть принимается хозяйствовать. Всяк сверчок знай свой шесток, — закончил свое нравоучение поп Карнаков.

В том же году моя мать вновь вышла замуж, а я пошел «в люди». Профессий испытал много. Из всего пережитого в юношеские годы особенно памятна служба в магазине немца Отто Тимм в Благовещенске. Здесь приведу только два случая, показывающие различие между «мальчиком» в лавке у купца и учени-

ЭР00809

ком в нашем государственном или кооперативном магазине.

Как-то мне велели насыпать двадцать фунтов желтой охры. Я еще не вполне освоился с сортами красок и вместо желтой охры насыпал желтого крону; взвесил, завязал и поставил на прилавок перед покупателем. Старший доверенный заметил мою ошибку, извинился перед покупателем, взял сверток и повел меня в отделение, где были краски. Тут он стал меня, как щенка, тыкать носом в боченки с краской, внушительно приговаривая:

— Вот это — желтая охра, пять копеек фунт, а вот это — желтый крон, пятнадцать копеек за фунт!..

Что со мной сделалось!.. Желтый крон набился в нос и в глаза. Я буквально задыхался. Если кто знает, как жжет крон, тот поймет, какую ужасную пытку я вынес. Забившись в угол каретника, я весь день и всю ночь проплакал навзрыд. Целую неделю у меня были воспалены глаза и ноздри.

Другой раз жена хозяина велела мне доить корову. Я взмолился:

— Барыня, я не умею. Я никогда не доил.

— Не разговаривай! Какой же ты крестьянин, когда не умеешь доить коров? — заявила хозяйка.

Пришлось покориться. Но при первом же моем прикосновении к соскам корова лягнула, и подойник обратился в лепешку.

Взбесилась хозяйка, с руганью начала утюжить меня по спине и голове злополучным подойником. А на

ЭР00809

утро я вылетел вон со службы с одним рублем и семьюдесятью копейками в кармане.

Так в течение четырех лет то деревенский кулак, то какой нибудь подрядчик или мещанин-хозяин выжимали из меня соки.

В 1904 г., в начале русско-японской войны, я отправился добровольцем на фронт и здесь узнал все прелести царской армии.

В 1905—1906 гг. я работал в затоне министерства путей сообщения. Посещал с другими рабочими митинги, начал читать революционную литературу, участвовал в демонстрациях. Моя спина познакомилась с казацкой нагайкой.

Летом 1906 г. я вернулся в Семиозерское. Мне случайно досталась издававшаяся в Полтаве газета «Ридный Край», и я читал крестьянам, как украинцы громили помещиков, как вооружались против казаков, жандармов и черносотенной своры. Из моих односельцев добрая половина была переселенцев с Украины, потому слышались возгласы:

— Ай, боже ж мий, та цеж у нашим мистечки...

Блюстители порядка довели до сведения надлежащих властей о моих беседах с крестьянами. Вскоре через одного крестьянина, ездившего в город с сеном, я получил ящик с революционной литературой. При виде брошюр и листовок душа затрепетала, но так как в городе у меня не было близких людей, я заподозрил подвох и категорически отказался принять литературу. Я заявил, что такими делами совершенно не зани-

ЭР00809

маюсь. Тем не менее через неделю моя избенка была окружена конными жандармами. Произвели тщательный обыск, испортили внутреннюю и наружную штукатурку, но, конечно, ничего не нашли. На допросе крестьянин, привозивший мне литературу, заявил, что и ее не принял.

Обескураженные жандармы должны были оставить меня на свободе, но взяли на учет как неблагонадежного.

В ЦАРСКОЙ АРМИИ

Извещение об объявлении войны с Германией меня сильно обеспокоило. В моем сознании зарождалась мысль, что война не несет ничего доброго трудящимся. Я стал обдумывать план избавления от участия в бойне. Когда стали циркулировать слухи о мобилизации ратников ополчения моего срока, я встревожился не на шутку. Бросил свое хозяйство и помчался в город с целью поступить на службу в какое-нибудь государственное учреждение, освобождающее от воинской повинности.

После упорных поисков устроился младшим досмотрщиком в таможне. Впрочем, оттянуть свой призыв удалось мне только на восемь месяцев. В мае 1916 г. за упущение по службе я был отправлен с конвоиром в распоряжение воинского начальника.

Меня в числе пятидесяти человек отправили в Никольск-Уссурийск и зачислили в двести семьдесят третью Вятскую дружину. Я опять стал искать пути

ДВГНБ

ЭР00809

избавления от военной службы и неизбежной посылки на фронт. Случай скоро подвернулся. По ротам выбирались ученики в фельдшерскую школу. Угостив взводного, я добился направления в команду фельдшерских учеников при Уссурийском военном госпитале.

Заведывающий госпиталем был коллежский ассесор Кузнецов, бывший жандармский вахмистр, участник карательной экспедиции Ренненкампфа. Кузнецов установил такой режим в госпитале, что несколько учеников дезертировало в Китай, а некоторые покушались на самоубийство и были сосланы в анучинский дисциплинарный батальон.

Военнопленных, назначаемых на работу в госпиталь, Кузнецов по малейшему поводу выстраивал в одну шеренгу с интервалом в два шага и хлестал по щекам. Когда его рука уставала, экзекуцию продолжал его любимчик-фельдфебель, который в этом «искусстве» превосходил своего начальника.

По ночам, в дождь и слякоть, Кузнецов посылал нас воровать строительные материалы, принадлежавшие какому-то ведомству. Эти материалы шли на ремонт в госпитале, а подложные счета подписывали его приближенные.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

На почве недоедания и переутомления фельдшерские ученики заболевали чуть ли не каждый день. Мои силы также надломились, и меня положили в лазарет.

ЭР00809

Рядом со мной на койке лежал наш ученик — студент. Просыпались мы с ним, по обыкновению, рано.

Однажды, только умылись, слышим пронзительный крик газетчика: «Великий государственный переворот». Мы, не помня себя, бросились читать телеграмму. Через минуту вся палата гудела, как пчелиный рой. Прочли сообщение, что Николай II отрекся от престола в пользу брата своего Михаила. В некоторых углах послышались выкрики:

— Не допускать их, вампиров! Долой иродово отродье!..

Казарма бурлила. Меня засыпали вопросами: что делать, за что приниматься?

Созвали собрание, спели марсельезу (хотя знающих ее нашлось не много), избрали президиум и стали намечать план действий.

На повестку дня были поставлены следующие вопросы:

1. О связи с революционными организациями.

2. Об аресте Кузнецова и всех приближенных к нему лиц.

Во время собрания пришло предложение рабочих организаций послать наших представителей на собрание в народный дом.

Быстро были избраны три паренька, которых напутствовали наказом отстаивать народоправие и протестовать против сохранения дома Романовых.

Когда в прениях развернулась во всю ширь картина насилий Кузнецова, староста госпитальной цер-

ДВГНБ

ЭР00809

кви побежал к нему, чтобы предупредить. Кузнецов, конечно, не замедлил скрыться.

Немедленно было дано нами распоряжение об его аресте. Всю ночь напролет команда госпиталя и команда учеников, в общем человек двести, искали Кузнецова по городу и к утру нашли его в гостинице «Гранд-Отель».

С получением извещения по телефону об аресте Кузнецова вся команда бросилась в госпиталь, запасаясь по дороге кто камнем, кто кирпичом. Понятно, что с ним покончили бы самосудом, если бы его не провезли сразу на гауптвахту.

В БАТАЛЬОНЕ СМЕРТИ

В мае фельдшерские ученики окончили курс. Одни отправились по разным лечебным заведениям, другие, в том числе и я, организовали кружок самообразования, провели организацию союза медработников, открыли бесплатную амбулаторию. Но, разумеется, хотелось иной деятельности.

На фронте бойня не утихала. Под сладкие напевы эсеров и кадетов стали организовывать так называемые ударные батальоны или, как мы их еще называли, «батальоны смерти».

В нашем Никольск-Уссурийском гарнизоне нашлось человек двести дураков-охотников, пожелавших записаться в «смертники». Поддался патриотическому угару и мелкобуржуазной фразе и я.

В один из майских дней, под зажигающие речи и

ЭР00809

призывы к войне «до победного конца», мы набились в теплушки и попрощались с Никольск-Уссурийском. Путь наш лежал по КВжд. В Харбине наши ребята набили тюфяки разной контрабандой, а вещевые ящики — бачками со спиртом. Пили всю дорогу до одурения. На станции Мысовая таможенная стража ничего не могла сделать с эшелоном, и содержимое тюфяков и ящиков проникло далеко в центр России, где и было сбыто по баснословно дорогой цене.

По дороге много ребят разъехалось по домам «на побывку». Условлено было собраться в Пензе.

Через тринадцать дней мы выехали из Пензы в Черкасск на Днепре, где расположилось несколько «батальонов смерти».

Я попал в качестве лекпома в один из таких батальонов, почти целиком сформированный из бывших пограничников КВжд.

Потекли дни. В соседстве «солдат без усиков» — женщин-«ударниц» скучать не приходилось. Как жил фронт, как развертывалась политическая жизнь, — наши батальоны не интересовались. Благо кормили, как на убой. Обмундирование такое, что у фронтовиков-офицеров не встретишь.

Но не все так смотрели на нашу стоянку. В нашем батальоне была группа, внимательно следившая за ходом событий: июньским наступлением, введением смертной казни на фронте, выступлением Корнилова и т. д. От внимания этой группы не ускользнуло и то, как смотрели на нас, — «ударников смерти», — фронто-

ЭР00809

вики и солдаты других частей. Ведь стоило только появиться кому-либо из нас на улице с эмблемой смерти на рукаве, как первый же встречный пехотинец злобно буркнет вслух:

— У, гад!..

Пошла подготовка к учредиловке: митинги, ораторы, списки, плакаты. Особенно старались эсеры.

Мой сослуживец Прохоров говорил:

— Послушать их — все обещаются дать, а спрашивается, где возьмут — с нас же?

Однажды мы пошли с Прохоровым в город. По дороге нас обогнал какой-то кавалерист. Отскакав от нас сажен пятьдесят он веером пустил по ветру белые листки и, не оглядываясь, помчался дальше. Мы с Прохоровым поспешили их поднять. Это было воззвание «к солдатам и матросам русской армии и флота», выпущенное Киевским бюро социал-демократической партии (большевиков). Когда мы прочли его до конца, то почувствовали, в нем что-то близкое, родное.

Прохоров взволнованно сказал:

— Давай держаться большевиков!

Я без слов крепко пожал ему руку...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА АМУР

Вечером этого же дня, гуляя по улицам, где были расквартированы ударные батальоны, мы с Прохоровым разбросали первые листовки. А дальше, в течение какой-нибудь недели, наши батальоны буквально наводнились большевистской литературой...

ЭР00809

В средине октября я был в городе и зашел выпить бутылку пива в столовую. Ко мне подсел человек, по виду рабочий, и начал разговаривать о политике.

— Какой вы придерживаетесь партии? — спросил меня мой собеседник.

Я, не задумываясь, выпалил, что придерживаюсь социал-демократов (но каких, — дипломатично умолчал).

Рабочий с недоумением вперил в меня глаза:

— Вы это серьезно?

— Да, серьезно.

— Да что вы, голубчик? Вы же из батальона смерти!

— Ну так что же?

— Да, ведь, эти батальоны — детище Керенского и кадетов!

— Как, что?

— Да разве вы не знаете? В таком случае, вы — жертва недоразумения.

— Серьезно, я, да и некоторые другие, ничего не знаем. Держат нас в тылу, а для чего, для какой цели — понятия не имеем...

Тут мой собеседник вполголоса стал мне объяснять роль батальонов смерти, однородную с ролью жандармов и казаков в 1905 г. Потом извинился, сказал, что выйдет на минуту. Я заказал пива, но мой собеседник не возвращался. Только тут я догадался, с кем имел дело...

Я не распространяюсь подробно о нашем разгово-

ДВГНБ

ЭР00809

ре, так как думаю, что теперь всем известно, о чем мог говорить мне в тот момент большевик-подпольщик. Одно скажу, — его слова глубоко проникли в мое сознание. Гвоздем засела мысль — сбежать из проклятого батальона.

Я воспользовался своим положением заведывающего аптекой и в тот же вечер стал пичкать себя всякими возбуждающими нервы и сердце микстурами, а чтобы придать лицу изнуренный вид—хватил большую дозу слабительного. На следующее утро батальонный врач выписал мне путевку в лазарет. Но так как местные госпитали и лазареты были переполнены, я к концу дня уже покачивался на койке военно-санитарного поезда, увозившего меня куда-то на восток.

На третий день нас привезли в город Липецк, Орловской губернии, и я был помещен в лазарет «Союза городов».

Пролежав пять дней, я был назначен на комиссию и получил трехмесячный отпуск.

Трудно забыть условия поездки, существовавшие тогда на железных дорогах. Люди ехали и в вагонах, и на вагонах, и под вагонами. Ехали по нескольку дней стоя, без пищи, без сна. Все жили одной мыслью о доме.

С Челябинска стало несколько лучше. Нам, группе амурцев, удалось завоевать теплушку с прямым назначением до Иркутска. Здесь мы имели возможность уснуть, хотя бы посменно.

В Челябинске мы впервые услышали зов Октября.

ЭР00809

Везде на станциях алели плакаты: «Да здравствуют советы!» Как было отрадно, когда мы прочитали в газетах «Долой войну!» Хотелось скорее домой, за работу.

Но уже в Иркутске было неспокойно. Юнкера готовились к выступлению против большевиков. По дороге же к станции Приисковой (недалеко от Читы) мы услышали о семеновцах. Все принялись кое-как нашивать погоны к шинелям (мы ехали, уже простившись с дисциплиной и традициями старой армии).

На Приисковой появился военный контроль. В вагон вскочили казаки. Началась проверка документов, перешедшая в повальный обыск. Ко мне подошел казак и приказал открыть мой ящик. В ящике лежали рубашки, брюки, полотенце и несколько флаконов медикаментов. Казак, потянув за полотенце, выбросил на пол и разбил один из флаконов. Я обратился к нему в вежливом тоне: «товарищ, нельзя ли поаккуратнее». Казак развернулся и хватил меня по уху так, что из глаз посыпались искры.

— Твой товарищ... в Питере остался, — едко процедил сквозь зубы казак.

Я невольно подумал: а ведь правду сказал!..

Дальше мы погон уже не снимали и со словом «товарищ» обращались осторожно.

Приближаясь к Благовещенску, купили правоэсеровскую газету «Эхо». Из нее узнали, что в Амурской губернии процветают земство и городское самоуправление.

ЭР00809

За время моего отсутствия многое изменилось на селе. Со дня февральского переворота амурская деревня перешла под власть земства и деревенских «комитетов безопасности» или, как их просто называли, «канители опасности».

Вести об Октябрьском перевороте не дошли до деревни. Все жили в полном неведении о том, что творилось в центре.

Между тем с фронта в село уже приехало несколько человек, которые хотя и поверхностно, но уже кое-что знали о большевиках и большевизме. Все они пришли ко мне, делились своими впечатлениями о России, о Советской власти и страшно волновались, что земство еще сохраняет власть. Я сказал, что Советскую власть нам добровольно никто не даст. Ее нужно взять организованной силой с оружием в руках, как сделали рабочие и солдаты в Питере Из дальнейших наших разговоров выяснилось, что товарищи ждут только почина. Тут же было сделано небольшое организационное собрание и запротоколирован план дальнейших действий. В первую очередь намечено было провести митинг в школе и на нем попытаться выступить с агитацией за признание Советской власти и за неподчинение земству. Решили, в случае удачи, выехать с агитацией по другим деревням. Это поручалось мне и тов. Смолину. Затем постановили, чтобы тов. Максак и другой товарищ (фамилии его не помню) выехали в Благовещенск, связались с комитетом большевиков,

ЭР00809

овидали тов. Мухина, Сюткина и заручились дирек-ивам для дальнейших действий.

О нашем совещании узнало все село. На следую-ий день, проходя по улице с тов. Смолиным, мы ви-ели, как школьники далеко обегали нас и затаенно оворили: «большевики, большевики!».

На третий день после приезда пришел ко мне один рестьянин-середняк.

— С просьбой к тебе. Будь добр, голубчик, разъ-сни ты мне пожалуйста, кто такие большевики?

Я объяснил, как умел, кто такие большевики и че-о они добиваются.

— Так вот оно что!... Выходит, что я тоже боль-евик. А я-то думал!.. Эх, чорт возьми! — сказал кре-тьянин и разразился хохотом.

Вечером я рассказал об этом собравшимся товари-ам, которые в свою очередь хохотали до упаду. Но го лишний раз убедило нас в том, что необходима ирокая агитация, что нужно ликвидировать, и как ожно скорее, ложное представление о большевиках и оветской власти.

В воскресный день ребята собрались ко мне часов десяти утра. Мы организовали вестовых, поручили им бъехать село (в селе было двести дворов) и созывать рестьян на митинг «по очень важному вопросу».

Часам к семи вечера помещение школы было до тказа набито народом. На митинг пришло не менее орока процентов женщин. В двухчасовом докладе я ольше всего напирал на цифры барышей, нажитых

Библиотека
Черновская краевая
научная библиотека
99112
ЭР00809

РБ НБ

фабрикантами за время войны на военных поставках, объяснил, кому и для чего нужна была война, обрисовал положение находящихся на фронте и состояние их хозяйства в тылу. Гвоздем доклада был вывод, что только партия большевиков положит конец произволу буржуазии, что только через нее мы получили, наконец, возможность возвратиться домой к своим семьям. Я подчеркнул, что Амурская губерния отстала, что власть здесь не в руках Советов, а в руках земства. В земстве же сидят буржуи и деревенские кулаки, которые и сейчас продолжают настаивать на том, чтобы продолжать войну.

Стоит ли пояснять, какое отношение к земству создал мой доклад? Старики и жены солдат, еще не возвратившихся с фронта, хором грянули:

— А, им надо воевать! Так пусть они, толстопузые, сами идут и воюют, а нам войны не надо!..

Посыпался целый поток вопросов о земле, о деньгах, о солдатчине и пр. Яростнее всех засыпали меня вопросами поп и дьякон. Затем была зачитана резолюция (наша группа выработала ее заранее). Основное содержание резолюции: признание Советской власти как в центре, так и на местах, требование скорейшего созыва областного крестьянского съезда, немедленный роспуск волостного земства и создание волостного исполкома Советов.

Резолюция, поставленная на голосование, прошла единогласно. Но в виду того, что нами намечался план дальнейшей агитации по другим селам, а мы знали,

ЭР00809

го деревенская публика мало доверяет протокольным остановлениям за подписью только председателя и екретаря, мы предложили всем присутствующим подисаться лично под постановлением. Мы объяснили, го в соседних деревнях будет больше доверия. Под ротоколом подписалось более двухсот человек, в том исле шестьдесят женщин. Подписавшиеся женщины меялись:

— Пусть буду и я большевичка!..

Не пожелали подписаться только местный купец кунин, Капщук — служащий торгового дома «Пьянв с братьями» и, конечно, отцы духовные, — они идно улыбались: посмотрим, мол, что у вас из этого йдет.

Перед окончанием митинга в школу влетел Илья евский, произведенный на фронте в прапорщики, и, еголяя новенькими погонами и побрякушками, стал идираться: кто вам разрешил митинг, что такое, в м дело?..

Ему заметили, что нужно было присутствовать на тинге, тогда бы он знал, о чем шла речь на собраи. О созыве же собрания ни у кого разрешения не рашивали да и не находим нужным кого-либо спрашивать.

Прапорщик задохнулся от злости:

— Я знаю, чья это затея!.. Подождите, приберут к рукам, господа большевики! — кричал он в нашу орону.

Нам надоел его крик.. Вмиг сорвали с него погоны,

ЭР00809

браунинг и побрякушки, а сам Киевский кувырком полетел с крыльца школы.

На следующее утро ко мне опять собрались все ребята и сделали добровольный сбор денег на дорожные расходы. На всякий случай я захватил с собой браунинг, отобранный у Киевского. Напутствуемые всевозможными пожеланиями, я и Смолин направились в деревню Березовку для продолжения начатого нами дела.

Добрая пара лошадок под звон колокольчиков незаметно сократила десятиверстное расстояние до Березовки. Заехали мы к председателю «канители безопасности», который после непродолжительного объяснения и зачтения протокола собрания семиозерцев сразу же послал созывать крестьян на собрание.

Березовцы просто заявили: раз Семиозерка постановила, то и мы не прочь. Вскоре нам была вручена резолюция, выработанная сельским секретарем из местных крестьян тов. Игнатенко, о признании советской власти и скорейшем созыве областного крестьянского съезда.

К вечеру того же дня мы были в селе Петропавловском.

Заехали к одному товарищу, которого нам рекомендовали как большевика. Он немедленно послал почти всех членов своего семейства и даже соседей за единомышленниками-фронтовиками. Через час приглашенные явились. Проведено было краткое совещание. Собравшиеся товарищи создали группу содейст-

ДВГНБ

ЭР00809

вия и разошлись проводить агитацию среди родных и соседей, понуждая их итти на митинг, чтобы там дружно отбивать выпады кулацких элементов, которых здесь было не мало.

Разослали по селу верховых. Но, как видно, бабий «беспроволочный телеграф» успел скорее наших вестовых информировать село. Когда мы с несколькими товарищами пошли в школу, навстречу нам попался местный поп, спешно шагавший с одним крестьянином. Поровнявшись с нами, поп ехидно сказал:

— Вот и к нам господа захватчики власти пожаловали...

Впоследствии мы узнали, что поп шел в кредитное товарищество, где он был председателем и где им было назначено собрание членов правления «для организации отпора большевикам на митинге».

Часов в восемь вечера был открыт митинг. Народу набилось много, как говорится, яблоку негде упасть. Здесь уже чувствовалось иное настроение, чем в Семиозерке и Березовке. Предстоял словесный бой с крупными кулаками, засеивающими по сто и по двести десятин, с собственниками паровых мельниц и т. п. Жара и духота в школе нестерпимая. Говорили мы среди толпы, стоя на каком то ящике. Только после того как нами были зачитаны постановления семиозерцев и березовцев, пыл некоторых петропавловцев поостыл.

Резолюцию о признании Советской власти приняли подавляющим большинством при нескольких воздер-

ЭР00809

жавшихся (кулаках). Поп с попадьей, увидя такие результаты голосования, бросились к выходу.

— Скатертью дорога! — понеслось попу вслед, — хватит, поморочил нам головы!.. Еще на петров день предлагал отслужить панихиду по Александру III.

Я и Смолин объехали еще ряд селений нашей волости. Кое-где приходилось сталкиваться с сильным кулацким влиянием. В некоторых деревнях нас даже хотели арестовать, но мы увернулись. Большинство деревень разбивалось на два лагеря: на сочувствующих и на противников. Но число постановлений о признании Советской власти непрерывно росло. Замечательно то, что областное земское управление и другие власти с первых же дней знали о нашей работе, но ничего не предпринимали.

В одной из деревень мы получили записку из другой волости, от агитаторов-большевиков из благовещенского гарнизона. В записке товарищи просили приехать на совещание.

Так как мы об их действиях слышали от крестьян, то, не боясь никакого обмана, решили сейчас же поехать.

Забыл название деревни, в которую мы прибыли по вызову товарищей. Квартиру их нам не пришлось долго искать; стоило лишь обратиться к первому же встречному мальчишке и спросить, где большевики стоят на квартире, как тот сейчас же вызвался проводить нас.

Товарищей тоже было двое. Оба в военной форме,

ЭР00809

но без погон, а у одного, видимо, для пущей важности, все еще болтались на груди три георгиевских креста.

Товарищи нас встретили радушно. Всю ночь напролет проговорили о том, как вести дальнейшую работу по разложению волостных земств и созданию волостных исполкомов...

Дня через четыре мы уже были дома. Задержки в подводах не встречалось: население относилось к нам с нескрываемой симпатией. Зачастую подавали нам тройки с колокольчиками и говорили:

— А что ж, не все кататься приставам да крестьянским начальникам!..

На наши протесты не обращали внимания:

— Садитесь, садитесь! На тройке-то скорее довезут, скорее и работу проведете. За нас же стараетесь...

В своем селе в тот же вечер мы назначили большевистское собрание в школе, пригласив мимоходом несколько граждан из сочувствующих.

Заслушали сообщение товарищей, ездивших в город, и наш доклад о поездке по селам.

Из доклада товарищей, ездивших в город, выяснилось, что они самого главного, что нам было нужно, а именно — партийных указаний, — не добились.

Из деталей, переданных ими, мы заключили, что они не сумели убедить организацию и войти в ее полное доверие. Мы, с своей стороны, огласили несколько постановлений сельских обществ с наиболее решительными резолюциями.

ЭР00809

Было принято решение вторично послать делегатов в город для связи с большевистской организацией и получения от нее указаний о дальнейших действиях. Большинством голосов были избраны я и тов. Максак (последний, как уже бывший один раз в комитете большевиков).

ВОЛОСТНОЙ СЪЕЗД

В Благовещенске мы встретились с тов. Мухиным и имели с ним небольшую беседу. Он взял у нас постановления крестьян, поблагодарил за проделанную работу и попросил зайти в белый дом (бывший губернаторский), где помещался комитет партии социал-демократов (большевиков).

Вечером в назначенный час мы пошли в комнату, которую занимал комитет. Вспоминая теперь то время, кажется невероятным, что под одной кровлей уживались земство и большевики...

На заседание прибыло человек двадцать. Тут были и тов. Мухин, Сюткин, Лештаев, Сомов, строков и другие. На повестке дня стоял сначала вопрос об увольнении старших возрастов военнослужащих в бессрочный отпуск, затем наш доклад.

Товарищи очень сердечно отнеслись к проделанной нами работе, но все же заметили, что прежде чем двигаться в деревни с агитацией, нужно было согласовать этот вопрос с организацией. В протокол записали о принятии доклада к сведению, но выступавшие товарищи в своих речах наметили нам целый ряд заданий.

ЭР00809

Первое — подготовить массы к предстоящему крестьянскому съезду, стараясь выдвинуть на съезд сочувствующих большевикам, и, второе — парализовать в низах всякие противодействия земских властей.

С первым же отходящим поездом мы возвратились домой. Быстро собрались вновь у одного из товарищей и наметили кандидатов, которых нужно было, с нашей точки зрения, провести на съезд. Заготовили под копирку к товарищам соседних сел бумажки, в которых от имени своей группы просили проводить на съезд товарищей, намеченных нами.

В ту же ночь послали нарочных в соседние деревни с просьбой не задержать пересылку пакетов в дальнейшие села.

Через несколько дней в сельское управление или, как тогда оно называлось, — «комитет безопасности», пришли два пакета. Один от волостного земства, другой — от комитета большевиков. В первом предписывалось избрать десятидворных представителей на волостной земский съезд и с последнего уже делегировать избранных представителей на областной земский съезд; во втором (от комитета большевиков) — предлагалось послать на областной съезд (кроме выдвинутых волостными земскими съездами) от каждых пятидесяти дворов еще по одному представителю и снабдить их наказами: не признавать земского съезда, а объединиться всем в чрезвычайный крестьянский съезд, на котором требовать низложения земской власти и установления власти Советов.

ЭР00809

Комитет «общественной безопасности» стал втупик. Чье распоряжение исполнять?

Чувствуя наше влияние в массах, он пригласил из нас несколько человек для разрешения этого вопроса. При нашем участии и руководстве в следующее же воскресенье были избраны делегаты на волостной и намечены представители на областной съезды.

В день волостного съезда из всех селений, где мы были с агитацией, приехали делегаты, почти все те, кто были нам желательны. Председателем съезда единогласно был избран я. После доклада председателя земства о деятельности последнего за прошедший период в прениях выступил ряд товарищей с едкой критикой земских заправил из кулаков и старых интеллигентов.

Съезд носил очень бурный характер. Пытавшимся оправдываться земцам не давали говорить. В конце концов, товарищи указали, что в соседних волостях уже избраны исполнительные комитеты волостных советов и предложили на этом же съезде избрать исполком. Это предложение было поставлено на голосование. Все делегаты, как один, голосовали — за. В силу этого съезд перешел к обсуждению вопросов, которые в начале его работы не предусматривались. Был избран состав совета (пять членов и три кандидата). Распределение должностей решено было произвести после возвращения двух членов совета с областного съезда. Избранным членам совета поручалось на следующий же день приступить совместно с земской ревизионной

ЭР00809

комиссией к ревизии волостного земства и к ознакомлению с его работой.

По окончании всех вопросов съездом была послана телеграмма комитету большевиков о проделанной работе и намеченных мероприятиях.

Под крики «ура» и пение «Смело, товарищи, в ногу» в два с половиною часа ночи съезд закрылся. Земцы, потерпевшие полное поражение, растерянно поплелись домой...

ОБЛАСТНОЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД

В феврале 1918 г. я и тов. Максак, как делегаты волостного съезда, прибыли в Благовещенск на четвертый областной крестьянский съезд.

Нас поместили в общежитие, устроенное в военной казарме. При выборе общежития организаторы съезда заботились, с одной стороны, о том, чтобы делегаты не подверглись внезапному нападению со стороны реакционных элементов, а, с другой, — чтобы удобнее было вечерами большевистским агитаторам проводить беседы с делегатами съезда. В этих беседах также выявлялись способности и политическая направленность того или иного делегата из крестьян, что было необходимо в целях выдвижения кандидатур в будущий исполком.

Мы с тов. Максаком приехали в Благовещенск за два дня до открытия съезда. В эти два дня мы бродили с ним по городу, присматривались и прислушивались к настроению массы. Чувствовалось какое-то

ЭР00809

особенное напряжение и необычайное движение. Везде кучки народу и — к какой ни подойдешь — обязательно спор о большевиках. Везде слова о Ленине, где в благожелательном духе, — а где — хоть сразу вступай в бой. «Проклятые большевики, грабители, предатели, продали Россию Германии». И так без конца. Или, наоборот, какой-нибудь рабочий разносит Керенского, Родзянко, эсеров за то, что хотели немцам сдать Петроград, не выполнили обещаний, данных трудящимся и т. д.

Голова шла кругом в этом хаосе напряженных споров. Каждый старался доказать свою правоту. И всюду спор кончался словами:

— Ладно, вот приедут крестьяне на съезд, — они скажут, кого надо поддерживать.

На крестьянский съезд одинаково возлагали надежды и буржуазия, и рабочие...

По городу, чуть ли не через каждые два-три часа, с песнями демонстрировали казаки-«амурцы», вооруженные пиками. Каждую ночь с провокаторской целью производились ограбления прохожих, вырезались целые семьи.

Воззвания буржуазии призывали всех домовладельцев и «порядочных» граждан «в целях охранения себя и имущества от темных сил» (читай — от большевиков) организоваться в дружину «обороны безопасности» и вооружиться.

Был создан официальный аппарат этой дружины под руководством ярого монархиста, штабс-капитана

ЭР00809

Языкова. Помимо добровольцев из местной буржуазии, в эту дружину по рекомендации «надежных людей» принимались лица с темным прошлым на оклад в сто двадцать рублей в месяц. Дружинников набралось за полторы тысячи человек. Назначены были участки, их начальники, командиры рот, взводов и т. д.

А у нас, наоборот, дисциплина в войсках с каждым днем падала. Все как будто сочувствовали большевизму, голосовали за признание советской власти, но один за другим дезертировали домой. В вятской дружине осталась только молодежь. Раздавая направо и налево отпуска по болезни, контрреволюционная корпорация врачей сознательно затягивала петлю для удушения Советов.

У воинского начальника скопилось много фронтовиков и запасных, которые яро требовали немедленной отправки их домой.

Учитывая это, военный комитет, в котором были большевики во главе с тов. Мухиным, постановил остаток старших возрастов демобилизовать в плановом порядке, выдав уходящим на руки трехлинейные винтовки и по 100 штук патронов.

Между тем в казачьих частях оставались все возрасты, мобилизованные в ряды войск, и среди них сохранялась дисциплина. Приказы атамана Гамова исполнялись беспрекословно, только в двух сотнях (переселенцев из России, приписанных к казачеству) было брожение; несколько человек из них входило в военную большевистскую организацию...

ЭР00809

За день до открытия крестьянского съезда лидеры меньшевиков и эсеров собрали митинг в городском театре и потребовали для «отчета» большевистских лидеров — тов. Мухина и Сюткина. Театр был битком набит публиком.

Как только пришли Сюткин и Мухин, все сразу накинулись на них: почему заключен мир с германцами, почему распустили армию, на каком основании разогнали «народное» министерство и т. д.

С деловыми речами никто не выступал.

Попытался было говорить наш паренек Кирилл Иванов, да куда там! — поднялся невообразимый рев, кто кричит — «браво, просим...» кто — «долой!.. мерзавец, предатель...»

Тужился-тужился наш тов. Иванов, покраснел, как рак, пот брызнул градом, но в конце концов махнул рукой и, обернувшись к эсеру Алексеевскому, наступавшему со слюной у рта на тов. Сюткина, схватил его за горло...

Тут и поднялся тарарам. Алексеевский, председатель городского самоуправления, был душой всех благовещенских заправил. И когда тов. Иванов схватил его за горло, на сцене началась свалка. Барыньки завизжали: «нахальство, произвол», а наши гремят, сотрясая стены: «лупи его, гада, лупи...»

Вдруг кто-то во все горло крикнул: «казаки»!..»

Все бросились к дверям. Люди давили друг друга.[1]

[1] До сих пор не могу понять, почему так шарахнулась буржуазия Благовещенска от выкрика: „казаки"...

ДВГНБ

ЭР00809

Когда публика вывалила на улицу, то нигде никаких казаков не оказалось, за исключением какого-нибудь десятка одиночек, которые были на митинге в числе других граждан. Тут все успокоились и стали вновь сбиваться в группы. Подошли и мы с тов. Максаком к одной из таких групп, где особенно кипятилась и брызгала слюной одна гражданка, весьма смахивавшая на мартышку в очках. Глотая воздух, как выброшенная на берег рыбешка, она истерически визжала:

— Подождите, вот приедут крестьяне на съезд, они покажут вашим Сюткину с Мухиным, где раки зимуют!..

Меня это взорвало Я протискался сквозь толпу и сказал:

— Да что вы все носитесь: крестьяне, крестьяне! Ну, что они, по-вашему, могут сказать? Я вот крестьянин и делегат съезда, на который вы возлагаете свои радужные надежды...

Все притихли.

Со стороны стали все еще подбегать к кругу и вытягивать шеи, чтобы увидеть «крестьянского депутата».

— Мы с буржуазией не пойдем, — продолжал я, — учредительного собрания мы не признаем. Мы за советскую власть и утвердим ее в Амурской губернии. Крестьянство не пойдет против своих российских братьев.

— Провокатор!—крикнул какой-то мужчина в ено-

ЭР00809

товой шубе и придвинул ко мне свою отъевшуюся рожу:

— Ваш мандат!

Я вынул свой мандат и попросил стоявшего рядом со мной гражданина прочитать вслух...

Тут обезьянья барынька взвигнула от злости и, подскочив, плюнула мне в глаза.

— Предатель, продал доверие своих односельцев!..

Поднялся крик и гам. Цветистые, увесистые «комплименты» по моему адресу потонули в сплошном нарастающем гвалте толпы. Говорить больше не имело смысла, и мы с Максаком пошли в казарму, горячо обсуждая пережитое.

Утром, в день открытия съезда, к зданию театра, где должен был заседать съезд, пришли патрули от наших воинских частей. К одиннадцати часам утра стали сходиться делегаты. Пропускались на съезд только по мандатам. Частные граждане в помещение не допускались. Это сразу вызвало негодование буржуазии и ее приспешников, окружавших театр.

— Ишь, обставились штыками! Разве это съезд? Там, под шумок, будут проводить все, что только им вздумается...

Бросилось в глаза, что на съезд, который должен был открыть председатель земства, последний, видимо, вовсе и не думал являться. Съезд открыл тов. Мухин. Председателем съезда был единогласно избран тов. Сюткин, один из лидеров благовещенских большевиков. Президиум был избран почти весь из приезжих

ДВГНБ

ЭР00809

крестьян-делегатов. От большевиков в президиум съезда (насколько помню) вошел один тов. Караваев. Попал в президиум и один анархист. По данным мандатной комиссии, на съезде присутствовало около шестисот человек с правом решающего голоса и человек двести с совещательным. Большевиков — членов партии — на съезде было не более пятнадцати человек. Но эта горсточка целиком выражала революционные настроения восьмисот делегатов, представлявших четырехсоттысячное население Амурской области. Это кажется очень простым и понятным теперь, но тогда... кто мог тогда быть уверен в том, что слабо организованная крестьянская масса пойдет за большевиками...

Съезд имел необыкновенно-торжественный характер. Все стены и подмостки сцены, где поместился президиум, были увешаны алыми полотнищами с волнующими большевистскими лозунгами.

После краткого приветственного слова тов. Мухина, открывшего съезд, ему устроили такую овацию, что нет возможности передать. Все с энтузиазмом кричали «ура», хлопали до боли в ладоши, подкидывали вверх шапки, стучали ногами.

Такая же бурная овация покрыла и первые слова тов. Сюткина, когда он взошел после голосования на председательское место.

Равнодушно сидели только эсеры и меньшевики.

На утреннем заседании второго дня съезда с докладом выступил тов. Мухин. Ему дали по регламенту

ЭР00809

два часа, но пришлось прибавить еще час. В эти три часа он обрисовал съезду основные принципы большевистской программы, дал анализ классовой сути временного правительства Керенского, говорил о войне и армии, о международном и внутреннем положении и, наконец, об Октябрьской революции и власти Советов. В заключительном слове тов. Мухин призывал съезд немедленно избрать Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, которому и передать всю полноту власти в области. Он внес предложение заставить областное земство отчитаться и сдать свои полномочия вновь избранному Совету, а структуру управления выработать на основе декретов Совета народных комиссаров и ЦИК.

Содокладчиком тов. Мухина выступал тов. Караваев. После выступал целый ряд ораторов от комитета партии, профсоюзов, войсковых частей и прочих организаций.

Выступавшие меньшевики и эсеры яростно орали:

— Да здравствует учредительное собрание, как истинный выразитель воли народа.

Их ехидно спрашивали с мест:

— Какого народа?..

На вечернем заседании выступили с докладами гласный городской думы Шишлов и председатель земства Родионов.

Первый, не касаясь совершенно политического момента, стал расписывать съезду заботы земства о огромных племенных быках, породистых жеребцах

ЭР00809

дадановских ульях и проч. Все время он напирал на то, что-де только земство может дать благо народу, и никто другой.

Делегаты, вышедшие из терпения, закричали:

— Долой!.. Довольно вы нас кормили медом!..

После Шишлова выступил меньшевик Родионов, который тоже два часа пискливым тонорком тарахтел о социализме, о Плеханове и все сводил к Учредительному собранию, но его также крепко одернули, закричав:

— Довольно напевать нам колыбельные песенки!.. Говори о деле или проваливай к чорту!..

После таких реплик Шишлов и Родионов, как побитые, сбежали со сцены.

Назавтра эсеро-меньшевистское «Эхо» метало гром и молнии, доказывая, что съезд стал на ложный путь соглашательства с большевиками.

Третий день съезда прошел в работе секций. Надо сказать, что государственная работа была нам совершенно незнакома. Как и что делать, как подойти к тому или иному вопросу, — очень мало кто знал, но хотелось сделать все так, чтобы с первого момента бросалась в глаза всем трудящимся несравнимая разница с прошлым. Я работал в секциях здравоохранения и земледелия, отдаваясь страстно делу восстановления вкорне разрушенного хозяйства и создания государственного аппарата.

Черная сотня также не теряла времени и лихорадочно готовилась к вооруженному выступлению для

ЭР00809

свержения формировавшейся Советской власти. Атмосфера заметно сгущалась. На вечернем объединенном заседании появились казачьи офицеры и урядники. Они попросили предоставить им слово, в чем, конечно, им не было отказано.

Один из урядников выступил с речью, в которой указывал, что объединенное казачество таких-то частей делегировало их заявить настоящему съезду, что оно Советской власти не признает и, верное долгу и своей родине, постановлениям этого съезда подчиняться не будет. Казачество-де не считает этот съезд истинным выразителем воли народа, поэтому-де до созыва очередного войскового казачьего круга оно, казачество, будет подчиняться лишь распоряжениям наказного атамана всех казачьих войск Амура — Гамова, облеченного доверием всего казачества на предыдущем круге. Но если даже и войсковой круг признал бы Советскую власть, то верные своему долгу казачьи части ему не подчинятся и всеми имеющимися в их распоряжении средствами будут стремиться довести Россию до Учредительного собрания.

В это время в ложе сидели Гамов, председатель земства Родионов, Шалимов, Прищепенко и еще несколько лиц из контрреволюционной верхушки города.

С ответной речью казакам выступил делегат съезда тов. Подкорытов (крестьянин), который красочно обрисовал предательскую роль казачества во всех революциях и заявил от имени съезда, что если казаки

ЭР00809

вздумают чинить насилие над волей революционного крестьянства и рабочих, то «мы также вынуждены будем ответить на насилие насилием».

После тов. Подкорытова выступил казак Прохоров, который заявил, что данная делегация, называя съезд самозванным, сама состоит из самозванцев; она делегирована не трудовым казачеством, а лишь кучкой казачьих кулаков и офицеров.

— Я, — сказал тов. Прохоров, — от имени первой и второй сотен заявляю, что мы ни на какую авантюру не пойдем: мы всецело присоединяемся к воле съезда трудового крестьянства. Никаких учредительных собраний мы не признаем, мы — за власть Советов, которую будем поддерживать с оружием в руках.

Все делегаты поднялись с мест и, стоя, устроили бурную овацию. Помню насмешливые возгласы:

— Гамов, как тебе это нравится?

На четвертый день заседание съезда было перенесено в казарму, в район расположения верных нам воинских частей.

Такая мера была вызвана явно враждебным настроением некоторой части казаков, которые опять стали демонстрировать по улицам в полной царской форме при оружии. Вечером пьяные казаки шлялись по тротуарам и нагло приставали к прохожим. В таком их поведении было видно явное намерение спровоцировать вооруженное столкновение.

Создавшаяся обстановка была учтена. Отсюда — решение закончить работу съезда в казарме, выставив

ЭР00809

в секретных местах хорошо вооруженные воинские части. Такая мера предосторожности не ускользнула от внимания белых. На завтра же право-эсеровское «Эхо» завопило на своих страницах: вот как они решают судьбу народа, — обставились пулеметами, торгуют Россией и т. д.

С наступлением темноты город замирал. Только белогвардейская самоохрана целыми взводами и ротами маршировала по улицам. Куда и зачем — никто из нас не знал. Но все чувствовали, что напряжение должно скоро разрядиться в вооруженной схватке...

На последнем заседании съезда был избран исполнительный комитет в составе девятнадцати товарищей: Мухин, Сюткин, Мамонов, Вшивков, Зубак, Копытов, Тылик, Стрыков, Кара, Мякишев, Марков, Кривоногов, Матвеев, Ткаченко Джалов, Шпак, Капитаняук, Блоха, Боровский. Были также избраны кандидаты: Кузнецов, Бушко, Горенко, Корсаков, Вабенко.

В этот же день приехали из Хабаровска председатель Дальневосточного исполнительного комитета тов. Краснощеков и члены исполкома тов. Губельман и Калманович. Последние выступили на съезде с приветствиями и докладами о политическом и хозяйственном положении Дальневосточного края.

Съезд закончился в 2 часа ночи под звуки оркестра, игравшего «Смело, товарищи, в ногу».

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

На следующий день часть делегатов стала разъезжаться по домам. Исполнительный комитет в полном

ЭР00809

составе собрался к десяти часам утра в управлении земства, в бывшем губернаторском доме. Служащие все были на своих местах. На нас поглядывали как-то недружелюбно. Вновь избранный исполком разместился за большим столом в огромной зале заседаний. Тов. Мухин открыл заседание и просил наметить повестку дня.

В повестку дня вошли только два вопроса:

1. Распределение обязанностей между членами исполкома и назначение комиссаров в госучреждения.

2. О приеме дел и имущества от земского управления.

Были выбраны: Мухин — председателем, Мамонов — его заместителем, Джалов — секретарем, Кузнецов — комиссаром финансов, Поспелов — комиссаром труда, Сюткин — комиссаром продовольствия, Тылик — комиссаром казначейства, Патрушев — комиссаром земледелия, Митин — комиссаром милиции, Мосунов — комиссаром народного имущества, Леонтьев — военным комиссаром, Вшивков — комиссаром здравоохранения, Зубак — комиссаром социального обеспечения, Снегирев — комиссаром торговли, Бугаев — комиссаром политического отдела, Удоденко — комиссаром юстиции.

Остальные члены исполкома были прикреплены к разным его отделам. В то же время из кооптированных товарищей назначены были: Караваев — комиссаром красной кавалерии, Садчиков — комиссаром военного флота, Бухат — комиссаром водного транспорта,

ЭР00809

Кидал — комиссаром мастерских затона, Корович — комиссаром просвещения. Словом, аппарат управления был сконструирован в течение какого-нибудь часа.

После распределения обязанностей и назначения комиссаров послали за председателем земства Шишловым, чтобы он сдал все дела земской управы. Но куда там!.. Шишлов, выходя из себя, заорал:

— Я вас, самозванцев, захватчиков, не признаю! Через труп мой перейдете, тогда только возьмете власть в свои руки!..

Что оставалось делать? Велели собраться всем служащим земства в зал заседаний. Когда все собрались, комиссар финансов Кузнецов стал на табуретку и обратился к служащим с речью. Но лишь только он коснулся вопроса, что желающие остаться служить должны сейчас же подать заявления,— зал загудел.

Одна накрахмаленная барынька, Перминова, показала тов. Кузнецову комбинацию из трех пальцев и взвизгнула:

— Вот вам, большевики проклятые!.. Лучше я с голоду сдохну, чем стану служить оборванцам...

И действительно, мы, большевики, походили на оборванцев; Кузнецов тоже имел непривлекательный вид в своем рваном пальто, помятой кепке, стоптанных ботинках и костюмишке сомнительной чистоты.

Как по мановению, все служащие покинули управление, и мы остались правителями без аппарата управления...

ЭР00809

Я пошел в медицинский отдел, которым заведывал гласный земства (фамилию забыл). Он направил меня к секретарю, а сам тоже поспешил улизнуть. Секретарь, Журавлев Илья Нестерович, прослуживший в этой должности лет тридцать, принял меня заискивающе.

— Ну, как, гражданин Журавлев, остаетесь вы у нас служить? — прерывая его любезности, ребром поставил я перед ним вопрос.

Он нагнулся ко мне и шепнул:

— Завтра скажу!..

Я пошел в зад заседаний. Почти все товарищи были в сборе. Тов. Тылик — комиссар казначейства, информировал, что как только он объявил себя комиссаром, посланным исполкомом для заведывания казначейством, — все служащие демонстративно покинули свои места, а заведывающие кладовыми и кассами даже унесли с собой ключи.

Через несколько минут пришел комиссар почты и телеграфа и доложил, примерно, о такой же истории.

Итак, не прошло и часа, как мы уже стояли перед фактом общей забастовки почти всех служащих правительственных учреждений. Мы недолго обсуждали, что предпринять. Решили пока оставить вопрос об аппаратах управления, а взяться за организацию обороны. Необходимо было немедленно же наладить политическую разведку и карательные органы.

В этот же день был назначен митинг в театре «Мираж». К семи часам вечера публики набилось до от-

ЭР00809

каза. Было много серых шинелей, но не меньше того и форменных пальто и фуражек с кокардами; были даже три офицера в форме.

Митинг открыл тов. Мухин, который объявил, что на повестке дня — текущий политический момент.

На подмостках разместились все члены исполкома и тов. Краснощеков, которому первым предоставили слово. Более часа он объяснял бессмыслицу откалывания Амура от всей России, безумие забастовки, которую затеяли служащие. Когда он заявил, что пролетариат вынужден будет, не церемонясь, расправиться со злостными саботажниками, то со стороны контрреволюционных мещан раздался рев:

— «Долой жида!.. Немецкий шпион!..» Так и не дали закончить тов. Краснощекову.

За тов. Краснощековым выступил какой-то меньшевик. Он все время твердил о демократии и кончил, конечно, учредиловкой.

Раздался гром аплодисментов со стороны интеллигенции, а наши надсаживаясь кричали — «долой, долой!..».

В общем, ни один из ораторов не мог закончить своей речи, — не та, так другая сторона обрывали их на половине. Страсти разгорались. Достаточно было уже первых слов выступающего оратора, показывающих его политическую окраску, как одна из сторон начинала орать: «долой», а другая: «браво, просим бис!..»

Но вот выдвинулась на позицию «тяжелая бата-

ЭР00809

рея» — тов. Мухин. Зычным, протяжным басом он начинает:

— Товарищи! Граждане!.. Ну, кричите и мне «долой»!..

Это как будто-бы отрезвило участников митинга. Ни одного смельчака не нашлось крикнуть — «долой». Только в конце его речи человека четыре крикнули: «довольно, слыхали ваши песни».

После тов. Мухина выступил крестьянин — член исполкома тов. Черновол. Яркий тип бедняка, катанки унизаны заплатами, изодранная шубенка пестрела латками из шубных и мешочных лоскутков. Оратор, с впалыми строгими глазами, полуокладистой бородкой, с русыми волосами, подстриженными по-украински в кружок, кряжистый, довольно высокий, немного сутуловатый, — вышел на сцену без всякого видимого волнения и твердо, не торопясь, начал свою речь. Говорил он, употребляя много украинских слов, со свойственным украинцам юмором. Речь его, в основном, сводилась к забастовке интеллигенции. Он проводил параллель между ученым чиновником и неученым крестьянином.

— Як було тоби симь лит и мини симь лит, то ты пийшов учыться у школу, а мине батько пислал пасты тылят. Як стало нам по дисять лит, — ты пийшов у другий класс, а я за плугом стал бигать..

Так сравнивал он жизнь двух ровесников: — баловня судьбы и борца с нуждой.

— Як стало тоби двадцать годив, — продолжал

ЭР00809

Черновол, — ты пийшов в университет, а я жинився и сам стал хозяйствовать, нести вси тяготы, платыты налоги и подать, а на ти гроши тоби давали стипендию, строили университеты. Я холодом и голодом выколачивав несчастни копейки, а ты сытно кушав и в теплой постельки потягивався, а як вывучився, то кажешь: я — вченый, мини триста рублей, а ты — дурак, мужик, тоби — и гроша жалко... Вдумайтесь, граждане, яка тут вопиюща несправедливость, волчья неблагодарность!..

Затем он неожиданно перешел к истории французской революции, коснулся революции в России, громил лжесоциалистов. Мы все были поражены его талантом и начитанностью. Судя по всему, выступление Черновола было и для буржуазных элементов ошеломляюще. Они были как бы загипнотизированы его речью: до самого конца ее не было никаких выкриков. Только последние слова тов. Черновола: «Итак, только через Советскую власть, через диктатуру пролетариата человечество придет к светлой жизни», — вызвали крики: «Долой советскую власть». Но сочувствующие устроили тов. Черноволу такую овацию, что, казалось, рухнут стены...

ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕЛЫХ

Когда публика вышла с митинга, было уже часа два ночи... Возвратясь в общежитие, мы до свету не спали, думая о том, за что же завтра приниматься и что будет завтра...

ЭР00809

Рано утром пришел к нам тов. Мухин и просил часам к 10 собраться в комнату фракции большевиков. К назначенному часу все члены исполкома и комиссары собрались. В земство на службу не вышел никто из служащих. Не вышли служащие и других учреждений. Была назначена комиссия для выработки воззвания к населению и забастовавшим служащим. Насколько помню, в этом воззвании все честные граждане, способные работать в той или иной отрасли канцелярского труда, призывались подавать заявления о принятии на службу, а также напоминалось всем забастовавшим о необходимости приступить к работе. Указывалось, что саботажники, которые не выйдут на работу по обнародовании воззвания, будут считаться самовольно оставившими службу и выплата им всех видов заработной платы производиться не будет... Но — увы! — этому воззванию не суждено было выйти в свет.

Часов в двенадцать дня прибежал с почты один служащий, по форме почталион или экспедитор, и сообщил:

— Товарищи, с почты нагружают на телеги деньги и куда-то хотят увозить.

Тов. Мухин сейчас же дал распоряжение военному комиссару и комиссару почты и телеграфа немедленно остановить увоз денег и ввести в здание почты и телеграфа для охраны два взвода солдат... Это распоряжение было исполнено немедленно... Только что доложил по телефону военный комиссар, что деньги воз-

ЭР00809

вращены обратно и что у кладовых поставлен караул, а комиссаром почты и телеграфа наложены печати, как раздался резкий звонок телефона... Вызывал тов. Мухина атаман Гамов... Я присутствовал при этом разговоре и постараюсь его передать...

— А, гражданин Гамов!.. Ну-ну... Так слушайте, там какой-то произвол, грабеж!.. Пошлите и вы два взвода казаков, интересы-то общие!... Я бы просил вас приехать к нам переговорить и все уладить... Ха-ха-ха, да мы ведь не людоеды, люди, как и вы... Ни в коем случае... Это насилие!.. Ну, чтож подеремся, раз уже на то пошло!..

На этом тов. Мухин окончил разговор с атаманом. Тут же доложил нам, что Гамов «не разрешает» нам вмешиваться в какие бы то ни было правительственные дела, что ввод наших солдат на почту и телеграф считает грубым насилием и предлагает немедленно вывести солдат с почты или казаки силой оружия разгонят нас...

Не успел он закончить свое сообщение, как вбежали два рабочих и заявили, что из водного управления какие-то незнакомые люди нагружают на подводы винтовки и патроны... Опять последовало распоряжение задержать людей и оружие и представить задержанных вместе с оружием в исполком.

Снова Гамов по телефону метал гром и молнии, заявляя, что оружие бралось с разрешения надлежащих властей и что оно предназначается для вооружения гражданской самоохраны.

ЭР00809

Конечно, опять ни до чего не договорились. А тем временем во двор исполкома въехало четыре подводы с задержанным оружием, а к нам в кабинет привели одного русского и двух японцев.[1] Русский держался грубо и вызывающе, а японцы, повидимому, струсили. В русском многие из присутствующих узнали штабс-капитана Языкова, организатора белой гвардии.

Один из наших товарищей подошел к Языкову и спросил его:

— Вы штабс-капитан Языков?

— Ничего подобного, вы ошиблись, но я вам никогда не скажу, кто я.

— Да и не надо, мы сейчас вас отправим в тюрьму, а там видно будет, кто вы...

Японцев мы отпустили, а Языкова под конвоем отправили на гарнизонную гауптвахту, так как стража там была наша, а тюрьма была еще всецело во власти чиновничества... Комиссаром тюрьмы был назначен Омельянов, но он еще был, как говорится «министром без портфеля»...

Известие об аресте Языкова всполошило всех белогвардейцев. К казачьему управлению стали двигаться колонны белых дружинников. Еще не было семи часов вечера, а жизнь в городе уже замерла: ни извозчиков, ни гуляющей публики. Один вид патрулирующих

---

[1] Проживающие в городе японцы — содержатели прачечных, часовых мастерских, фотографий, парикмахерских и т. п. предприятий, также организовались в отдельную роту белой гвардии.

ЭР00809

групп вооруженных белогвардейцев, спрашивающих каждого встречного: кто он и куда идет, говорил о критически напряженной обстановке в городе.

Все это, конечно, нами было учтено. Было дано распоряжение военному комиссару тов. Лештаеву — незаметно, на извозчике или другим путем, доставить два-три пулемета в исполком, сюда же окольными путями была введена рота солдат и размещена в комнатах нижнего этажа. Солдатам было приказано не показываться, — сидеть в комнатах при запертых дверях. В гарнизон были посланы уполномоченные, чтобы привести части в полную боевую готовность. На заводы и в затон также были посланы связные из исполкома...

Белая гвардия вооружила до пяти тысяч человек трехлинейками, а наши рабочие с трудом достали двести-триста берданок и по двенадцать патронов на каждую. В гарнизоне же осталось всего каких-нибудь человек пятьсот всех родов оружия...

Часов в девять вечера нас стали окружать: наступала белая гвардия. С крыльца дома можно было видеть лихорадочное движение людей в городском саду, отделенном от исполкома узеньким проездом. Также видно было при электрическом свете, как по Проезжему переулку забегали белые в тыл дома губернатора, стараясь загородить нам отступление к Амуру.

Мы попробовали было связаться с рабочими организациями, но... или телефоны оказались перере-

ЭР00809

анными, или станция по приказу Гамова нас не соединяла... из нашей попытки ничего не вышло.

Товарищи стали нервничать. Оружие оказалось не у многих: творя революцию, мы не позаботились даже достать себе оружие!.. О побеге ни у кого не было и мысли. Все хотели оставаться вместе. Я с тов. Мамоновым вышел на парадное крыльцо посмотреть, что происходит на улице, и увидел идущую с белым флагом к нашему подъезду колонну вооруженных людей. Мы окликнули — «кто идет». Нам ответили на ломаном русском языке: «Японски делегаци»...

Хороша делегация! — Целая рота вооруженных японцев!..

Повидимому, японцев послал Гамов с провокационной целью — для выручки, якобы, задержанных нами японцев, чтобы вызвать вооруженное столкновение.

В это же время к крыльцу подъехали два наших ординарца-кавалериста, и по ним из сада грянул ружейный залп...

Японцы смешались и сбились к крыльцу, а мы с тов. Мамоновым вскочили в помещение... Тут наши спрятанные солдаты без всякой команды стали отстреливаться в окно. Поднялась неописуемая суматоха; кто бежал на верхний этаж, кто вниз. Я тоже поднялся на верхний этаж в комнату заседаний. Здесь наши товарищи что-то беспорядочно кричали, некоторые из револьверов стреляли в окна, внизу же шла несмолкаемая трескотня винтовок.

ДВГНБ

ЭР00809

Кто-то из наших кричал:

— Где пулеметы?.. Пулеметы где?! Но, как выяснилось, пулеметы тов. Лештаев привезти не смог.

Я направился вниз. На половине лестницы, ведущей в нижний этаж, стоял тов. Мухин с неразлучной своей трубкой во рту и ободряюще басил врастяжку:

— Стреляй их, чертей!..

Солдаты жарили в окна беглым огнем, но некоторые уже лежали на полу.

— Эй ты, здравоохранение, — заметил мне т. Мухин, — не приготовил перевязок!..

Я не успел ему ничего сказать, так как в этот момент один из солдат медленно присел и ухватился рукою за грудь. Я подскочил к нему, оттащил его к сторонке, схватил винтовку, патронташ и стал тоже палить в окно...

Белогвардейцы внезапно прекратили огонь, выбросили в проезде белый флаг и выслали к нам делегацию.

Делегация состояла из тх же лиц, которые выступали на съезде. Казачий офицер и два урядника были в форме, изрядно выпившие.

Офицер, пройдя в кабинет, крикнул тов. Мухину и Краснощекову:

— Что за стрельба? Почему стреляете в мирных граждан? У нас в казармах поранили казаков!..

— Позвольте, позвольте! — возразил тов. Мухин. — Кто начал стрелять: вы или мы?

— Никаких разговоров!.. Через два часа ваш гар

ЭР00809

низон должен разоружиться или мы снова откроем огонь!..

Как им ни внушали, что нужно выяснить, кто же первый открыл огонь, — казаки ничего не хотели слушать. Они ушли, заявив, что передали приказание атамана и все объяснения можно получить у него в управлении...

Наши ребята сбегали в «Красный крест» и оттуда принесли носилки для переноски раненых. Я тоже взялся за переноску раненых, которых оказалось у нас семь человек...

Воспользовавшись наступившим затишьем после боя, к нам подошли несколько десятков рабочих с затона, вооруженные берданами.

Реальная величина этой поддержки, конечно, была небольшая, когда против нас стояли тысячи...

Пришлось пойти для переговоров к атаману Гамову...

Мухин, Краснощеков, Подкорытов, Сюткин и еще несколько товарищей составили делегацию, а все остальные, находившиеся в здании исполкома, стали потихоньку расходиться в разных направлениях.

Мы с тов. Мамоновым решили пробраться в гарнизон, чтобы привести людей в состояние полной боевой готовности и организованно отступить за город. Самым важным мы считали вывести батареи и пулеметные команды. Мы были твердо уверены, что ночное нападение на исполком не пройдет даром, что с рассветом, как только весть о белогвардейском вос-

ЭР00809

стании дойдет до рабочих, начнется вооруженная борьба. И мы не ошиблись...

Тем временем наша делегация, не успев еще ступить во двор атамановского управления, была арестована и доставлена к Гамову, который насильно заставил тов. Мухина передать по телефону всем воинским частям красных, чтобы они сдали оружие казакам, после чего вся делегация была отправлена в тюрьму.

Не зная об аресте нашей делегации, а также о вынужденном приказе тов. Мухина о сдаче оружия, я и тов. Мамонов разделились и пошли к гарнизону в разных направлениях: если, мол, одного арестуют, то может быть, другой проберется.

Я пошел по Большой улице, а Мамонов по Набережной вдоль Амура. Я тихонько пробрался через городской сад, но не прошел и ста шагов, как мне дорогу преградил дозор белых:

— Куда, откуда идешь?

Я стал рассказывать, что был на постоялом дворе, думал встретить своих односельчан и уехать домой, но никого из наших деревенских не оказалось. Сейчас же иду в пересыльную часть воинского начальника, так как я недавно приехал с фронта по болезни.

— Что так поздно шляешься в такое время?

— Да засиделся немного... А что тут за стрельба была?

— Большевиков били, — ответил один из них.

— А я думал, что контрабандистов ловили, — сконфузничал я и пошел дальше. Но едва я ступил несколь-

ЭР00809

ко раз, как опять дозор и опять та же игра... Войдя, наконец, в ворота гарнизона, я бегом бросился в казарму. Но здесь все мои планы рухнули, как карточные домики. Я узнал, что тов. Мухин передал распоряжение по телефону разоружиться и не оказывать сопротивления белым. Да и что можно было сделать? Винтовок в пирамиде — сотня, а людей пять-шесть человек и ни одного командира. Много ли тут навоюешь!... Побежал в пулеметную команду. Та же история...

— Товарищи, выньте хотя бы замки от пулеметов и разойдитесь сами по другим казармам!..

Два-три человека почесали в затылке и нехотя направились к пулеметам. Не знаю — сделали они что-нибудь с ними или нет.

Пошел в казарму пересыльной части. И здесь людей было не много, да к тому же почти все без оружия. Здесь я встретил тов. Мамонова, который, взвесив положение, сидел в отчаянии. Я уговорил его сходить со мной в артиллерийские казармы. Меня не оставляла мысль спасти хотя бы орудия...

Только мы вышли за ворота, как в предрассветном полумраке показались белые, наступавшие на двор батареи. К нам через улицу перебежал один артиллерист и сообщил, что первая батарея успела выскочить за город, а вторую захватили белые. Здесь тоже было получено распоряжение тов. Мухина — не сопротивляться.

Мы пошли с Мамоновым обратно в казарму. Я так

ЭР00809

сильно устал за эти бессонные ночи, что как сел на кровать, так, сидя, и заснул...

В ПЛЕНУ

...Трах, трах, трах!.. Я вскочил, как ужаленный. Сперва со сна не мог сообразить, где я и что происходит. В дверях появились казаки с желтыми лампасами, держа ружья на-изготовку. Бросил взгляд в окно. По всему двору редкие цепи белых с ружьями наперевес перебегали то к одной, то к другой казарме и обстреливали их...

Нас выгнали, подгоняя прикладами, на улицу. Из всех казарм солдат гнали во двор, вытаскивали винтовки и патроны и грузили их на телеги. Из пулеметной команды катили пулеметы. Большинство белых были реалисты, гимназисты и степенные отцы семейств. Все были вооружены, кто винтовкой, кто шашкой, кто берданкой, кто двухстволкой. Все были серьезны и трусили не на шутку.

Благообразные старички из купчиков степенно внушали нам:

— А, митиньгу вам!.. Вот и дождались митиньги!.. Буяны, безотцовщина, голоштанники!.. Тоже — власти захотели!.. Выпороть вот вас всех и отправить на фронт... а то, ишь, ты, свободы захотелось!.. А Расею — что же — немец забирай!?.

Всех нас выгнали на набережную Амура, построили в две шеренги, приказали выбрасывать оружие и патроны.

ЭР00809

На землю перед фронтом полетели пачки патро-ов, несколько револьверов, а у одного оказалась да-же грана́та. Он ее не бросил, а сказал:

— Вот у меня граната, возьмите...

Какой же переполох подняли белые! Человек де-сять взяли на прицел владельца гранаты и завопили не своим голосом:

— Положь на землю!..

Всех нас насбирали до трех сот человек, поставили к стене казармы, подвезли два пулемета и поставили их недалеко от флангов. Мелькнула мысль: «будут расстреливать, гады... Для этого они и поставили нас к стене, — чтобы пули дальше не летели»... Что мы в это время перечувствовали, — нет слов передать.

Но вот послышалась команда. Командовал старый полковник:

— Кто пулеметчики, — выходи!..

Нашлись слабенькие душонки, сразу же выскочили вперед.

— Становись по номерам! — приказал им полков-ник.

— Ну, думаем, капут...

Пулеметчики уже задергивают ленты... Дрожь про-бирает, зуб на зуб не попадает. На кого ни посмот-ришь, — бел, как полотно...

Вновь послышалась команда, и нас погнали по На-бережной. Все шли, понурив головы, чувствуя свое бессилие.

Время было раннее, солнце еще не всходило. Кру-

ДВГНБ

ЭР00809

гом ни души. Здание исполкома стоит мрачное, без того оживления, какое было тут в последние дни. У парадного подъезда стоят два пулемета — «максима» (крепостные) — и около них несколько человек при слуги.

Идем, как невольники; сбоку шагает старый посе девший полковник, который, как на плацу, выступая петухом, энергично командует:

— Выше головы!.. Тверже шаг!.. Не забывай ста ринку!.. Она, брат, хо-ро-ша!.. У, ракальи!..

Загнали нас всех во двор казачьего управления Тут уже было человек пятьсот, большинство — в ста рых потрепанных шинельках и в рваных ботинках обмотками. Тут же шлялись с обнаженными клинками пьяные казаки.

Продержали нас во дворе часов до одиннадцат дня, а потом погнали в здание реального училища.

Когда мы выходили в ворота, по бокам стоял празднично разодетая публика. Несколько человек и наших, которые были почище одеты, незаметно от стали и затерлись в эту глазеющую толпу.

Со стороны Зеи доносилась частая перестрелка: т рабочие чепуринского и афанасьевского заводов от стреливались от наседавшей белой гвардии...

СОЗДАЕМ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКУЮ АРМИЮ

Загнали нас всех в два этажа реального училища Кроме этого училища арестованными была набита д отказу тюрьма, несколько школ и все полицейски

ЭР00809

частки. Члены исполкома, кроме тех, которые были же за пределами города, арестовывались и сажались тюрьму. Как я не был опознан, как член исполкома, — для меня и до сих пор непонятно.

Набили нас, как сельдь в бочонок. Лечь было негде, все сидели на голом полу. Началась бесконечная процедура записей и опросов. Какими-то судьбами к нам попал и тов. Омельянов, который, как я упоминал раньше, был назначен комиссаром тюрьмы. Вскоре его изъяли:

— А, так ты — комиссар тюрьмы?.. Ну, так и пожалуй туда, голубчик; тебе там и надлежит быть, — издевались палачи...

Я с часу на час ждал, что и меня скоро попросят туда же, но шли дни, и все оставалось попрежнему. Некоторых, случайно попавших «своих» белые стали выпускать, а на место их каждый день приводили десятками вновь арестованных, почти исключительно рабочих...

Я уже упоминал, что рабочие в момент обстрела и ареста исполкома белогвардейцами не сдались; сгруппировавшись за каменной оградой чепуринского завода, они открыли по наступающим ротам белых сосредоточенный огонь. Там, за оградой завода, сконцентрировалось более двух тысяч человек.

Тем временем речная флотилия, стоявшая частью за чепуринским заводом, а частью на Зее у деревни Астрахановки, что в семи километрах севернее города, усиленно готовилась к бою с белогвардейцами.

ЭР00809

Рабочие, находившиеся на чепуринском заводе, отбив первую атаку белых, нашли свою позицию невыгодной, так как их могут взять с тыла и отрезать от флотилии. Поэтому они отступили в Астрахановку и соединились с силами флотилии.

В это же время часть не арестованных партийных и советских работников выбралась в деревни, и вот из края в край по области помчались гонцы. В каждом селении спешно создавались военно-революционные комитеты, мобилизовавшие население для борьбы с белогвардейцами.

Отряд благовещенской военной флотилии сосредоточил свои главные силы в деревне Астрахановке, где организовал свой штаб из пяти товарищей: Журкин (матрос), Ворягин (матрос), Катунин (рабочий), Макаров (матрос), Ульянов (матрос). Этот штаб и руководил вначале боевыми действиями против белогвардейцев. Затем прибыли в Астрахановку тов. Губельман, Комаров, Кошкин, Зубарев и Голик, которые приняли живое участие в боевой работе штаба. Командовал фронтом тов. Гоманюк.

По прибытии тов. Губельмана и других в Астрахановке был образован военно-оперативный штаб в составе тов. Голик, Комарова и Аистова. Главкомом был назначен тов. Губельман, за подписью которого полетели телеграммы во все города и села области.

В ответ на призывы тов. Губельмана демобилизованный крепостной полк, ехавший из Владивостока, со станции Бочкарево повернул по ветке на Благове-

ЭР00809

ценск для участия в наступлении на город. Но еще до го прибытия город уже перешел в руки красных...

Из сел и деревень двинулись к городу крестьяне. Ехали на подводах, верхами, шли пешком; торопились скорее «дать баню буржуям». Здесь-то и пригодились винтовки и патроны, выданные на руки солдатам при демобилизации из царской армии.

Все деревни и села напоминали собою в эти дни боевой тревоги военный лагерь. Всюду пекли хлеб, били скотину, резали птицу, везли овес и сено для лошадей. Никто и ничего не жалел для общего дела.

Не было, кажется, ни одной деревни в области, из которой не пошли бы «на буржуев». В течение четырех дней в Астрахановке сконцентрировалось до двенадцати тысяч штыков.

Тов. Караваев, амурский казак, организовал две казачьи сотни, с которыми примкнул к штабу и выполнял очень трудную задачу по связи и фланговым разведкам.

Часть работников штаба находилась в Астрахановке, а часть — на разъезде Белогорье (в тридцати верстах от Благовещенска), где была возможность пользоваться телеграфом. Почти вся линия Амурской железной дороги в два-три дня была оцеплена усиленной охраной из крестьян местных, ближайших к линии, деревень...

Пока в Астрахановке собиралась красная рабоче-крестьянская гвардия, по городу усиленно расклеивались белогвардейцами воззвания и приказы. Воззва-

ЭР00809

ния призывали всех граждан, кому дорога «свобода», становиться под ружье и защищать свою жизнь и имущество от насилия «красных варваров». А атаман Гамов прямо приказывал «всем, всем, всем» вооружаться и итти в окопы «защищать родной город и Россию», угрожая смертной казнью на месте всем уклоняющимся от участия в борьбе с большевиками.

Обывателям, пытавшимся держать нейтралитет, пришлось взяться за винтовки, но они старались занять посты охраны в учреждениях или караулить арестованных большевиков. Зато реалисты и гимназисты с воинственным подъемом направлялись стройными колоннами под командой офицеров к вокзалу — «наступать на большевиков». Но дальше вокзала их ратное поле не расширялось... А между тем, сколько внимания уделялось городским самоуправлением и буржуазной общественностью этим «юным героям!..» Им на вокзал беспрерывно возили на автомобилях всевозможные яства, лакомства и питье...

Таких же маменькиных сыночков приставили для караула и к нам. Возится-возится подлец такой с берданкой, вдруг — бух!.. и бросит вон ружье. Просто жуть берет!.. Вот-вот в толпу заключенных угодит шальная пуля. Попробовали было запротестовать против такого караула, но нам ответили: «А что же плакать что ли кто будет, если одним-двумя большевиками меньше станет?..»

Ежедневно выходил бюллетень «штаба фронта», сообщавший, что «дух доблестных защитников бодр»

ЭР00809

что «с верховьев Амура ожидается с часу на час казачья дивизия под командой генерала Шильникова, что из Читы двигаются форсированным маршем по железной дороге крупные силы атамана Семенова в тыл красным и что разгром красных безумцев — вопрос двух-трех дней...».

Но к нам, нет-нет, да и приведут арестованного, какого-нибудь разведчика с нашего фронта, и вот узнаем, что в Астрахановке уже более десяти тысяч красных бойцов и что не сегодня — завтра пойдут наступать на город...

ПОРАЖЕНИЕ БЕЛЫХ

В первых числах марта, после шестидневной перестрелки с белыми, наше командование послало к ним парламентеров с предложением сдать город без боя. Наши не хотели разрушать город и добивались уменьшения числа невинных жертв. Но белые слепо надеялись на Шильникова и Семенова. Между тем никакого Шильникова близко не было. Семенов же еще только обивал пороги у буржуазии, прося денег на борьбу с большевиками.

Когда наши парламентеры уехали, ни до чего не договорившись, буржуазия еще больше зашевелилась. Рьяные патриоты ходили по дворам и всех способных носить оружие выгоняли силой на фронт. В рабочих кварталах стала завязываться открытая перестрелка рабочих с белогвардейцами. Электричество в городе погасло, забастовали рабочие электростанции. Каза-

ЭР00809

ки скакали, как угорелые, туда и сюда. Сновали бронированные автомобили. И у нас, в импровизированной тюрьме, среди караула заметнее стала паника. Мы также нервничали, не зная, чем вызывается усиленное движение: или наши наступают, или белые пошли в наступление.

В штабе красных в это время готовились к наступлению. Была разработана диспозиция. На рассвете от Зеи, вдоль каждой улицы, должны были наступать по одной роте, всего, кажется, шестнадцать рот; одна часть с кавалерией — в обход вокзала к тюрьме, другая — слева от вокзала к городу, стараясь во время отступления белых от вокзала отрезать им путь. Главные же силы должны были броситься в несколько цепей в наступление на вокзал. Наступление должно было вестись под беспрерывным прикрытием орудийного и пулеметного огня. Все двенадцать тысяч красных бойцов были распределены по трем полкам, полки разбиты на роты и т. д. до отделений. Над всеми частями назначены были командиры из бывших фронтовиков.

Белогвардейцы никак не допускали мысли, что у нас действительно двенадцать тысяч штыков. Между тем у них, с фронтовыми частями и бывшими в городе охранниками «общественной безопасности», насчитывалось до семи тысяч штыков и четыре сотни «верховых амурцев».

Ежеминутно в наш штаб поступали такие телеграммы:

ЭР00809

„Владивосток. Сегодня высылаем пятьсот человек Красной вардии при двенадцати пулеметах и четырех орудиях".

„Н-Уссурийск. Высылаем двенадцатый полк в полном боевом снаряжении".

„Чита. Сегодня высылаем пятнадцать платформ, груженых орудиями и снарядами".

„Хабаровск. Рабочие арсенала и завода, вооруженные орудиями и пулеметами, в двенадцать дня выехали на благовещенский фронт".

„Хабаровск. Высылаем санитарный поезд".

„Чита. Час дня. Вам направлен эшелон кавалерии в восемьсот сабель..."

Штабу Красной гвардии благовещенского фронта ожидать было нечего. К тому же казачество в станицах пока что оставалось нейтральным. Правда, из Благовещенска вверх по Амуру помчались было на автомобилях один есаул и хорунжий — поднимать казачество, но в деревне Михайловке они были арестованы крестьянами и препровождены к тов. В. Губельману на разъезд Белогорье, где их, как ярых монархистов, расстреляли...

Силы белых заметно ослабляло пьянство. На вокзале, где помещался их полевой штаб фронта и перевязочный пункт, усиленно работал буфет. В то время как части белых мерзли в цепи по линии железной дороги, офицеры почти не вылезали из буфета. Казаки же особенно проявляли свою храбрость в пышных гостиных, у столов, уставленных всевозможными винами и закусками для «дорогих защитников...».

И вот однажды с наступлением рассвета в городе

ЭР00809

поднялся необычайный шум. Тарахтели телеги, скакали взад и вперед верховые, слышны были возбужденные голоса. Где-то вдалеке разгоралась ружейная пальба и в нескольких местах взапуски строчили пулеметы. С каждой минутой огонь становился все сильнее, выстрелы слышались все ближе, пулеметы трещали не смолкая. С каждой минутой полоса огня захватывала город все шире и шире. Вот разгорелась пальба где-то за Вознесенским кладбищем, вот вспыхнула она где-то по направлению к Зее. Около вокзала беспрерывный гул и треск выстрелов. И вдруг... б-у-х! — разрыв снаряда над казачьим управлением... Второй и третий снаряды рвутся где-то вверху; видимо, бьют шрапнелью...

Заключенные гудят, как пчелы в улье. Им, беднягам, все кажется, что снаряды рвутся именно над нашей крышей. Вдруг прибегает белогвардеец, который у нас был раздатчиком провизии. Белой повязки на рукаве — как не бывало!.. Мы все обратили на это внимание, подмигивая друг другу и шепотком замечаем: «видно слаба гайка стала...». Наш «хлебодар» вместо хлеба, раздает к чаю сайки и шепчет:

— Наши в наступление пошли...

— Какие наши?» — спрашиваем мы.

— Да какие, — красные! — отвечает он.

— А ты разве красный? — смеемся мы. — Брось-ка, браток, нам очки втирать!.. Скажи уж — приперло тебя. Ну да ладно, скорей бы лишь вырваться отсюда...

ЭР00809

Охранники наши тоже в лице изменились, нервничают, то и дело выскакивают на улицу. Но не меньше нервничали и мы, — места себе не находили. Я больше всего озабочен был вопросом, за что приниматься, как выйду отсюда?.. Но также шевелилась мысль: выйдем ли отсюда живыми? Перед отступлением, ведь, белые могут нас всех расстрелять. Может быть, мы живем на свете последние минуты?..

Ружейная и пулеметная стрельба еще более усилилась. Орудийные выстрелы ухали с той и с другой стороны. Белые били из орудий от Вознесенского кладбища и с Соборной площади. Наши щупали снарядами на шрапнель по всем направлениям гарнизонного расположения. Белых на улицах не было, только вдоль заборов бежали перепуганные буржуйчики с узлами в руках, таща за руку ребятишек. Надо заметить, что китайские купцы и мастеровые повывесили свои национальные флаги — дескать сюда заходить нельзя и стрелять нельзя, мы нейтральные... Многие русские торговцы заблаговременно перевели свои магазины на имя своих китайских приказчиков, поваров и дворников, и сейчас они тоже повывесили над магазинами национальные... китайские флаги...

Часов в одиннадцать утра привезли нам обед. Наш «хлебодар» сообщил, что обед для нас взяли в Кондрашевской гостинице, так как в казачьей кухне никто обеда не готовил. Видно и без того жарко казакам!..

Обед никто не брал, всем было не до еды, особен-

ЭР00809

но после того, как тот же «хлебодар» сообщил, что «наши» (он имел в виду красных) уже на Мастерской, а Мастерская улица была от нас всего в трех кварталах... Стража наша продолжала стоять в коридорах около парадных дверей. Мы стали им говорить:

— Чего вы стоите, чего дожидаетесь? Бросайте винтовки и убегайте, не то и вас перебьют.

Жалкие, растерявшиеся реалисты и гимназисты возражали:

— А за что же нас будут бить, — ведь мы не воевали?..

Вдруг забегают человек десять вооруженных белогвардейцев.

Сердце так и екнуло: ну, расстреливать будут...

Старший скомандовал:

— Переходи все на верхний этаж, не то сейчас полетят пули в окна, и вас могут перестрелять!..

Как будто в подтверждение его слов две пули разбили стекла и впились в штукатурку внутренней стены...

Все бросились на верхний этаж. Но и здесь, на верхнем этаже, неотступно сверлила мысль о возможном расстреле. Пули, одна за другой, щелкали в наружные стены. Все полегли на пол; я устроился около одного окна, выходящего на улицу, и мне было из-за косяка стены безопасно наблюдать за тем, что творилось на улице.

Напротив, несколько наискось, через улицу стояла городская управа с пожарной каланчей. Глянул я

ДВГНБ

ЭР00809

на каланчу и, о радость!.. на ней взвился алый флаг. Вижу, пожарники лупят из винтовок по отступающим белым... Вот из дома, стоявшего рядом с реальным училищем, выскочили человек восемь пьяных казаков, попадали на мостовую в цепь и начали стрелять. Тут же из-за угла городской управы в них шарахнули из пулемета. Семь человек сразу закорчились в предсмертных судорогах, а один успел улизнуть обратно во двор. Вот один за другим выскакивают во двор и поспешно прячут в снег винтовки и патроны охранявшие нас растерянные реалисты и гимназисты, видно, поняли, наконец, что дело дрянь...

В этот момент результат боя уже определился, и белые старались поскорее отступить за Амур в город Сахалян. Они сдерживали наступление только для того, чтобы дотянуть до потемок. Разумеется, если бы они попытались переваливать через Амур днем, их перестреляли бы из пулеметов...

После эпизода с казаками улица минут на пять совершенно очистилась от людей, и только трупы напоминали о сражении. Затем нашим глазам представилась картина перебежки людей, уже с красными повязками на рукавах, временами падавших за тротуары и стрелявших вдоль по улице в сторону отступающих белых. Точно по команде, мы заорали неистовыми голосами:

— Ура, ура, ура!.. Товарищи!..

Но в это время стены здания сотряслись от оглушительного взрыва; все попадали на пол, давя друг

ЭР00809

друга. У всех мелькнула мысль, что нас взрывают. В этот же момент мы услышали внизу какой-то нечеловеческий крик и топот по лестнице.

Первый из вбежавших к нам — здоровый детина с трехлинейкой и красной повязкой на рукаве, — закричал:

— Успокойтесь, успокойтесь, товарищи!.. Вы спасены...

Оказалось, когда первые красногвардейцы добежали до реального училища, то, зная, что здесь сидят красные, немедленно решили выяснить, живы ли мы. Услышав шум и крики «ура», они без всякой опаски открыли двери и наткнулись на нашу стражу, не успевшую еще сбросить белых повязок и полностью сложить оружие. Тогда один красногвардеец сорвал с пояса две бомбы и бросил их в сбившихся кучей реалистов и гимназистов. Эти-то два взрыва мы и приняли было за взрыв здания под нами...

Нет слов передать, что в это время творилось вокруг: ломали парты и вооружались, кто ножкой от парты, кто доской. У всех глаза горели желанием ринуться в бой.

— Товарищи, успокойтесь!.. Посидите еще маленько, — говорил красногвардеец. — Не ходите никуда, а то можно налететь на шальную пулю. Мы сейчас дойдем до казачьего управления, тогда вам сообщим, и вы вооружитесь.

Однако, оружие удалось добыть гораздо раньше: мы забрали винтовки и патроны нашей охраны. Из-

ЭР00809

за них произошла новая давка, хотя красногвардейцы дружно уверяли, что винтовок будет — хоть отбавляй!.. Счастливчики, которым удалось захватить винтовки, согнали всех реалистов и гимназистов в угол и загородили их партами и столами.

А по сторонам улиц уже двигались целые взводы красных. Только на Мастерской улице наступление наших несколько задержалось; необходимо было выровнять фронт и ликвидировать уступ белых на Амурском базаре, засевших в магазинах и оттуда обстреливавших площадь.

Часть сил с Мастерской улицы временно была переброшена в тыл белым, и это решило судьбу осиного гнезда... Стало уже темнеть, когда мы получили возможность выйти на улицу. Красная гвардия, почти сплошной лавиной, держа винтовки на-перевес, двигалась на западную окраину города, где все еще трещали выстрелы.

Один проехавший кавалерист сообщил, что остатки белых засели в летних солдатских лагерях и сейчас их обходят с тыла; тюрьма уже взята, арестованные освобождены, члены исполкома пока находятся в школе «Памяти отечественной войны...» Бежать туда было уже поздно. К тому же подбежали наши односельцы, их была целая рота. С ними — Смолин и Максак.

Несколько человек из своих односельцев я оставил сменить караул в реальном училище, а сам с двадцатью товарищами направился в почтово-телеграфную

ЭР00809

контору. Парадные двери оказались не запертыми. В коридорах было темно. Мы пробрались, освещая дорогу спичками. На втором этаже постучались в дверь. Отворил высокий бородатый чиновник. Спрашиваем, кто здесь старший по чину.

— Да из оставшихся-то, как будто бы, я и есть самый старший, — приветливо ответил нам чиновник.

— Ну, с этого момента вы и будете здесь временно в роли распорядителя и ответственного лица. Где денежная кладовая?

Так как свету не было, я распорядился, чтобы караулу дали свечи, и приказал бойцам занять все входные и выходные двери почты. Когда мы вышли на улицу, по тротуару везли ручной пулемет «Кольт». Командир пулеметной команды тов. Пацюк оказался из соседнего со мною села. Я ему сказал, что бой уже кончился и предложил поставить пулемет у дверей телеграфа. Оставшийся в реальном караул я также отдал под распоряжение Пацюка. Сам же с односельцами пошел к губернаторскому дому и драмтеатру. Там никого не обнаружил. Эти помещения сами по себе для нас пока никакой ценности не имели, поэтому я повел людей к Русско-азиатскому банку, где и выставил на ночь наружные посты.

Как-будто весь город был уже взят, но по улицам все еще шла ружейная трескотня. Особенно сильная пальба шла на Амурской улице. Казачий полковник Иванов и один урядник, забравшись на второй этаж дома одного золотопромышленника, расстреливали

ЭР00809

наших на выбор, одного за другим. По дому велась пальба из ружей и пулеметов, но находившиеся в засаде были неуязвимы. После двух часов бесплодной перестрелки пришлось облить дом керосином и зажечь.

Рискуя на каждом шагу нарваться на шальную пулю, я кое-как пробрался в Кувшиновское подворье, где находились раненые. Весь добровольный медперсонал обрадовался, узнав, что я являюсь комиссаром здравоохранения.

— Ну, вот и хозяин, а то мы... просто не знали, что и делать!..

Я попросил собрать весь штат лазарета и составить список. Выяснилось, что, кроме врача, в моем распоряжении — два студента-медика, фельдшер и около пятнадцати женщин из рабочих кварталов, добровольно взявших на себя роль сестер милосердия и все время следовавших за наступавшими войсками.

Врача я назначил заведывающим лазаретом, одного из подвернувшихся красногвардейцев — завхозом, одну из сестер — экономкой, фельдшера — заведывающим аптекой и кого-то писарем. Именем революции я приказал всем ни под каким видом без моего разрешения не оставлять своих обязанностей и работать не покладая рук, ухаживая за ранеными товарищами. Тут же, при гостинице, было два автомобиля: позвал шоферов, им также объявил, что они поступают в мое распоряжение...

Раненые были размещены в больших номерах го-

ЭР00809

стиницы, а в маленьких номерах помещался обслуживающий медперсонал. Часть раненых были белые. Я приказал выделить их в особую палату и запереть на замок до утра. Оказалось, что раненые еще не ели. Немедленно же с завхозом поехал в магазин Кунста и Альберса. Нашел заведывающего, у которого получил из бакалейного отделения все необходимое для того, чтоб накормить раненых. К утру же была обеспечена горячая пища. С рассветом я поехал на автомобиле разыскивать все пункты, где помещены раненые.

Большинство раненых было сконцентрировано в Кондрашевской гостинице, в женской гимназии, в нескольких школах и частных домах, в городской и переселенческой больницах, в Красном кресте, в военном госпитале.

Среди раненых преобладали белогвардейцы, которые были навезены с фронта еще до наступления красногвардейцев. Многих из них надо было переотправить в тюремную больницу, а за остальными следить, чтобы не убежали. Пришлось учредить в некоторых лазаретах военные караулы.

Всюду надо было организовать питание, подобрать медперсонал, снабдить лазареты перевязочными средствами, постельными принадлежностями и медикаментами. По улицам лежали еще не прибранные трупы убитых. Пришлось прибегнуть к помощи первых попавшихся товарищей, чтобы мобилизовать лошадей для очистки улиц от трупов.

ЭР00809

В школе имени «Отечественной войны» я не застал ни тов. Мухина, ни членов исполкома. Они уехали во олотский экипаж к Зее, где пока и занялись совместно со штабом фронта текущей работой. Бросился туа, обрисовал положение, просил помощи и содействия...

В ответ тов. Мухин сказал мне:

— Вшивков, ты член исполкома, в твоем ведении здравоохранение... ну, ты и беспокойся об этом, а делаешь упущение, мы тебя вздуем. Люди на каждом шагу, — бери, привлекай к работе, строй аппарат, развертывай работу. Проявляй больше самодеятельности. У каждого члена исполкома своих дел достаточно, руками не обхватишь...

И, правда, члены военного штаба крутились, как береста на огне. Ведь всей многотысячной, стихийно поднявшейся вооруженной массе надо было дать соответствующие распоряжения, надо было ею руководить...

Я получил соответствующий мандат, револьвер и помчался обратно в город.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

В центре города толпа красногвардейцев собиралась вывести белых на расстрел. Я приехал во-время и немедленно приказал всех пленных отправить в здание семинарии, куда исполкомом была организована следственная комиссия.

На базаре шла перестрелка. Купчик каратаев со

ЭР00809

своими двумя сыновьями тоже вздумал померяться силами с рабоче-крестьянской ратью. Забравшись на второй этаж своего магазина на углу Садовой и Амурской улиц, они начали палить из автомата по проходившим колоннам красногвардейцев. От неожиданности красногвардейцы сперва растерялись и бросились было за ближайшие прикрытия, но спустя каких-нибудь десять минут все стены магазина задымились от сбиваемой ружейным и пулеметным огнем штукатурки. Перебегая то вниз, то вверх внутри магазина, кулачики продолжали отстреливаться. Красногвардейцы, не считаясь с опасностью, ворвались в магазин. Из двора и с улицы бросили в помещение несколько бомб, и, через две-три минуты, в окно магазина выкатили один за другим три трупа и шлепнулись на асфальтовый тротуар.

Каратаевых нашли где-то в бочках из-под сахара и на штыках выбросили в окно.

Не обошлось, конечно, в то время и без мародерства. Кое-кто старался хапнуть и поднажиться. Разумеется, это были деклассированные, социально-опасные элементы, профессиональные громилы-налетчики и воры, не имевшие решительно никакого отношения к красной гвардии. Они понадевали красные повязки и пошли по домам и магазинам грабить и производить незаконные обыски, при чем тащили все, что поценнее. Сознательным товарищам не мало пришлось положить сил в борьбе с мародерством.

Помню один случай. Вышел я из лазарета в Ко-

ЭР00809

ашевской гостинице, смотрю — по улице едут три дводы с ящиками вина.

— Стой, товарищи! Куда везете?

Сидящие на ящиках мужчины пьяно моргают гла-ми и мимикой показывают: садись, мол, с нами, едем вместе...

— Вам говорю, остановитесь!..

Куда там!.. Они тронули рысью. Я пустился бегом ними, выхватил револьвер. Несколько красногвар-йцев бросились мне на помощь. Пьяные мародеры одолжали настегивать лошадей. Тогда я выстрелил ародеры бросились бежать, но их все же быстро ймали...

Большого труда стоило в то время управление зношерстной массой. По-двое, по-трое суток при-одилось не спать, всячески изворачиваться, везде ус-вать...

На третий день после разгрома белых исполком реехал в бывший губернаторский дом, откуда нас сколько дней назад выгнали белые. Жизнь стала по-емногу входить в нормальное русло. Все ответра-отники и комиссары начали создавать управление. лужащие, кто добровольно, а кто под действием при-аза о лишении пайка, потянулись к своим занятиям. аработали банки, почта и телеграф, электрическая и елефонная станции, заводы и мастерские. Но когда ы сделали проверку банков, их кладовых и сейфов, о оказалось, что во всех финансовых учреждениях ы еле-еле насобирали почтовыми марками, «алексе-

ЭР00809

евскими» рублями[1] и разными бумажками несколь десятков тысяч. И это — на область с четырестат сячным населением!.. Садись и управляй...

Белые заблаговременно отправили все ценност (около ста миллионов) в Сахалян, да и в последни день в похоронных катафалках немало вывезли неи вестно куда.

Мне лично пришлось столкнуться с такой тягото которой я меньше всего ожидал. Часть специалисто врачей убежала в Китай; некоторые были побиты пр наступлении, а оставшиеся в городе затаились, уш в себя и в тех случаях, когда их привлекали к раб те, — работали не за совесть, а за страх.

Добросовестно относились к своим обязанност только единицы...

Кредитов по старым сметам было как будто дост точно, но... они были только на бумаге и получить было неоткуда. А тут со всех сторон посыпались тр бования на авансы. Надо было уплатить жалован закупить медикаменты, немедленно бросить в облас санотряды на борьбу с разразившимся сыпным тифо

У меня не было ни одного помощника. Коллег ально разрешать вопросы было не с кем. Пытал привлечь к работе врачей и фельдшеров, но все о крещивались, говорили: ...«немножко подождем, п осмотримся, попривыкнем» и т. д.

---

[1] Алексеевский был уполномоченным правительства Керенск и выпустил перед переворотом бумажные боны рублевого досто ства.

ЭР00809

Помню, как просил и умолял я фельдшера военного госпиталя, меньшевика М. П. Петрова, итти и отать в военно-санитарном отделе. Он пробыл на оте два дня, а потом на всех перекрестках яро кировал нашу деятельность. И он был не один...

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ

Первой заботой Исполкома и Совнаркома Амурй республики было — созвать внеочередной пятый стьянский съезд. В период до съезда как испол, так и комиссариаты были заняты организационй работой.

Трудно было без денег. Пришлось пойти на крайсть. Чепуринский завод и несколько паровых мельц заложили в китайский банк, за что получили, кается, несколько миллионов. Ежедневно бомбардироли Москву телеграммами о высылке денег. Командровали с той же целью тов. Мамонова, но ему так не пришлось возвратиться до 1923 г. Его захватили ко-словаки, и полученные им в Москве двадцать ллионов к нам не дошли.

1-го апреля 1918 г. пятый чрезвычайный крестьский областной съезд был открыт. На съезде приствовало более тысячи человек. Из них около трехт делегатов, с правом решающего голоса. Теперь езд носил еще более торжественный характр. Антиветских настроений совершенно не чувствовалось.

Председателем съезда опять был избран тов. Сютн. С докладом о политическом моменте вновь вы-

ЭР00809

ступил тов. Мухин. Ряд ораторов остановился на га
мовском восстании и его подавлении. Комиссары до
лали сообщения о состоянии своих комиссариатов
видах на будущее. В последние дни съезд разбился н
секции и подсекции для выработки наказов исполко
му. При составлении этих наказов мало считались
реальными возможностями. Чтобы осуществить в
мероприятия, которые намечены были съездом, п
требовалось бы сразу не менее трех миллиардов зол
тых рублей. А у нас всего было к этому времени чт
то около восьми миллионов рублей, при чем покуп
тельная стоимость рубля была не более двадцати к
пеек.

Была переизбрана часть членов исполкома, бол
шей частью по их же просьбе об освобождении. С
став исполкома был увеличен. Большинство стар
членов и комиссаров были подтверждены съездом,
том числе и я.

После шести дней работы съезд закончился. Де
как будто бы начало налаживаться. Деньги стали п
чатать сами в бывшей чуринской типографии.

В Благовещенске тогда выходили три газет
«Известия Совета рабочих, солдатских, крестьянск
и казачьих депутатов», «Земля и сотрудничество»
были органами Амурского Областного Исполко
Совнаркома и бюро профессиональных союзов. Тр
тьей газетой было эсеро-меньшевистское «Эхо». М
чрезвычайно долго терпели этот желтый листок.
вот на съезде было принято решение его закры

ЭР00809

днако, это не помешало появлению новой контрре-
олюционной газеты.

Вследствие того, что много врачей-специалистов
жало в Сахалян, в исполком стали сыпаться пачка-
«слезницы» о выдаче разрешения на переход гра-
цы — к «врачу-специалисту». Исполком направлял
е заявления к тов. Хорошайлову в комиссариат ино-
ранных дел, но тот в пропусках отказывал, не имея
зможности проверить действительную необходи-
сть в заграничном лечении. Поэтому исполком по-
ановил, чтобы выдачей заграничных пропусков к
рачам-специалистам ведал комиссариат здравоохра-
ния. И вот в мой кабинет потекло паломничество за
пропусками к «врачам-специалистам» в Сахалян, а в
йствительности — к сбежавшим белякам на свида-
е. Понятно, что белым это было наруку. Они через
у связь получали в Сахаляне самую свежую инфор-
цию о наших действиях, и, в свою очередь, посы-
ли городским черносотенным организациям указа-
ия по подготовке к новому восстанию. Реакционный
юинь (губернатор) Хейлудзянской провинции дал
риют всем перебежавшим в Сахалян белогвардей-
м. На все наши ноты о том, чтобы белых выселили
границы в глубь Китая или выдали нам, даоинь не
тел даже отвечать. В Сахаляне открыто существо-
л белогвардейский военно-оперативный штаб.

В «Красном кресте» был хирург, врач Ясинский,
рый монархист. Пока в «Красном кресте» лежали на
злечении белогвардейцы, он лечил внимательно.

ЭР00809

Когда же они стали выздоравливать, он, вопреки приказу — без моего ведома белогвардейцев не выписывать, часть белых выписал и попрятал по буржуазным домам. Проделав это, он оставил мне на столе своего кабинета письмо и ночью, с несколькими сестрами милосердия, удрал в Сахалян.

Близость границы вообще облегчала положение контрреволюционеров. При наличии слабой пограничной охраны уже в пяти-шести километрах от города можно было в темную ночь без особого риска перебраться на китайскую сторону. А в казачьих станицах можно было переезжать границу хоть двадцать раз в день, без всяких препятствий. Это объяснялось тем, что у нас не было требующегося количества войск для гарнизонной службы, не говоря уже о пограничной охране и охране транспорта. И белогвардейцы вновь стали появляться в казачьих станицах и прибрежных крестьянских селениях; там они вели агитацию и подготовляли вооруженное восстание против Советской власти.

Из Маньчжурии в Забайкальскую область вторгнулся атаман Семенов. Соединенными силами Забайкалья, Амура и Приморья Семенов был отброшен назад, в Маньчжурию, но не надолго: вскоре он опять появился в Забайкалье. Само собой понятно, что при первых же успехах Семенова сахалянские белогвардейцы бросились в его ряды и одновременно стали готовить удар по Благовещенску...

Не учтя своих запасов товаров, не взвесив тог

ЭР00809

го взять их неоткуда, кроме как из Китая, не приняв серьез во внимание то, что каждый день курс рубля адал, — мы приняли в исполкоме постановление об тпуске населению сарпинки по сорок коп. за аршин шевровых ботинок по четыре рубля за пару... Бла-одаря отвратительно работавшему аппарату распре-еления пятьдесят процентов всех товаров попало пекулянтам, и назавтра же сарпинка стала четыре убля аршин, а те же ботинки — двенадцать-пятнад-ать рублей.

В итоге, товарами трудящихся мы не удовлетво-или, вызвали колоссальный рост цен на предметы ирокого потребления и окончательно дискредитиро-али нашу валюту. Теперь все китайские купцы стали ребовать золото. Разумеется, наши враги поторопи-ись использовать это. Поползли слухи, что комиссары в деревню товаров не дают, русским торговать за-рещают, а весь товар отдали китайцам-спекулянтам...

На Амуре крестьянство зажиточное обработку по-ей ведет большей частью машинами, к жнитву нуж-ается в шпагате, в машинном масле и пр. Ничего того наш продком заблаговременно не заготовил, да не мог заготовить по причине финансовых затруд-ений. В то же время не была проведена в массах разъяснительная работа о финансовом и политическом оложении республики...

После пятого областного крестьянского съезда ор-анизовался «союз хлеборобов». Устав этого союза, ыработанный одним юристом, открывал широкий до-

ЭР00809

ступ в союз лицам, не имевшим никакого отношени к земледелию. Достаточно было тому же офицеру ку пить лошадь или взять у бедняка в аренду десятин земли, как он уже получал право быть членом этог союза.

Разжевали мы эту историю только тогда, когд этот знаменитый «союз хлеборобов» на наших глаза вырос в контрреволюционную организацию. Мы по становили его распустить; однако, после роспуск этого «союза» кулаки, поджигаемые разъехавшимис по деревням меньшевиками типа Решетнева, Щегол ва и других, встали на дыбы:

— Как, наш союз разогнали? Выходит, рабочи можно союзы устраивать и защищать свои интерес а нам нельзя?.. Значит, с крестьянином что угодно д лать можно!..

Ну и понесла родная!.. Под влиянием товарно голода и активной агитации кулаков и соглашате заколебались и середняки...

На пасху я поехал в свое село и увидел, что та в открытую готовились к нелегальному съезду. У были избраны делегаты на этот съезд, преимущес венно от крупного кулачья и торговцев.

Через некоторое время мы узнали, что в селе П счано-Озерском, в центре зажиточных сел, съехал нелегальный крестьянский съезд. Послали туда н сколько товарищей из ответработников на автомоб ле, но они струсили и с полдороги вернулись обратн Случайно на этом съезде был инструктор земотдел

ЭР00809

аш паренек, который и сделал в исполкоме сообще-
ие об этом съезде. Он доложил, что там, кроме ме-
тных меньшевиков, эсеров и попов, были также пред-
тавители бежавшей за границу буржуазии. Съезд от
воего имени обратился к иностранным державам с
росьбой взять опеку над Россией, пособить уничто-
ить большевизм, привезти и снабдить население то-
арами и способствовать скорейшему созыву учреди-
ельного собрания...

Наше положение стало заметно расшатываться. На-
лость наших классовых врагов дошла до того, что,
есмотря на закрытие буржуазных газет, стали чуть не
открытую продавать белоэмигрантские харбинские
азеты. В газетах просто травили «комиссародержа-
ие». В травле комиссаров не отставал и обыватель.
еперь уже не так поносили вообще всех большевиков,
ак комиссаров. Комиссары-де деньги все себе забра-
и, комиссары-де сахар весь поели, комиссары-де му-
и не дают и т. д. и т. п.

В довершение всех бед почти одновременно высту-
или чехи в Иркутске, во Владивостоке и по всей ма-
истрали Сибирской железной дороги. Связь с Москвой
ервалась.

А в это время в нашу область хлынуло целое па-
омничество за хлебом — из Забайкалья, с Приморья,
приисков... Некоторые организации стали заготов-
ть хлеб помимо продовольственного комиссариата.
оздался ажиотаж между заготовителями, цены
звинтились неимоверно. Кулакам это было наруку.

ЭР00809

Как отозвалось все это на кредитно-финансовой с
стеме, — понятно и без пояснений...

Хотя золото с приисков и подвозили, но его яв
нехватало для обеспечения устойчивости наших
нег. Из-за обесценивания денег подвоз продукт
сельского хозяйства в город прекратился. К тому
кулачество злостно не везло продукты в город...
«Хай воны там вси, бисовы дити, подохнут с голоду

Муку за наличное золото нам приходилось за
пать в Сахаляне, а сахалянские купцы понаделали
временем ссыпные пункты по всем китайским пос
кам против русских селений и там выменивали на х
жу (китайская водка), спирт, сарпинку, пшеницу и р
ную дрянь у наших же крестьян, провозивших ее
рез Амур на китайскую сторону.

Положение республики все более обострялось...

ФРОНТ И ТЫЛ

После выступления чехов создался фронт у
кольск-Уссурийска. Надо было послать войска
подкрепление, но с организацией боевых частей бы
из рук вон плохо. Сыпались воззвания к населен
призывающие добровольцев итти на защиту Сов
ской власти. Но эти воззвания действовали только
небольшие пролетарские слои города и на бедн
области.

Все же против чехо-слозаков был сконцентриро
хороший революционный удар и чехо-словакам д
в конечном счете основательную трепку, но зате

ДВГНБ

ЭР00809

хам присоединились японские войска. Против их ре-
лярной армии наша добровольческая армия не ус-
яла и начала отступать по всему фронту. Наши вой-
а отступали и от Иркутска, теснимые чехами и си-
рскими отрядами белых. Этот отход в Забайкалье
ложнялся тем, что на само Забайкалье из Маньчжу-
и и Монголии нажимали семеновцы. Наконец, по
муру у нас зашевелилось казачество, изменившее
оим заверениям пятому крестьянскому съезду. Нам
ишлось посылать отряды для ликвидации казачьих
встанческих отрядов в Михайло-Семеновскую и
рняевскую станицы. Казаки перебегали на китай-
ую сторону и там организовывались в более круп-
е отряды, выжидая, когда подойдут поближе во-
очная и западная белые армии.

В это тяжелое время созван был опять внеочеред-
ой шестой областной крестьянский съезд. На съезде
бсуждались мероприятия по снабжению области и
угие хозяйственные вопросы. Предложение о все-
бщей мобилизации было отвергнуто. Съезд ограни-
ился воззванием о посылке добровольцев. Опять пе-
еизбрали исполком и пополнили его новыми чле-
ами.

На шестом съезде выявилась довольно внушитель-
ая контрреволюционная группа. Среди крестьянских
елегатов было значительное число кулаков, а также
агитаторов-меньшевиков и эсеров, находившихся в
лениях в момент выборов на съезд. Правда, мы сво-
й силы еще не потеряли и противопоставили кулакам

ЭР00809

и соглашателям группу преданных революции това-
рищей. Но той — полной единодушия и энтузиазма —
обстановки, какая была на четвертом и пятом съез-
дах, теперь уже не было. Меньшевистско-эсеровска
фракция настаивала на немедленном объявлении ам
нистии политическим заключенным. Эта же фракци
требовала разрешения на печатание своих газет. Же
стокую отповедь врагам пролетарской демократи
дал серб тов. Сакович, вскоре после съезда назначе
ный главкомом Восточного фронта. В заключени
тов. Сакович, выхватив шашку из ножен, взмахну
ею в воздухе и сказал с подъемом:

— Мы боремся за свободу не одной России. М
боремся за свободу всего мира!..

Я уже упоминал о выступлении японцев. Телегра
ма о начале военных действий с их стороны и о вы
садке новых интервенционистских войск во Владив
стоке была получена к концу съезда. Сообщалось, чт
фронт не может выдержать напора врага, во мног
раз превосходящего нас численностью. После пол
чения этого извещения фракция правых демонстр
тивно покинул съезд. Они дождались своего и в
оппозиции переходили в стан врага. Уже без них в
съезде раздавались горячие речи о том, чтобы дел
гаты немедленно ехали на места, разъясняли опа
ность положения и организовывали добровольческ
отряды для борьбы с контрреволюцией.

Газеты запестрели заголовками: «Революция в
опасности!»... «К оружию, товарищи!»...

ЭР00809

Каждый день отправлялись эшелоны добровольв то на восток, то на семеновский фронт, а между м и на месте надо было не зевать. Часто приходиось не спать по нескольку ночей. Не раз ночью возкала паника, скакала за город кавалерия, везли пуметы, а там, глядишь, всего-навсего была лишь перестрелка при задержании каких-нибудь контрабанистов.

Эта паника имела свое основание — с часу-начас кидали налета белых с китайской стороны.

Часто накрывались и разгонялись нашими подольные собрания белых, но участники их почему-то арестовывались. Причины неуловимости белых выснились гораздо позже. Комиссаром политической азведки к нам пролез ярый монархист, — штаб-капитан Лейша, — который подчинял всю свою работу оим антисоветским планам. В то время как разгонялась какая-нибудь пустая подставная группа, — спойно заседал штаб подпольной организации белых. олько незадолго до прихода белых в город на таженной рогатке было выпорото у одной дамы, ехавей в Сахалян, письмо из кофточки, из которого выснилось, что Лейша — гнусный провокатор. Но ейша был настолько аккуратен в своих действиях, го мы относительно его были в сомнении и ограничились тем, что послали его в тюрьму — вместо того, чтобы немедленно расстрелять. Только после эпизода с Лейшей был организован военно-революционный комитет под председательством тов. Чепурнова.

ЭР00809

которому была передана вся полнота власти в обл
сти.

ЭВАКУАЦИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКА

Казаки в открытую стали готовиться к нападени
на нас, но мы предупредили их. Против казачьего б
лого отряда в станице Черняевой по Амуру был п
слан наш отряда с двумя орудиями под командой го
Шафир. Он разбил казаков наголову, часть разор
жил, а часть успела бежать на китайскую сторону.

Ревштаб созвал расширенное заседание для о
суждения текущего момента. Докладчики сообщил
что наши армии отступают без сколько-нибудь сер
езных попыток задержаться, что западная армия о
тавила Читу, в которой анархисты ограбили банк, з
хватили подвижной состав и двигаются к Благовеще
ску. Штаб армии просит задержать анархистов, раз
ружить их и отнять увезенное...

Восточный фронт подходит уже к Хабаровску; с
дя по всему, серьезного боя быть не могло, так к
для пополнения Хабаровского фронта послать бы
некого; к тому же по пятам отступающих двигала
многочисленная армия японцев, чехов и белых...

Решено было эвакуироваться из Благовещенска з
благовременно, к моменту подхода восточной армии
Свободному. Западной армии — сдерживать неприя
ля по линии Амурской ж. д. и, не доходя до Свободн
го, поворотить к городу Зее. Здесь соединенными а
миями дать генеральное сражение. В случае неуст

ДВГНБ

ЭР00809

— разойтись мелкими отрядами в тайгу и начать ртизанскую войну...

На это заседание ревштаба кто-то пригласил двух ловек, якобы, летчиков хабаровского фронта, маяр. В действительности это были чехи, шпионы бех, которые после заседания в ту же ночь убежали Сахалян. Таким образом из-за нашей излишней дорчивости наши планы стали известны белым...

Согласно решению Ревштаба мне предстояло поузить на пловучий госпиталь «Петроград» как можбольше медикаментов, перевязочного материала и одовольствия, взять медицинский персонал (исключительно из добровольцев) и выехать в город Зею, куда сноситься по прямому проводу с Ревштабом, е бы он ни находился. На покупку марли и медикаентов мне отпустили сто тысяч рублей романовскими кредитками.

С заседания Ревштаба особо выделенные товари-и пошли в госбанк, где ожидали несколько грузоих и легковых автомобилей с вооруженной охраной од командой комиссара кавалерии тов. Каратаева. а эти автомобили мы погрузили в ящиках золото, оторое решено было увезти куда-то в тыл, а куда — не знал. Только двинулись на вокзал, как под одим автомобилем на Большой улице сломалась от тяести ось. Пока подали другой автомобиль, стало уже ветать, и нам не удалось ускользнуть от глаз обывателей, которые не постеснялись открыто позлорадствовать, видя наше отступление.

ДВГНБ

ЭР00809

С наступлением утра я помчался в китайскую фи
му Кян-да-хай и договорился, чтобы к обеду мне д
ставили сорок тысяч аршин марли. Договорился та
же с комми-вояжером харбинской фирмы «Гольде
берг и К°» о срочной доставке нам медикаменто
Получил в Ревштабе ассигновки и в тот же день пр
извел платеж за марлю, медикаменты, перевел
почте жалование и авансы в область.

С утра еще назначил завхоза на пловучий госп
таль «Петроград» и дал распоряжени подвести ночь
судно к коммерческой пристани с тем, чтобы с ут
начать погрузку. В этот же день был набран шт
санитарного отряда на «Петроград» в количестве ш
стидесяти человек, при чем при приеме людей я в о
крытую заявил, что мы вынуждены временно отст
пить и что, может быть, придется переносить голо
холод и всякие лишения. Я не скрывал от них ничег
чтобы иметь с собой людей, способных переноси
все невзгоды до конца. Некоторые, конечно, отказ
лись, но шестьдесят человек к двум часам дня уж
были на пароходе. Врачей, желающих поехать со мно
не нашлось ни одного.

Нелегко было забрать медикаменты в складах и а
теках. Служащие стали на дыбы: — «Как, вы увози
все медикаменты из города?!. А население с чем ост
нется?!. Не дадим!...» Приходилось брать все с пом
щью вооруженной силы.

К четырем часам все медикаменты, перевязочны
материалы, постельные принадлежности, хирургически

ЭР00809

струменты, продовольствие, спирт, вино, — словом, е необходимое было погружено. Обслуживающий рсонал был на месте. Мы ждали с низовья и сверху роходов с ранеными, которых нужно было погрузить на наш пароход. Затем мы должны были уйти на ю грузить муку.

К пяти часам подошли два парохода с ранеными и али бок-о-бок с «Петроградом». Мы недоумевали, к прошел пароход с верховьев Амура. Пароход, который шел с низовьев, охранялся от реакционных казачьих станиц канонеркой, а этот — никем все же прошел незадержанным.

Тяжело раненые были немедленно направлены в енный госпиталь и в другие лечебные заведения, а ех легко раненых, не расставшихся с оружием, я принял на свой пароход. Их набралось более трехсот человек.

Пока переписывали и распределяли раненых по естам, я пошел в свой комиссариат. Написал последний приказ по комиссариату, в котором упоминал пешно!..), что уезжаю в командировку и заместителем оставляю тов. Петренко.

Тот встал на дыбы:

— Что я тут буду делать, когда я ни черта не наю?!.

— Да не волнуйся, парень, долго здесь быть тебе е придется...

Сердечно попрощался я со своими ребятами. Не егко было на душе, но что сделаешь...

ЭР00809

Снявшись с якоря на коммерческой пристани, описали по воде круг, во время которого наш пар ход зашел далеко за половину Амура. Сахалян с еще ближе. Оттуда неслись русские хоровые пес пели сбежавшие в Сахалян белогвардейцы.

Выйдя на Зею, мы стали недалеко от одной ме ницы. Сразу же стали подвозить на подводах му так как распоряжение было дано заблаговремен Я было поехал на извозчике в лазарет рабочих д жин, находившийся недалеко от берега; вдруг в жу — в городе не ладно: какая-то паника, в цент города облако пыли... Навстречу мне несется ком сар третьего участка гормилиции, кричит:

— Уезжай скорее, в город заходят белые!..

Я повернул обратно к пароходу. Муки погрузи не более тысячи пудов, но я отдал приказание п кратить погрузку и заводить якорь. Впоследствии о залось, что паника была напрасной. Белые толь дней через пять вошли в город.

Часов в девять вечера под Будундинским пере том мы остановились ночевать на реке, так как ночью лоцман не мог вести пароход...

Здесь я попытался определить, что из себя пр ставляет команда парохода и можно ли на нее по житься в критический момент. Я узнал, что палуб команда, матросы и прислуга — советски настроенн люди. Командир парохода тов. Ухловский вполне дежный, «свой» человек, но его помощники и ру вые, а также лоцман — беляки...

ЭР00809

Вечером раненые получили по стаканчику вина и роший ужин. Все спали спокойно, разве только я ставлял исключение...

Не доезжая до г. Свободного, я слез в деревне Ма-я Сазанка, где жил уехавший домой член исполко-т·тов. Будько. С ним на лошадях мы проехали до вободного. В этом месте река делает большие зигза-, и мы далеко обогнали пароход. Сделано это мною ыло из предосторожности, чтобы не отдать врасплох роход в руках белых. Но в Свободном еще были аши, и мы спокойно подошли к суражевской при-ани.

ВВЕРХ ПО ЗЕЕ

В Суражевке я зашел на правительственный теле-раф переговорить с Благовещенском. Там сидел тов. раснощеков и с кем-то говорил по прямому проводу, идимо со штабом Забайкальского фронта. Я слышал олько его слова: «за гриву не удержались, за хвост рудно удежаться»...

Здесь я ничего не мог добиться: царил полный хаос. На станции почти все пути были забиты. В вагонах ыло много женщин и детей. Все сидели и чего-то ждали, а враг тем временем подходил все ближе и ближе.

Я решил ехать дальше.

Придя на пароход, я ужаснулся: многие раненые перепились и затеяли дебош. Сиделки и сестры были в слезах. Пришлось много потратить времени, пока кое-как уговорили тех и других.

ЭР00809

Перед самым отъездом пришли и попросили р
решения ехать с нами на пароходе десять вооруж
ных красногвардейцев. Я разрешил им сесть на пар
ход, так как одного из них, тов. Зотова, знал к
большевика и надеялся на его помощь. Надежда э
вскоре оправдалась.

В тот же день, часов в девять вечера, мы отош
от пристани и поплыли вверх по Зее. Раненые, пов
димому, основательно запаслись в Суражевке водко
так как всю ночь напролет пьянствовали. На след
ющий день, часов к двенадцати, мы пришли в се
Мазаново, где по телеграфному моему распоряжен
больница была готова для приема пятидесяти ран
ных, но пришлось оставить сто и на пятьдесят чел
век выдать дополнительно все необходимое вплоть
аванса на наем обслуживающего персонала. Не дох
дя до Мазанова, я выдал всем сходящим с парохо
жалование за три месяца вперед. Узнав об этом, с
тальные раненые тоже потребовали выдачи денег: д
вай — и баста!..
Пришлось выдать.

Больницу снабдили всем, чем только могли. Н
разнузданная братва этим не удовлетворилась. Реб
та нашли на пароходе вино, взломали ящики и разд
лили его между собою. Некоторые из них тут же
берегу стали «контролировать» крепость содержим
го в бутылках. Другие выдернули из тюков суконны
халаты и стали примерять, какие выйдут галифе. Д
ктор и фельдшер больницы, отступившись от всег

ЭР00809

груженного на берег, только разводили руками да жимали плечами...

Я приказал скорее поднять якорь...

Положение на самом пароходе было тоже не из естящих. Дисциплина упала окончательно, пьянст- усилилось. Однажды ко мне зашел китаец-матрос и тихоньку передал, что раненые во главе со старшим мощником хотят меня убить.

Меня передернуло. Я уже давно замечал, что ирший помощник поглядывает на меня зверем. Через которое время сообщение китайца-матроса подтвер- л в разговоре со мной один из раненых, некто По- в. Я позвал к себе Зотова и сказал ему о готовив- мся на меня покушении, при чем указал на старше- помощника, как организатора этой затеи.

Решили действовать без промедления.

Я договорился с капитаном, чтобы он поставил на журство вместо себя этого помощника, а завхозу едложил поить раненых до тех пор, пока они в со- оянии будут пить. К полуночи добрая половина ра- ных после обильного угощения уже спала, а перед этом уснули и остальные. В это время тов. Зотов со оими товарищами обошел все помещение, где на- дились раненые, и забрал у них все оружие, а по- м взошел на капитанский мостик, наставил на стар- его помощника револьвер, арестовал его и запер в юм...

Как были перепуганы раненые, когда, проснувшись, и не нашли около себя оружия.

ЭР00809

— Нас арестовали, разоружили... Комиссар — б
лый, он посадил в Суражевке белых... шептались о
притаенно, но никто из них даже не осмелился спр
сить, кто взял у них оружие.

Зотов зашел к раненым и стал их «совестить». (
говорил им, что они своими выходками пособля
белогвардейцу, сагитировавшему их на убийство бо
шевика. Говорил он с ними часа два и подчеркну
что в недалеком будущем они жестоко покаются
своих поступках, но будет поздно...

После этого распределение раненых по больниц
и фельдшерским пунктам в прибрежных селах пош
без всяких недоразумений. Больницы, подобно ма
новской, снабжались нами всем необходимым. О
жие выдавалось раненым на руки.

Так мы благополучно дошли до гор. Зеи, где
встретил предисполкома тов. Боровинский и военк
тов. Жуков.

БЕГСТВО С ПАРОХОДА

Первым долгом по приезде в г. Зею я попыта
связаться по прямому проводу с Ревштабом, но на
леграфе ничего добиться не мог. Сказали, что отвеч
только Свободный, а благовещенская почтово-те
графная контора и Ревштаб на вызовы не отвеча
Свободный ответил, что он и сам никак не может
вчерашнего дня связаться с Благовещенском...

В Зею приехали несколько видных работников
Читы; из Свободного прибыли Краснощеков, Кри

ДВГНБ

ЭР00809

ко и много других. Все строили планы, как проться через тайгу и тундру на оленях в Якутскую асть...

Остатки медикаментов и продовольствия я сдал скому исполкому. Не зная, что творится в Благоенске и Свободном, я все же решил возвратиться вободный; несомненно, там сейчас много раненых, х надо было вывезти куда-нибудь в тайгу...

На полпути к Мазановой нам встретились идущие ох два парохода, до отказа набитые беженцами, имущественно женщинами и детьми. Остановив н пароход, я поехал туда на шлюпке и стал расашивать, что творится внизу. Мне сказали:

— Не ездите вниз!.. Свободный занят, армия разается, все бегут, кто куда попало...

Я вернулся на пароход и тихонько сказал капитаУхловскому, чтобы он пристал брать дрова ниже Кухтерин Луг, в шести километрах от заимки уновых (Седуновы мои односельцы, лет пять напереселившиеся сюда на хутор).

Когда стали брать дрова, я взял оружие, деньги, бходимые вещи и велел вынести все это на берег шедшим ко мне на пароход Седуновым. Затем, дя на берег, я взял вынесенный в куле восемнадзарядный автомат «Винчестер» и крикнул на паод:

— Убирай сходни, подымай якорь и вали, куда любо!..

Помощник капитана, выпущенный незадолго перед

ЭР00809

этим из трюма, заметался по палубе, крича: «комиссар ушел!..»

Я прицелился в него из винчестера и крикнул:

— Уезжай, пока жив и здоров!.. Сейчас расстреляю, гад!..

Он поспешно отбежал к другому борту парохода. Мы отрубили конец, и пароход понесло от берега вниз по течению.

Жаль было некоторых из медицинского персонала, но большинство советски-настроенных товарищей я пооставлял в деревенских больницах, а находившиеся на пароходе были большей частью без определенного политического направления, да и непригодны они были для таежных тяжелых условий. Тов. Зотов и его спутники сошли с парохода еще в Зее. Приглашал я сойти на берег и капитана, но он сказал, что поедет дальше и в общем посмотрит, как и что. Однако, его помощник так припер его за сообщничество со мной, что он после тоже сбежал на первой же пристани, когда брали дрова...

А в низовьях Зеи в это время происходило следующее.

В Благовещенске для эвакуации приготовили все имевшиеся в наличности пароходы. На некоторые поставили орудия. Два парохода —«Телеграф» и еще один какой-то — вышли на день раньше. На них выехали почти исключительно никольск-уссурийцы. За ними на другой день пошли целой эскадрой десять пароходов и тоже вверх по Зее. Когда пароходы это

ЭР00809

ли от города, в Благовещенск немедленно перепра-
лись из Сахаляна белогвардейцы и успели обстре-
ть в устье Зеи несколько пароходов. Вся публика с
их пароходов без сопротивления разбежалась в за-
йские деревни. Часть других пароходов белые до-
ли под деревней Петровкой. Эти пароходы выбро-
лись на мель, а пассажиры разбежались по островам.
альше — кто куда...

После на одном из островов моими односельцами
л найден пулемет и сто шестьдесят тысяч керенка-
Деньги нашел один старый рыбак и роздал их
нейшим крестьянам. Впоследствии белогвардейцы,
говорили крестьяне, выбили эти деньги из бедня-
нагайками, да и самому рыбаку на старости лет
пали не мало...

Большинство быстроходных пароходов белые не
ли догнать до самого Свободного. Здесь часть из
успела пройти под железнодорожный мост ниже
ницы Суражевки до прихода к мосту японского
елона.

Но, подойдя к мосту, японцы открыли ураганный
нь по пароходам...

Нижние пароходы пристали к берегу, пассажиры
паники бросились убегать в ближние горы. Здесь
. Аксенов с несколькими красногвардейцами выта-
л на берег два орудия, выпустил по эшелону не-
лько снарядов, но, увидев, что остался почти один,
сил орудия и поспешил скрыться.

Верхние же пароходы, миновав Свободный, пошли

ЭР00809

дальше. Только пароход «Михаил» затонул у свободненской пристани и затонул с большими жертвами.

От Свободного река делает зигзаг к деревне Молчановой. Японцами руководил, видимо, знающий местность белогвардеец, так как они, пока пароходы шли до Молчановой, успели от Суражевского моста прикатить на подводах в Молчаново и вновь встретить пароходы ураганным огнем. Пароходы бросились в протоку, но она обмелела, и пароходы пройти не могли. Пришлось также бросить пароходы и спешно отступать...

В бытность на заимке у Седуновых часто проходили мимо лодки с беглецами с низовьев Зеи. Кое-кто заходил к нам погреться.

Холод заметно усиливался, скоро должен был уже начаться рекостав, а беглецы были одеты плохо. Многие просто завертывались в сырые шкуры диких козуль.

Некоторые товарищи жаловались, что их, недалеко от г. Зеи обирал содержатель одного постоялого двора. За какую-нибудь рваную бабью кацавейку или пальто с мальчишки он брал наган или винтовку.

Почти всем проезжающим товарищам я давал: кому сто, кому двести рублей, из бывших у меня казенных денег.

— Куда же, товарищи, думаете теперь пробираться? — спрашивал я.

— Куда-нибудь...

Это «куда-нибудь» привело многих в тюрьмы,

ЭР00809

иных — под самосуд и расстрел. Не миновала и меня такая участь...

АРЕСТ

Вначале я тоже растерялся и не знал, что предпринять, куда податься. Хотя я уже знал, как мстит буржуазия, но как-то не верилось, что подобная расправа ожидает и меня... Признаюсь, я надеялся еще на милость буржуазии. Горько потом пришлось разочароваться в своей наивности, когда я испытал на своей шкуре всю «милость» буржуазии... Но об этом после...

Однажды на заимку Седуновых пришел из села Кухтерин-Луг местный лавочник, некто Козырев, типичный казак-амурец, служивший до революции горным урядником на приисках. Прищел он якобы посмотреть свое сено, находившееся недалеко от заимки. В мое отсутствие он выпытал у старухи, кто я такой и откуда. Старуха ничего не утаила, выложила ему все, как попу на исповеди: так, мол, и так... страдает вот человек за народ... А того не сообразила старая, что на страдания выдавала меня глупым своим языком...

Когда я пришел в дом, Козырев расплылся в заискивающей улыбке, хитро прищурил глаза и вкрадчиво посоветовал мне сдать деньги, а самому по телеграфу заявить о себе.

На это я ответил, что заявлять о себе не намерен.

— Напрасно, напрасно вы так делаете, — запел Козырев. — Есть телеграмма, что кто отчитается во взятых суммах, тех не арестовывают...

ЭР00809

Я послал его к чорту и сказал, чтобы он оставил меня в покое.

Убедившись в безуспешности своих уговоров, Козырев изменил тон:

— Я... бывший горный урядник и не сомневаюсь что буду вновь восстановлен в этих правах, а посему объявляю вас арестованным и предлагаю сегодня же явиться в сельское управление!..

— Уходи сейчас же, гад, пока я тебя не пристрелил, — озлился я и выхватил из кармана револьвер.

Козырев вмиг выкатился из дому. По дороге ему встретился старик Седунов. Козырев накричал на него и пригрозил ему тюрьмой в случае, если он выпустит меня с заимки.

Старики Седуновы взяли меня в работу: явись да явись в село, сдай деньги... И чорт знает, каких ещё советов мне ни надавали!.. Я хотел было немедленно собраться и уйти куда-нибудь вниз по Зее, но они подняли плач:

— Ты нас погубишь, мы же за тебя отвечать будем...

Дошел до отчаяния... Старуху готов был растерзать. Но... что делать?.. Решил поехать в село. Взял с собой оставшиеся у меня пятьдесят шесть тысяч, привез их на почту. Позвали председателя и попросили назначить охрану... Деньги проверяли всю ночь. Когда уже рассвело, я получил акт комиссии о сдаче денег.

Утром я узнал, что Козырев еще вчера, сразу же

ЭР00809

после нашего разговора, помчался на ж.-д. станцию и уехал в Благовещенск с докладом о моем местопребывании. Тут мне стало ясно, что я в ястребиных когтях... С горя напился пьяным. Как меня увез на заимку Седунов, я не помню...

На следующий день я узнал, что в десяти километрах ниже заимки по течению реки стоит какой-то отряд вооруженных людей, переправившихся в селе Нагаяне через реку с правой стороны Поехал туда на плюпке; оказалось — отряд гондатьевских большевиков под командой тов. Теслик (председатель Гондатьевского волисполкома), численностью в сорок человек, при двух пулеметах. Все хорошо вооружены. Есть продовольствие, патроны и восемнадцать лошадей. Побеседовали мы с тов. Тесликом и решили сделать налет на почту и забрать сданные мною деньги. Но осуществить наш план нам не пришлось, так как деньги в тот же день, как я их сдал, под охраной были отправлены на железнодорожную станцию Ульмин... Приглашал меня тов. Теслик примкнуть к его отряду, но я отказался, не желая подводить Седуновых...

Вскоре после разгрома наших пароходов около города Зеи туда пришли канонерки и шесть больших пассажирских пароходов, битком набитые японскими войсками. Но, в виду того, что там уже никакой опасности для интервентов не было, эти пароходы тут же повернули обратно... «Завоеватели» с первых же шагов показали свою беспощадность. Канонерка, дер-

ЭР00809

жавшаяся впереди пароходов, обстреливала каждо
село, встречавшееся на пути. Японцы боялись на
ткнуться на береговую засаду и поэтому палили п
мирным селам...

Везде рыскали казачьи и белогвардейские отряд
из добровольцев, вылавливали большевиков, произво
дили повальные обыски, забирая все ценное, увод
лучших лошадей и убивая скот на мясо, без всяко
платы...

Начались первые стихийные восстания...

Крестьяне Средне-Белой, Троицкого и Комиссаро
ки, вооруженные винтовками, напали на станци
Средне-Белая, где стоял белогвардейский карательны
отряд. Отряд окружили и загнали в здание станци
Один из средне-бельцев, крестьянин, командовавш
повстанцами, заскочил в здание, держа наготове гр
нату, и крикнул: «сдавайтесь, гады!» — но был уби
не успев бросить гранату. Это привело повстанцев
замешательство. А тут еще кто-то увидел идущий
Благовещенска поезд и крикнул: «поезд идет!...» По
станцы в панике стали отступать от станции. В э
время подкатил эшелон белогвардейцев, которые, в
скочив из вагонов, повели цепью наступление на о
ходивших повстанцев. Повстанцы не выдержали н
тиска белых и бросились бежать куда попало, ост
вив много убитых и раненых...

После сдачи денег я с сыновьями старика Седун
ва стал ездить на охоту и расспрашивать охотников
как можно пройти на Селемджу. Я все-таки мысли

ЭР00809

к только станут реки, пробраться куда-нибудь на лемджинские прииски, в такое глухое место, где бы ня никто не мог узнать...

А тем временем Алексеевский послал с Козыревым ух казаков и одного прапорщика, чтобы меня аре-овать, но их опередил отряд белой милиции под ко-андой прапорщика Голубицкого и его неразлучного руга чеха, — одного из тех двух, которые были ре-омендованы нам как революционные мадьяры на па-ятном заседании Ревштаба в Благовещенске...

Я только что приехал с охоты с сыновьями Седу-ова. Мы почистили винтовки, повесили их в избе (до ого прятали) и сели обедать. Вдруг собака с лаем росилась к реке. Старший сын Седунова выскочил з-за стола на улицу и вмиг заскочил обратно, блед-ый как полотно, и стал поспешно сдергивать со сте-ы винтовки и бросать их в подполье.

Тем временем кто-то потихоньку приоткрывал верь и, наконец, сразу показался человек с бомбой. Послышался крик: ни с места!..

Дверь широко распахнулась, и на нас из-за косяка аставились дула наганов.

— Руки вверх!..

Бабы и ребятишки подняли рев. Они были до край-ости перепуганы, тряслись и жались друг к дружке.

Один из прятавшихся за дверью осмелел и вошел дом, держа в правой руке наган, а в левой бомбу. Окинув всех сидящих беглым взглядом, он на лома-ом языке спросил:

ЭР00809

— Все свои?.

Я сразу догадался, что это чех, к тому же у не на рукаве шинели был нашит национальный флажо

— Все свои... — ответил Седунов.

— Это не ваш, — указывая на меня, возразил чех

Острая ненависть к себе, что я не скрылся во-вр мя и отдал деньги белым, овладела мною... «Так те и надо, дураку и трусу!.. Раз не сумел жить, так с мей хоть умереть, как революционер...»

— Да, я не здешний! — отозвался я на возражен чеха.

— А ви кто, — красноармеец?..

— Нет, подымай выше!..

— Что значит — выше?

— Я областной комиссар!..

— Какой комиссар?

— Здравоохранения!

— А, Вшивков!.. Что ви тут делить?..

— Дожидал вас, когда придете за моей душой

Пока чех вел разговор с нами, белогвардейцы и кали в кладовой...

В дом, приподнимая на носу пенснэ, зашел начал ник милиции — прапорщик Голубицкий.

— Вот пташка, так пташка ми поймаль!.. — дол жил чех Голубицкому.

— А, Вшивков!.. Здравствуйте, — обратился ко мн Голубицкий...

— Отколь ты, чорт, меня знаешь? — подумал я.

— Что вы здесь делаете?

ЭР00809

— Да что я могу сейчас здесь делать? Ясно... ждал, а приедете вы...

— Значит, мы вас арестуем, — сказал Голубицкий. Деньги, оружие и документы при вас есть?

Я вышел из-за стола, достал из чемодана револьвер и акт о сдаче денег:

— Денег у меня нет, я их сдал, — вот акт о сда-. вот револьвер... там на стене — винчестер, а больничего нет...

— А лично у вас нет еще денег?

Я развернул бумажник и показал четыреста рублей. Этих денег у меня не взяли. Видно было, что ча мною денег сильно обескуражила белых.

Чех приказал милиционерам итти с обыском по барам и зимовьюшкам.

— Оружие еще есть? — спросил Голубицкий.

— Нет... — ответил младший сын Седунова.

— А это что? — заорал чех, когда милиционер ал выбрасывать из подполья наспех брошенные туаши винтовки.

— Эти винтовки у них исключительно для охо-, — попытался было я защитить Седуновых, но ку-там!..

— Веди всех на улицу!..

Выгнали сыновей и невесток, старика и старуху на ицу. В доме остались одни дети да я — под надзом одного милиционера. Дети подняли такой рев, что меня сердце облилось кровью: вот останутся сироти... и все из-за меня!..

ДВГНБ

ЭР00809

В это время на улице пороли все семейство Седу
вых, выпытывая, где оружие. Пришлось Седунов
снести все винтовки, приобретенные ими в свое вре
Их набралось что-то штук двенадцать.

Во время сбора винтовок старший сын Седун
сбежал от белых.

Когда его отсутствие было замечено, белые пе
полошились не на шутку. Чех подскочил ко мне с
ганом.

— Первая пуля тебе, комиссар! Где парень?.. Он
бежал красных позвать?!. Говори!..

Я сказал, что красных поблизости нет, что чело
просто перепугался и сбежал... Тем не менее все за
етились, чтобы скорее уехать. Седуновым приказ
немедленно подать подводу.

Старуха Седунова лежала на кровати и охала, с
рик же сидел у печки и держался рукой за сердце.
ти не переставали плакать, кто забравшись на печ
кто прикурнув в углах, кто под кроватью...

Когда я прощался с хозяевами, белых в избе
было.

Подавая мне руку, старик Седунов сказал:

— Прощай, дорогой, крепись!.. Ох, тяжела т
участь, парень...

Я просил простить меня за то, что я причинил
столько неприятностей.

— А ты на кого будешь сердиться, - что тебе
жизнью придется проститься в молодых-то летах!..

Видимо, старик Седунов был сильно потрясен пер

ЭР00809

им, так как он после этого сильно заболел и не
ал с постели...
ривезли меня в село Кухтерин-Луг. Белогвардей-
аехали на квартиру к Козыреву, который только
возвратился из Благовещенска. По всей вероятно-
он был рекомендован белогвардейцам как свой
век еще с места их выезда. Козырев, съездив в го-
захватил кое-какого завалящего товаришку, от-
двери своей запертой при советской власти лав-
и и уже повесил вывеску: «торговля Козырева».
н несказанно обрадовался нежданному визиту на-
ника милиции. Козыриха благоговела перед пого-
Голубицкого и называли его «ваше высокобла-
дие».
Меня поместили в прихожей, приставив одного ми-
ионера для присмотра за мной.
Приехавших «спасителей» пришла поздравлять вся
ная интеллигенция: объездчик, почтово-телеграф-
чиновники и Огарков — кулачок, яро ненавидев-
большевиков.
Вся эта публика принялась делиться радостями пер-
побед. Козырев сообщил, что скоро должен подъ-
ь с двумя казаками специально посланный за мной
:подин офицер».
Действительно, через каких-нибудь полчаса он с ка-
ами подкатил на паре обывательских.
Часам к десяти утра подали подводу и меня под
воем повезли на станцию Ульмин.
До станции Ульмин от села Кухтерин-Луг — семь-

ЭР00809

десят километров. По дороге мы ночевали в дерев
Беловеж. Всю дорогу конвоиры обращались со мно
излишне вежливо и предупредительно.

На станции Ульмин меня посадили в почтовый п
езд на Благовещенск.

ДВГНБ

ЭР00809

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЮРЬМЕ У БЕЛЫХ

ВНОВЬ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

.. Благовещенск показался мне скучным. Русских улице было очень мало, зато всюду шныряли япон-

Привели меня в контр-разведку, находившуюся на ьшой улице в одном из домов Рифмана. Начальм разведки состоял сам владелец этих домов. н контр-разведчик пригласил в комнату, где я наился, какую-то барыньку, повидимому машинисти, показывая на меня, спросил ее:

— Он, нет?

— Он, он, проклятый!.. У, подлец!..

— Что я ей сделал? — подумал я. — Не дал, мобыть, пропуск к «врачу-специалисту» в Сахалян?.. Через некоторое время провели меня в кабинет к альнику контр-разведки Рифману. Тот рассыпался едо мной в любезностях: настлал так мягко, что ько ложись и отдыхай.

— Да, да... за вами никаких уголовных преступле- не числится, но... пока по бывшему вашему управию не произведут ревизии, я, к сожалению, вынуж-

ЭР00809

ден вас заключить под стражу... Недельки три вам придется посидеть, а там, конечно, мы вас освободим...

После разговора с Рифманом мне еще долго пришлось ожидать конвоира для сопровождения меня в тюрьму. Время от времени приводили новых арестованных, по виду — рабочих. За некоторыми приходили их жены, но их не допускали в помещение контр-разведки, грубо сталкивали ногами с крыльца, пускали в ход нагайки...

Тут же, невзирая на присутствующих, контр-разведчики делили между собою награбленное при обысках добро.

Все контр-разведчики ходили с наганами за поясами и с увесистыми гранатами... Некоторых арестованных заводили в комнату на допрос, и оттуда доносились удары плетью и крики истязуемых...

Часов в семь вечера нас, человек восемь арестованных, под конвоем мальчишек, все тех же реалистов и гимназистов, служивших добровольно при контр-разведке, отправили в тюрьму.

В канцелярии тюрьмы нас всех обыскали, смерили, записали, словом, проделали всю процедуру и повели в корпус. Моих спутников повели в общие камеры, а пропуская меня, выводной надзиратель спросил:

— А комиссара куда?

— Посадите в сорок шестую одиночку, — распорядился помощник начальника тюрьмы.

Надзиратель ввел меня в тюремный двор.

ЭР00809

Со всех сторон мрачно глядели на меня корпуса рьмы. В проходе у выпускной калитки стоял посто-й надзиратель. Около него висела на стене доска с дписью, сделанной мелом:

„Состоит всего 2300 человек".

Надзиратель ввел меня в коридор главного корпу-. Сильно шибанул в нос специфический запах «па-ш». Следуя за надзирателем, я прошел на третий аж корпуса. Средина корпуса была пустой, а по бо-м находились одиночки, над которыми были наве-ые коридоры с железными перилами. Пройдя к оди-чке номер сорок шесть, надзиратель отпер дверь, устил меня и захлопнул ее, щелкнув два раза внут-нним замком.

В первый момент я растерялся. Как-то не мог уя-ить, что это действительность... Бегло оглянул оди-чку: в вышину она была метра четыре, в длину—ме-а три, в ширину — два метра. Около стены — желез-я койка, около другой стены — вделанный в стену ол и такая же табуретка; в левом углу на полу у ерей — небольшой шкафчик-стеновичок, в правом лу на полу — стульчик-«параша» с вынимающимся дром. Вверху, рядом, одна около другой, — две элек-ические лампочки с абажурами. Высоко, почти в пол-ра человеческих роста от пола, — небольшое око-чко с решоткой. Вот и все убранство моей живой огилы...

Так стало тоскливо, так остро чувствовалась бес-

ЭР00809

помощность, что нет слов передать!.. Обуяла исступленная злоба на себя..

Сам же, дурак, променял свободу шумной тайги на этот проклятый каменный мешок!..

Ясно, что все заверения господина Рифмана — надувательство. Тех, кого нужно продержать недельку две, так не закупоривают...

Утром я вскочил от лязга ключей. Проходила утренняя проверка. Кто-то открыл круглый глазок со стеклом на двери выше волчка, с секунду поглядел одним глазом, и опять медная крышка завесила глазок. В тюрьме было тихо, казалось, что в ней нет никого. Лишь изредка слышался глухой говор коридорных надзирателей...

Пришел раздатчик (из заключенных) и подал мне кусок, фунта в полтора, черного, похожего на кол глины, хлеба. Принимая хлеб в волчок, я успел прочитать на дверях одиночек, находившихся напротив, надписи мелом: на одной — «Федин», а на другой — «Сюткин и Яценко»... Федина я не знал, а о Сюткине и Яценко подумал: тоже попались, бедняги!..

Часов в восемь утра роздали горячую воду, а часов в десять надзиратель снизу закричал: на прогулку!.. Сперва выпускали на прогулку все три этажа одиночных камер в западную часть двора. Всех одиночек было что-то около шестидесяти, в некоторых одиночках сидели человека по два, а в некоторых — даже по три. Таким образом, в одиночках было более ста человек.

ЭР00809

Когда вышли на прогулку, меня окружили товари-
и, стали расспрашивать, как и где меня поймали.
т я узнал, что сидят в одиночках следующие то-
рищи: Сюткин — комисар продовольствия, Яценко —
варищ предисполкома, Федин — пред. зиловского
лисполкома, Прибыляк — командир одного из пол-
в забайкальского фронта, Воробьев — комиссар
освещения, Поспелов — комиссар труда, Шумилов —
миссар земледелия, Зюльков — товарищ предис-
олкома, Виноградов — зав. санчастью, Стемпаков-
ий — зам. пред. ревтрибунала, Галинский — секре-
рь исполкома, Казин, Корытов и Яков Шафир — со-
удники Амурских «Известий», Ли Ми-ню — коман-
р китайского отряда, Шелковников-Гул — председа-
ль следственной комиссии при ревтрибунале, инже-
р Белин — комиссар гражданских сооружений, Ши-
новский — председатель комитета Амурской ж. д.,
раваев — комиссар кавалерии, Шадрин — товарищ
редисполкома, Курочкин — комиссар госбанка, Бе-
емишев — комиссар юстиции, Чумак — командир
ного из полков уссурийского фронта, Просвигин —
омандир одной из частей благовещенского гарнизо-
и много других товарищей, фамилии которых уже
помню. Тут же сидели знаменитый штабс-капитан
ейша и бывший комендант станции — прапорщик
акаров, который с приходом белых заделался у них
омендантом Свободного, где успел расстрелять
ов. Шатковского — товарища предисполкома, тов. Чес-
окова — председателя Дорпрофсожа Амурской ж. д.

ЭР00809

и многих других. Макаров попал в тюрьму за то, что изнасиловал и ограбил жену одного полковника. Было тут и еще несколько белогвардейцев типа Макарова.

На прогулке товарищи обратили внимание на окна с выбитыми стеклами в четвертом этаже, где помещались карцеры. Эти карцеры не отоплялись. Представьте себе камеру карцера с выбитым окном, куда при тридцати-тридцати пяти градусах мороза вихри вают заключенного в одной рубашке.

Прогулки сперва были по сорок минут в день, потом они были доведены до пяти минут, а временами совсем не разрешались.

В двенадцать часов приносили обед; на первое давали «баланды» с гнилой картошкой и тухлой рыбой.. Как только внесут бывало этот суп в нижний этаж так сразу пойдет по камерам такое зловоние, как будто бы кто расшевелил отхожее место... Но, что поделаешь?.. Голод, говорят, не тетка.. Затыкаешь нос а ешь... После супа давалась гречневая затхлая каша.

Вечером опять тот же проклятый суп и кипяток. От истощения люди валились, как мухи.

На воле, конечно, узнали о положении политзаключенных. Организовался нелегальный «Красный крест», которому тов. Мухин, скрывавшийся в то время в городе, отпустил несколько десятков тысяч рублей.

С организацией «Красного креста» жизнь политзаключенных стала немного скрашиваться. Получа

ДВГНБ

ЭР00809

лись передачи — пища и белье. «Красный крест» сумел поставить в качестве коридорных надзирателей в тюрьме наших товарищей, через посредство которых передавались письма и устная информация из тюрьмы на волю и с воли в тюрьму. Некоторые надзиратели с этим делом засыпались и сели в тюрьму вместо с нами. Но, невзирая на это, вновь приходили в тюрьму надзиратели из наших и продолжали свое дело.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Как-то утром мы узнали, что в должность командующего войсками вступил ставленник атамана Семенова — полковник Шемелин... Этого палача долго будут помнить Амур и Забайкалье!.. В тот же день заключенные были лишены всяких свиданий передач и прогулок; тюремную лавку закрыли и, таким образом, исчезла возможность покупать съестные припасы и табак. А без курева в тюрьме — зарез!..

Шемелин разослал по области новые карательные отряды и принялся за разгрузку тюрьмы.

Первой жертвой пал тов. Шадрин, амурский казак — большевик, заместитель председателя облисполкома. Шемелин продиктовал свою волю суду, и суд приговорил тов. Шадрина к расстрелу... Впоследствии выяснилось, что приговоры подписывались за несколько дней до суда...

Накануне, перед комедией суда, к тов. Шадрину зашли в камеру три казачьих офицера и стали его уговаривать подать Шемелину прошение о помилова-

ЭР00809

нии и о назначении его в контр-разведку, с обещани
ем выдать всех большевистских главарей.

Тов. Шадрин вышел из себя, схватил «парашу» закричал на них во все горло:

— Вон, мерзавцы!.. Не сметь заходить в мою ка
меру!..

Офицеры, озадаченные таким приемом, выскочил в коридор, как ошпаренные, а тов. Шадрин бросилс за ними вслед и, топая ногами, кричал:

— Предателя нашли, сволочи!.. Расстреляйте мен но в большевике Шадрине вы не найдете предателя!

Надзиратель растерялся и стоял, как истукан, за быв водворить тов. Шадрина в камеру...

Поступок тов. Шадрина я воспринял как упрек сво ему малодушию. Именно так, думал я, должен вест себя настоящий большевик, поставленный ходом со бытий лицом к лицу с классовым врагом, торжеству ющим свою временную победу...

Перед расстрелом тов. Шадрин написал предсмер ное письмо, в котором клеймил казачество позоро за его подлую предательскую роль в революции. Эт письмо было после перепечатано на гектографе и нескольких тысячах экземпляров распространено п области.

Вслед за Шадриным был расстрелян Шимано ский — инженер-путеец, старый революционер. Трог тельно было его письмо к жене, которая сидела женском корпусе. Кажется, она просидела в тюрьм все время господства белых и только потому, что бы

ЭР00809

а женой Шимановского; других обвинений ей не предъявляли...

Недоедание и моральные потрясения надломили силы заключенных. В тюрьму забрался сыпной тиф и стал валить одного за другим. В одном корпусе оборудовали заразный барак-изолятор, но больные в изоляторе были предоставлены самим себе и почти не получали помощи. Ежедневно по нескольку гробов вывозили на военное кладбище.

Наши силы еще более ослабли в результате пятидневной голодовки, которую объявили в знак протеста все политзаключенные, когда расстреляли тов. Шадрина. Белогвардейские власти всполошились. Вместо рыбной баланды нам стали предлагать в тюрьме мясной суп. Но, несмотря на все просьбы и уговоры тюремной администрации и прокуратуры, мы стойко выдержали пятидневную голодовку.

Когда же кончилась голодовка, администрация тюрьмы, явно издеваясь над политзаключенными, изготовила суп из гнилой рыбы: мол, давали вам мясо — вы не хотели есть, ну так извольте же сейчас кушать гнилую рыбу!... По почину товарищей Зюлькова, Беклемишева и Галинского мы опять все таки отказались принять вонючий суп.

Этими двумя нажимами мы, во-первых, вновь добились разрешения на получение пердач, во-вторых, через день стали нам варить мясной суп; хотя мяса там почти-что не было, но все-таки сама-то жижица была не вонючая. К тому же из «Красного креста»

ЭР00809

стали два раза в неделю получать персональные посылки-передачи. Плохо было тем, у кого не было в городе своих. Посылки «Красного креста» нужно было передавать так, чтобы не заметно было, что они коллективного приготовления; чуть ли не на каждого заключенного нужно было иметь на воле человека, игравшего роль сестры, жены, брата, дяди или отца. Нужна была осторожность, осведомленность, чтобы не навлечь на себя подозрения.

Всем самозванным «женам» из тюрьмы передавали грязное белье. И вот надо было такой «жене» приготовить еду, постирать белье и в следующий день передачи до света стать в очередь у тюрьмы с передачей неизвестному «мужу». Нельзя забыть заслуг неустанных тружениц-женщин, работавших в нелегальном «Красном кресте». Ведь, помимо добровольно взятого на себя тяжелого труда, они подвергали себя риску. Можно было легко попасть в лапы белым палачам, а у них — разговор короткий: плеть, наган, тюрьма, расстрел...

В тюрьму стали пригонять большие партии арестованных крестьян. Тюрьма была переполнена, и для арестованных крестьян оборудовали добавочную тюрьму в солдатской гауптвахте. Одновременно началась усиленная разгрузка тюрьмы.

Мадьяр-красногвардейцев сгоняли в большие партии, ставили где-нибудь во дворе к каменной стене и среди белого дня на глазах у всех расстреливали из пулеметов.

ЭР00809

После таких массовых расстрелов в окна тюрьмы можно было наблюдать, как от казарм, во дворе которых производились расстрелы, тянулись десятки подвод, нагруженных трупами. Их свозили на военное кладбище и сваливали в ямы.

Воске после расстрела тов. Шадрина и Шимановского были расстреляны тов. Караваев — комиссар кавалерии (казак из переселенцев), Тетюник и Сюткин, выведенному с ними вместе на расстрел тов. Яценко удалось бежать.

На расстрел выводили не только из одиночек, но и из общих камер. Если после вечерней проверки закрипят железные коридорные ворота внизу, душа уходит в пятки и каждый думает: не за мной ли пришли палачи?..

Не мало постарались втиснуть в нашу среду и провокаторов. Через две-три одиночки обязательно сидел беляк и обязательно «за большевистские убеждения». Но этим «большевикам» были предоставлены особые привилегии: и личные свидания, и не запирающиеся двери одиночек. Они постоянно бродили у наших камер, угощали папиросами и все время затевали разговоры на политические темы.

В особенности отличался бывший наш комиссар — капитан Лейша. Когда пришли белые и стали освобождать тюрьму, посаженный нами Лейша согласился остаться в тюрьме.

Лейша встречал наших со слезами и упрекал:

— Вот вы посадили меня как сообщника белых, а

ЭР00809

мне и при белых не удалось даже с семьей повидаться...

Все время он старался втереться к нам в доверие и завоевать наше расположение.

Но большевики — народ стреляный, и это ему не удавалось.

В тюрьму стали доходить слухи об успехах партизан.

После основательной трепки японцев большевиками белогвардейская пресса, не знаю — с какой целью, опубликовала, что «под ст. Ледяной отряд наших союзных войск уничтожен большевиками целиком». «Второй отряд под деревней Чудиновой также уничтожен целиком».

Мы читали в газетах такие сообщения и недоумевали: почему это белые открыто признают успехи повстанческой армии; нет ли тут провокации, подвоха? Правда, в газете тут же сообщалось, что армия красных под деревней Павловской разбита и, преследуемая аэропланами союзного командования, отступает в тайгу.

Этим на первых порах белые создавали видимость объективного освещения событий. Позже белогвардейские газетные писаки изощрились в вранье и оперативные сводки помещали в газетах так, что в них трудно было разобраться и установить истинное положение на фронте.

А белый террор против восставшего крестьянства принимал массовый характер: уничтожались целые

ЭР00809

села. Так, погибло село Ивановка, на которое был двинут отряд экспедиционных японских войск...

На горке за Ивановкой были установлены орудия, выпустившие несколько снарядов по селу. Население заметалось в панике. А в это время подошедшая цепь японцев в упор стала расстреливать пытавшихся убежать из села. Вторая цепь японцев начала подряд зажигать дома. Много крестьян, в том числе стариков, женщин и детей, было загнано в общественный хлебозапасный магазин, японцы облили его керосином и зажгли. Люди, корчась в предсмертных муках, задыхаясь от дыма, отчаянным напором проломали крышу, но в это время заработал пулемет, и обезумевшие люди покатились по крыше, кто на землю, а кто обратно в шумящее пламя.

Сельский учитель, видя поголовное избиение, побежал по улице и велел детям собираться в школу. Но бедняга ошибся, полагая, что в школе его и детей пощадят. В школу ворвались неумолимые японцы...

В каких-нибудь полдня от богатого села в 700 дворов осталось не более половины, остальное представляло развалины и пожарище, усеянное обгорелыми трупами.

ПРОВОКАТОР ЛЕЙША

Когда горела Ивановка, пожарище было видно по черному столбу дыма даже из окна моей камеры, несмотря на то, что от города до Ивановки — более сорока километров. Увидя в окно своей одиночки боль-

ЭР00809

мне и при белых не удалось даже с семьей повидаться...

Все время он старался втереться к нам в доверие и завоевать наше расположение.

Но большевики — народ стреляный, и это ему не удавалось.

В тюрьму стали доходить слухи об успехах партизан.

После основательной трепки японцев большевиками белогвардейская пресса, не знаю — с какой целью, опубликовала, что «под ст. Ледяной отряд наших союзных войск уничтожен большевиками целиком». «Второй отряд под деревней Чудиновой также уничтожен целиком».

Мы читали в газетах такие сообщения и недоумевали: почему это белые открыто признают успехи повстанческой армии; нет ли тут провокации, подвоха? Правда, в газете тут же сообщалось, что армия красных под деревней Павловской разбита и, преследуемая аэропланами союзного командования, отступает в тайгу.

Этим на первых порах белые создавали видимость объективного освещения событий. Позже белогвардейские газетные писаки изощрились в вранье и оперативные сводки помещали в газетах так, что в них трудно было разобраться и установить истинное положение на фронте.

А белый террор против восставшего крестьянства принимал массовый характер: уничтожались целые

ЭР00809

села. Так, погибло село Ивановка, на которое был двинут отряд экспедиционных японских войск...

На горке за Ивановкой были установлены орудия, выпустившие несколько снарядов по селу. Население заметалось в панике. А в это время подошедшая цепь японцев в упор стала расстреливать пытавшихся убежать из села. Вторая цепь японцев начала подряд зажигать дома. Много крестьян, в том числе стариков, женщин и детей, было загнано в общественный хлебозапасный магазин, японцы облили его керосином и зажгли. Люди, корчась в предсмертных муках, задыхаясь от дыма, отчаянным напором проломали крышу, но в это время заработал пулемет, и обезумевшие люди покатились по крыше, кто на землю, а кто обратно в шумящее пламя.

Сельский учитель, видя поголовное избиение, побежал по улице и велел детям собираться в школу. Но бедняга ошибся, полагая, что в школе его и детей пощадят. В школу ворвались неумолимые японцы...

В каких-нибудь полдня от богатого села в 700 дворов осталось не более половины, остальное представляло развалины и пожарище, усеянное обгорелыми трупами.

ПРОВОКАТОР ЛЕЙША

Когда горела Ивановка, пожарище было видно по черному столбу дыма даже из окна моей камеры, несмотря на то, что от города до Ивановки — более сорока километров. Увидя в окно своей одиночки боль-

ЭР00809

шой черный столб дыма, я сразу же подумал: семена песчано-озерского съезда всходят; дождались-таки крестьяне японского ситцу и мотауза!..

На следующее утро вся тюрьма уже знала о зверской расправе с Ивановкой, так как в город ночью прибежало много беженцев.

Не прозевал этого момента и провокатор Лейша, он подбежал к волчку моей одиночки и пустился разыгрывать возмущение.

— Слыхали про Ивановку?

— Слыхал.

— Вот гады, вот кровопийцы! Ну, и сволочи... Погодите, я вам смертные приговоры буду подписывать своей кровью!..

— Кому это? — спросил я.

— Как кому? — Душителям свободы...

— Брось, Лейша, брызгаться! Мы не маленькие... А не по милости ли вот таких провокаторов, как ты, утопает трудовой народ в крови?..

— Ты что, ты что, тов. Вшивков? — отмахиваясь руками, как от ос, залепетал Лейша. — Не ожидал я от тебя... Неужели и ты меня считаешь за чужого?!

— Да, считаю... Считаю тебя за гнусного предателя!..

На прогулке Лейша со слезами на глазах бросался от одного товарища к другому, жалуясь, что я его морально добил, назвав провокатором. Он унижался, пресмыкался, заискивал:

— Я теперь всеми отверженный, я не перенесу.

ЭР00809

Скажите, товарищи, неужели же и вы считаете меня провокатором?

На некоторых слабеньких он повлиял. Стали говорить: «смотри, парень плачет, может быть, он и на самом деле не виноват?»

— Крокодиловы это слезы, — заметил я...

Вскоре к Лейше в одиночку стали приходить офицеры и юнкера. А дней через пять Лейшу освободили. Когда он проходил по коридору, я крикнул ему в волчок:

— Что, пошел?

— Да, пошел... Провокаторов выпускают, — ответил Лейша.

Через несколько дней Лейша заявился к нам в полном снаряжении: с шашкой, револьвером, с малиновыми лампасами и новенькими капитанскими погонами. Первым долгом открыл волчок моей одиночки, вынул револьвер и наставил на меня.

— Ну, прощайся с жизнью...

Внутри у меня все похолодело, но я все же крикнул:

— Стреляй, вампир...

— Нет, сразу убить тебя — мало, — спокойно сказал Лейша и, захлопнув волчок, пошел заглядывать во все камеры.

КОМЕДИЯ СУДА

Ко мне в одиночку перевели тов. Шелковникова-Гул. Шелковников по профессии был борец-чемпион

ДВГНБ

ЭР00809

и специалист по поднятию тяжестей. Он смешил меня рассказами о том, как он организовал странствующую труппу «чемпионов мира-борцов» из кухарок и прачек, которые в действительности и трех пудов не могли поднять, а выступали на подмостках под такими громкими именами (как «непобежденная итальянская королева железа — мисс Полли Сарно» и т. п. А эта мисс Полли Сарно еще вчера торговала пирожками на толкучке.

Не мало поддерживал меня морально тов. Шелковников.

Заметя иной раз мое отчаяние, он принимался ободрять меня:

— Не унывай, товарищек, знай, что если умрешь за свободу, то это почетная смерть. Ну, что хорошего в том, что если бы ты был в деревне, поехал по дрова и тебя задавило бы возом или бревном? Здесь же ты погибнешь, как герой. Не должна пугать такая смерть.

Я слушал Шелковникова и мысленно соглашался с ним. Становилось легче...

Вскоре белые разыграли очередную комедию — суд над Урядниковым

Сначала он возражал против состава суда на том основании, что его — полковника генерального штаба — может судить только суд, назначенный верховной властью, но потом махнул рукой и не стал возражать.

Когда ему предоставлено было последнее слово, он

ЭР00809

заявил, что не хочет играть в комедии, и говорить не пожелал. Его приговорили к расстрелу.

Вся тюрьма с напряжением ожидала приговора. Урядникова все время избегали, считая его провокатором, но, как оказалось, бедный товарищ ни за что терпел общественный бойкот.

Часов в восемь вечера мы все услышали ружейную перепалку. Сразу догадались: Урядников побежал... Но тут же затеплилось сомнение: а не демонстрация ли все это?.. Но пришедший на утро надзиратель передал, что Урядникова действительно вели на расстрел, но осужденный не сплоховал: заколол винтовкой конвоиров, а сам убежал, и его не поймали...

В один из мартовских дней политзаключенные получили печальное известие из города, что Мухин пойман контр-разведкой на конспиративной квартире у сторожихи школы имени «Отечественной войны». Сперва не верили, думали: просто белые хотят поиграть на нервах большевиков. Но оказалось верно. Мухина судили немедленно после поимки, и в тот же день чрезвычайное заседание военно-полевого суда приговорило его к расстрелу.

Палачи боялись, чтоб его не отбили революционные массы, и торопились с ним покончить. Как только Мухина вывели из суда, его тут же на улице застрелили, якобы, при попытке к побегу.

В знак траура и в знак протеста все политзаключенные опять объявили семидневную голодовку.

Вскоре объявили и Коле Шелковникову день суда.

ЭР00809

Он очень страдал эти дни. Действительно, надо было иметь железные нервы, чтобы выдержать эту пытку ожидания.

В ночь перед судом мы долго не спали, рассуждая о ходе политических событий. Шелковников, конечно, не ожидал для себя никакого снисхождения со стороны суда. Он определенно готовился к расстрелу. Кое-что завещал мне выполнить после его смерти.

Эту ночь мы спали не больше двух-трех часов.

На следующий день, часов в одиннадцать утра, Шелковникова вызвали в контору тюрьмы для отправки на суд. Горячо поцеловавшись со мной, Коля, видимо, подавляя душившие его слезы, глухо сказал:

— Прощай, браток...

— Прощай, Коля...

Он еще раз крепко меня поцеловал и быстро вышел из одиночки. От меня Шелковников зашел еще проститься к своему дяде, инженеру Белину, который сидел в 37-й одиночке.

Прошел томительный день. Наступил вечер. Я с нетерпением ждал и прислушивался, когда Шелковникова приведут из суда. Но вот железные ворота коридора скрипнули, и в нижнем этаже раздался мощный голос Коли. Слышу, поднимается по лестнице. Сердце радостно затрепетало: неужели заменили каторгой, неужели не расстрел!?. В это время донесся ответ Коли на вопрос одного товарища из одиночки: оправдали!.. Дверь одиночки отворилась, и Коля — улыбающийся, сияющий — обнял меня:

ЭР00809

— Ну, дружок, поздравляй — оправдали!..

Прошел день, другой, а Колю Шелковникова на ободу все еще не выпускают. Во время проверки он просил старшего надзирателя:

— Почему меня не освобождают?

Надзиратель пожал плечами:

— Не знаю. Наверно, еще не пришли документы...

Коля передал надзирателю приготовленное заранее явление начальнику тюрьмы, в котором писал, что о «закону военно-полевого суда приговор к высшей ере наказания производится в двадцать четыре часа, оправданный подсудимый, судившийся по тому же акону, подлежит освобождению в сорок восемь часов. Так как моему пребыванию в тюрьме после приговора прошло пятьдесят два часа, прошу меня выпустить».

Мы долго после поверки сидели с ним и строили азные догадки о задержке его освобождения, не редчувствуя, что над нами нависла грозная туча.

МАССОВЫЙ РАСТРЕЛ И МОЙ ПОБЕГ

26 марта 1919 г., часов, приблизительно, в девять, нижнем коридоре заскрипели железные ворота и однялся шум.

— Ну, думаем, опять за чьей-то душой пожаловали.

Мы припали к волчку и, вдруг, слышим — вызывают:

— Семенченко первый, выходи!..

ЭР00809

— Семенченко второй, выходи!..

— Поспелов, Шумилов — выходи!..

Идут к нам на третий этаж, кричат:

— Вшивков, выходи!..

Спешно натягиваю на себя брюки, надергиваю б портянок сапоги.

— Как, тепло одеваться? — спрашиваю.

— Да, одевайтесь потеплее. — говорит старш надзиратель.

Надеваю шапку, полушубок. Кручусь в замеш тельстве по камере. Соображаю: чего же мне ещ надо?

— Да... Ведь на смерть ведут... Бросаюсь на ше Шелковникову, а тот, бедняга, стоит, не двигаясь, к вкопанный.

— Ну, прощай, браток!..

В это время подскакивает к двери одиночки п мощник начальника тюрьмы Хацеулин:

— Шелковников, выходи!..

Что такое?! Блеснула мысль, что Шелковников о равдан судом и, быть может, еще напрасная тревога

Всех нас согнали в коридор нижнего этажа и п строили в две шеренги. Хацеулин стал записывать м стожительство, семейное положение и пр. Опять мел кнула мысль: расстрел, иначе для чего им нужны эт сведения?

В коридоре собралось нас семнадцать человек: дв брата Семенченко, Мельниченко, А. Чумак, Е. Феди Н. Поспелов, Шумилов, Шемякин, Шестопалов, Л. М

ЭР00809

елин, Н. Воробьев, Константчук, Хабаров, Я. Г. Шапир, В. В. Повелихин, Шелковников и я. К нам привели из общих камер еще тов. Петра Зубок.

Потом выяснилось, что в списке назначенных к расстрелу без суда были еще Бутин, Прижбыляк, Маренов и другие, но все они были больны тифом и находились в заразном корпусе.

Нас окружили кольцом конвоя из тюремных надзирателей. Все страшно нервничали, строили разные догадки. Лихорадочно затягивались по очереди двумя измятыми сигаретками дедушки Шафира.

Но вот подали команду: шагом арш! и нас повели.

Тюрьма загудела десятками голосов:

— Прощайте, товарищи! Прощайте, дорогие!..

Нас всех завели в комнату свиданий, которая была полна японских солдат и офицеров, и поставили к стенке попарно. Японцы стали вынимать из карманов шинелей тонкие китайские бечевки и разрезать их на куски. Все увидели, что затевается что-то кошмарное.

Коля Шелковников говорит мне:

— Кажется, нам крышка. Жаль и тебя, браток, но я пойду к дяде, буду помирать вместе со стариком.

Японцы стали связывать нам руки назад и потом еще попарно друг с другом за локти рук.

Ко мне подошел Повелихин и сказал:

— Давай, Вшивков, свяжемся с тобой.

— Давай, — согласился я...

Подходит солдат-японец. Начинает связывать нам руки, а у самого по лицу бегут крупные слезы.

ЭР00809

Повелихин, полуобернувшись к японцу, спраш
вает:

— Что, мистер, капут?

Тот утвердительно кивнул головой.

Перетянутые веревкой руки немедленно вызва
сверлящую боль.

Повелихин, впиваясь глазами в расхаживающего
папироской в зубах начальника тюрьмы Турецкого,
исступлении крикнул:

— У, варвары!..

Но до Турецкого выкрик Повелихина как буд
не дошел.

Шелковников спокойно спросил:

— Начальник, ведь, я по суду оправдан...

— Я ничего не знаю; мне контр-разведка прик
зала.

Тут вмешался японский полковник:

— Ви, коспода, шыто волнуися? Ви думай, шыт
ваша буди релять?!. Нет! Дело вот в чем. Ваши кра
ны армия взяли плену наши семнадцать офицеру; та
вот ми качестве залозника поведем вас Сахаляну.
ви писи красны письмо, стобы насу офицеру не р
ляй. Если нашу офицеру реляй, ми вас тозе буд
реляй.

— А как, полковник, мы можем передать красны
письмо? — задаем мы ему вопрос.

— О, ни писпокойсь! Наша разведка буди письм
бросай дорога, бурсувику находи, штабу щитай...

Японцы своеобразно проявляли свою вежливост

ЭР00809

ли нас «угощали» — втыкали в рот то конфету, то гарету. Мы и то и другое выплевывали.

Японские и русские офицеры осмотрели, крепко нас связали солдаты, и подали команду выходить. Под сводами тюремных ворот нас окружил конвой. Кроме того, к каждой паре подошел японец и каждый из них взялся за веревочку, связывающую с друг с другом за локти.

Когда мы проходили в ворота, по бокам стояли ядовые надзиратели с женами и детьми и печальными глазами смотрели на нас. Некоторые, оглядываясь о сторонам, чтобы не услышал кто-нибудь из русских палачей, говорили:

— Прощайте, товарищи...

— Прощайте, — отвечали мы.

За воротами нас остановили. Была темная ночь. ул резкий ветер со снегом. Генерал Ямада, взобравшись на блиндаж, сделанный из кулей с песком около орот тюрьмы, обратился к японцам-солдатам с речью. отя мы слов не понимали, но по тону речи можно ыло понять, что «бурсувика» — злостные враги человечества.

Сдвинув до крайности интервал, нас повели в темоту ночи. Конвойные все время держали ружья наизготовку, штыками в бока. Итти было трудно, мы жеминутно наступали друг другу на ноги. Если чуть риотстанешь, — увесистый удар в спину подгоняет перед. Мы, скорее не шли, а топтались, как стадо баранов, окруженное голодными волками.

ЭР00809

Сперва повели по направлению в город.

Впереди шли, освещая дорогу электрическим ф нарем, русские офицеры — Файбушевич и князь Чесу От сада городской больницы нас повели влево по н правлению к военному кладбищу. У ворот городско больницы видны были три-четыре человеческих ф гуры. Кто-то из связанных громко выкрикнул:

— Люди добрые, знайте: нас повели убивать!..

Послышался удар прикладом, но удары уже нико го не страшили. Мы стали перекликаться друг с дру гом.

— Вот тебе и Сахалян...

— Трусы проклятые, даже правду сказать боятся.

Файбушевич и Чесуа, поигрывая карабинками, при сматриваются, освещая фонарем наши лица.

Идем все так же, путаясь друг у друга в ногах. О холода и от страха зуб на зуб не может попасть.

Повелихин полушопотом говорит:

— Давай дернем веревку, авось, порвем, а сами — в стороны.

Я не согласился; все равно из этого ничего не вы шло бы, так как при сильном рывке каждый из нас напоролся бы на штык, который все время щекотал бок. К тому же руки связаны: упадешь — не подымешься, — приколют...

Вот и могила. Какая-то яма большая, со входом; по бокам набросана свежая земля. Впоследствии я узнал, что это была старая печь для обжигания кирпича.

— Становись на колени, нагибай головы.

ЭР00809

Опустились на колени в снег, нагнули головы.

На шею лег холодный, как лед, штык-тесак.

— Видимо, гады будут рубить, чтобы меньше бы-
о шуму, — мелькнуло в голове.

Японские и русские офицеры с электрическими
онарями осматривают могилу.

Дедушка Шафир бормочет:

— Какой произвол, какой произвол! Даже не да-
и с семьей проститься...

Слышно, как он всхлипывает.

Файбушевич кричит:

— Семенченко первый!

— Я! — отвечает тот.

— Тебе штабс-капитан Стремилов почтение пере-
авал.

— Этот тот подлец, которому я жизнь сохра-
ил... — увесистым матом заканчивает свое негодова-
ие Семенченко...

Я двигаю мускулатурой плеч, чтобы не так чувст-
овалась боль в затекших руках, а мысль лихорадоч-
о работает. Почему-то с быстротой кинематографи-
еской ленты замелькали давно забытые дни детства.
Вот с отцом на пашне, вот на школьной скамье, вот
на охоте, вот на свадебной вечеринке, вот на фронте,
и т. д. Словом, в эти две-три минуты мысленно прош-
ло перед глазами почти все прожитое в тридцать три
года...

Передние пары уже стали раздевать и заводить в
могилу. Я все время кручу руками. Вдруг правая рука

ЭР00809

указательным пальцем надавливает на веревочку, и т
немного сдает. Начинаю со всей силы работать пал
цем. Веревочка сдает и сдает. Чувствую облегчени
тороплюсь. Потянул с усилием руки и, о, радость!
веревка развязалась. На мне полушубок в накидку
Японец, стоящий тоже на коленях и держащий нас з
веревочку, не видит из-за полушубка, что я развязал
ся. В первый момент я растерялся, сердце быстро за
билось. Что делать? Вдруг вспомнил. Нагибаюсь на
зад, как будто от боли. Ой-е-е! А в это время правой
рукой достаю у левого локтя веревочку, которой мы
связаны с Повелихиным.

Из могилы доносятся жуткие крики и стоны това
рищей. Японские офицеры держат шашки наголо
один из них водит в могилу. Только успел я развя-
зать вторую веревочку, не шепнул еще Повелихину,
что мы развязаны, как послышалась команда: ходи!..
Смотрю — японский офицер стоит в одном-двух ша-
гах от меня с шашкой наголо.

Затрепетало все внутри...

Медленно поднимаюсь на ноги. Сжимаюсь весь в
упругий комок. Глазами прикидываю расстояние.

Вмиг сбрасываю с себя полушубок на конвоира,
стоящего с правой стороны, и в этот же миг изо всех
сил ударяю головой в живот японского офицера. Он
падает на землю, а шашка со звоном летит в сторону.
Прыжок, два, и я уже за кольцом цепи.

Залопотали, закричали японцы; затрещали десят-
ки выстрелов. Пули одна за другой режут воздух во-

ЭР00809

руг моей головы, но я все бегу и бегу вперед. Вдруг адаю в какую-то яму, занесенную снегом. Сильно шибся грудью. Чувствую в колене и на левой ладони ильную боль. Выкарабкиваюсь из ямы и мчусь даль-ше. Японские солдаты летят на мое место в яму, толь-ко винтовки забрякали. Задыхаюсь, ноги парализует, е могу бежать. От могилы доносится неясный шум и еспорядочная стрельба. За мной бегут человек десять понцев и тоже стреляют: бах, бах, бах! Их пули воим свистом подгоняют меня. Мысленно подбадри-аю себя: беги, беги, ведь, это один случай из ты-ячи...

Но бежать нет сил: легкие и ноги забастовали. Спотыкаюсь, падаю, ползу на четвереньках. А тут еще подворачивается подметка, которая оторвалась, когда я полетел в яму, и теперь мешает мне бежать. А япон-цы не отстают: отбегу немного, — потеряют меня из виду, пойду шагом, — опять увидят и вслед:

— Бах-бах-бах!..

Я опять бегу. Но силы оставляют. Ноги подкаши-ваются, дух захватывает. Перед глазами заходили зе-леные и красные круги. Я упал без чувств... От при-косновения к холодному снегу пришел в себя, погло-тал снегу — вздохнул, набрал полные легкие воздуху. Глянул, а японцы в нескольких шагах от меня. Идут цепью, ружья на-перевес. Вскакивать поздно, — вса-дят пулю без промаха. Зарываюсь в снег, лежу.

Шаги приближаются, скрипит снег. За воротник посыпалась снежная пыль. Я умер заживо... Но, что

ЭР00809

такое?.. Прислушиваюсь, шаги удаляются. Тихонько повернул голову в снегу, вижу — удаляются японцы.

Раздумывать некогда. Бросаюсь в сторону. Вижу в отдалении какую-то постройку. Подошел ближе — летний барак китайцев-огородников.

Осмотревшись и выждав некоторое время, я убедился, что в бараке никто не живет. Вдруг сильно закружилась голова. Молнией мелькнула мысль, что я истекаю кровью...

В направлении к городу послышалась частая стрельба. Как я узнал потом, стреляли по тов. Зубок, который тоже развязался и бросился бежать в город. Тов. Зубок благополучно добежал до дворов Загородной улицы. Здесь наткнулся на встречный японский патруль, бросился перелезать через забор, и тут ему пулей прострелили руку. Он повис на гвоздях забора и был подхвачен несколькими штыками подоспевшего японского дозора.

Еще не смолкли выстрелы около Загородной улицы, как вновь вспыхнула перестрелка и послышались крики японцев около могилы и к северу от нее. По-видимому, конный разъезд японцев посчитал конвой за красных и открыл по нему огонь. По всей площади около могилы была слышна перекличка, изредка раздавались выстрелы. Саженях в двадцати мимо меня проскакал конный разъезд по направлению к Китайской слободке, повидимому тоже искать меня. Потом все затихло.

Я оторвал обе половины кальсон и забинтовал се-

ЭР00809

е раны. Подвязал подметку. В это время около мо-
илы опять послышалось несколько выстрелов и раз-
ались предсмертные крики моих товарищей. Я точно
ьдом подернулся при этих криках.

Отчетливо донесся гневный голос тов. Воробьева:

— Стреляйте, гады, идеи не...

Крики постепенно затихали.. Наконец, воцарилась
робовая тишина. Только зловещие огоньки офицер-
ких фонарей мелькали в темноте, указывая место
огилы...

Что делать, куда итти? Ведь я в одной нательной
убашке. Руки мои уже закоченели. Что будет? В го-
од итти нельзя, сразу же будешь задержан. Решил
тти в поле: если и погибну, то не от рук палачей.

Направился через военное стрельбище к Игнашин-
кой дороге. Снег, подернувшийся настом, сильно за-
рудняет ходьбу. Глубоко проваливаюсь на каждом
агу.

Вышел на Игнашинскую дорогу. Огляделся. Боюсь
апороться на заставу или разъезд. Прислушиваюсь.
Ветер с мелким снежком хлещет в лицо. Двинулся в
уть. Пошли, замелькали дубовые кустарники. От до-
оги в сторону пошла какая-то канава. Ветер местами
дул снежный покров. Делаю прыжки по плешинам
емли, чтобы скрыть свои следы. Предварительно об-
ожил руку снегом, так как с нее сквозь повязку про-
бивалась и стекала каплями кровь. Пошел по откосам
колмов. Город со своими сотнями электрических фо-
арей все еще продолжает оставаться на виду.

ЭР00809

К полночи добрался до Ново-Троицкой дороги. Остановился в раздумье: что делать? Если пойти в деревню Астрахановку, надо переходить линию железной дороги, которая усиленно охраняется. Взять выше Астрахановки, перейти через линию и реку Зею и пойти в деревню Владимировку — тоже рискованно.

Решил итти до деревни Ново-Троицкой, хотя до нее от города около тридцати километров, а от того места, где я вышел на дорогу — километров двадцать.

Я чувствовал, что мне не уйти далеко. Я окончательно замерзал. А мороз все крепчал и крепчал. Было не меньше тридцати градусов по Цельсию.

Двинулся по дороге в надежде, что, быть может, кто-нибудь будет ехать в город и подвезет...

В КОРЕЙСКОЙ ФАНЗЕ

Взошла утренняя зарница. Мороз заметно усилился. Чувствую, что скоро мне капут. Подметка развязалась, и я иду по снегу голой ногой, так как носок быстро изорвался. Да и в целом сапоге не теплее. О верхней части тела говорить не приходится. Руки — как ледяшки: ни боли, ни осязания, ни движений. В легких — острая, режущая боль. Руки у меня сложены высоко на груди. Согнув голову, я стараюсь дышать на грудь, но это не помогает. Чувствую, что начинаю задыхаться. Дышу часто-часто, но воздуху почему-то набрать не могу.

Вскоре мною овладела приятная истома. Боль в теле стала затихать. Клонило ко сну. Появилось же-

ЭР00809

лание лечь и отдохнуть. Но сознание подсказывает, что делать этого нельзя. Тру грудь еще живыми локтями. Вот-вот упаду.

И вдруг — запах дыма. Прошел немного — нет. Воротился обратно — опять чудится дым. Встрепенулся. Будто и сил прибавилось. Сворачиваю с дороги по запаху дыма. Всматриваюсь. Что-то чернеет в распадке. Вспомнил: корейские заимки...

Залаяли собаки, бросились ко мне, обступили, рвут за ноги.

Вышел кореец, закричал на собак.

— Спаси, милый человек, погибаю! — взмолился я.

Кореец, увидев меня, замахал в испуге руками:

— Ходи, ходи... казака!..

Кореец заскочил в фанзу и затворил за собою дверь.

Из последних сил я дотащился до фанзы и повалялся на завалинку.

Раза два или три хватила меня за ноги собака, но я даже не сопротивлялся.

Я думал, что же такое он говорит: казаки. Если бы это были казаки, то у них, конечно, стоял бы пост, да к тому же при таком содоме, какой подняли собаки, давно бы кто-нибудь из них выскочил на улицу.

Я собрал последние силы, подтянулся на локтях к окну и стал упрашивать хозяина:

— Будь добр, я замерзаю... Пожалей, милый человек. У меня маленький парнишка есть... Не бойся, я один...

ЭР00809

Пред могилой сурово и стойко смотрел в лицо смерти и ни одна слеза не навернулась на глаза. Так все товарищи, кроме дедушки Шафира, держались как истинные революционеры. А здесь вот не выдержал: заплакал навзрыд.

Вышла кореянка:

— Тебе чего?

Я показал ей руки:

— Пропал... Японцы стреляли, — убежал я...

Кореянка осмелела. Подошла ближе ко мне, пощупала руки и с жаром что-то залопотала, обращаясь к мужу. Тогда и тот выскочил. Подхватили они меня под руки и ввели в фанзу.

Как только меня обдало теплом, я упал без чувств, и что происходило со мной после — я не знаю.

На следующее утро, часов в восемь, меня разбудил кореец.

Я проснулся. Вижу, солнце уже высоко. Лежу я за каким-то ящиком около стены, завален лохмотьями и совершенно нагой. Хочу скорей одеться. Вот и рубаха, хочу взять ее, а руки не слушаются. Мороз подрал по коже:

— Неужели обморозился?!

Смотрю на руки — никаких признаков. В чем дело? Почему-то пальцы ничего не могут взять?.. В груди какое-то стеснение, тело горит, как в огне. Неужели заболел? Не похоже что-то. Опять пытаюсь одеть рубаху, но ничего не выходит.

С улицы в фанзу вошла кореянка. Увидя, что я

ЭР00809

проснулся и мучаюсь с рубахой, подошла ко мне. Не стесняясь моей наготы, пособила мне одеться.

Вскоре вошел в фанзу старик-кореец, повидимому, отец семейства. Поглядел на отлетевшую подметку моего сапога, покачал головой, что-то пробормотал и вышел на улицу.

С улицы он принес пару лосиных унтов и предложил мне обуть их. Я несказанно рад был этим унтам.

В унты положили соломенные стельки, завернули мне ноги в теплые портянки, и кореянка с корейцем натянули мне их на ноги.

Теперь стал вопрос: во что же одеться? Корейцы были бедняки, и ничего лишнего из одежды у них не имелось. Опять старик-кореец вышел на улицу и принес мне старое коротенькое пальтишко, у которого не было одной полы и обоих рукавов. Кореянка сняла с себя стеганую кофточку, разрезала ее вдоль спины, натянула на меня рукава, разрезы спереди и сзади стянула нитками и надела поверх описанный мною «тришкин кафтан». Затем обернула меня джутовым кулем и подпоясала веревочкой.

Как я выглядел в этом нищенском убранстве — легко себе представить.

Выпив на скорую руку чашку горячего чая, я поспешил скорее уйти. Кореянка привязала мне к поясу завязанную в платочек еду, дала махорки, бумажки, спичек.

Поблагодарив моих спасителей, я зашагал в горы, покрытые дубовым кустарником.

ЭР00809

Ветер был опять навстречу и очень резкий. Вскоре я сильно продрог; в особенности замерзли руки, так как я был без рукавиц.

Я подошел к стогу. С трудом надергал локтями немного сена. Но как ни бился, не мог зажечь спичку: пальцы настолько онемели, что не могли удержать коробочку со спичками. Пришлось оставить заманчивую мысль погреться у костра.

Пробившись кое-как в сопках до сумерек, я неспеша направился к Ново-Троицкой. До села оставалось всего километра два. Я спустился с дороги и пошел по ней, держась окраины. Думаю: если увижу разъезд или что-нибудь подозрительное, то смогу быстро спрятаться в кусты.

От корейских заимок до Ново-Троицкой по дороге — не более десяти километров, но я по сопкам сделал не менее тридцати километров по глубокому снегу. Я так устал, что еле-еле тащился, напрягая последние силы.

Вот уже слышен лай собак. Замелькали огоньки в окнах. Я дошел до небольшого мостика. До крайнего дома — рукой подать. Вдруг радужные цветистые огни застлали мне глаза, и я упал без чувств на дорогу... Когда я пришел в себя, луна светила мне в лицо. В деревне стояла полная тишина и не видно было ни одного огонька.

Сделал попытку подняться на ноги — не могу двинуть ни ногой, ни рукой. Видно сильно окоченел, ле-

ЭР00809

а в обмороке. С большим усилием встал на четве-
еньки и подполз к стоящей около дороги березке.
тал обнимать ее локтями, пытаясь подняться. Кое-
ак встал на ноги. Вот-вот упаду снова и снова поте-
яю сознание Походил немного вокруг березки, по-
азмял ноги и, выделывая кренделя, как пьяный, стал
едленно двигаться вперед. Если б кто-нибудь посмо-
рел со стороны, то непременно заключил бы:

— Ну, и налимонился!..

Да, действительно, хватил белогвардейской «горь-
кой»...

Кое-как добрался до первого домика. Будь что бу-
дет! Смело постучал в окно.

— Кто там? — глухо донесся голос из избы.

— Хозяин, будь добр, выйди на минутку на улицу.

Хозяин быстро вышел на двор. Но в это время я увидел во дворе штук двадцать лошадей, закоржавев-ших от инея. Что, если это казаки!.. Мелькнула мысль — поскорее уйти, но хозяин уже подошел ко мне.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте, — ответил хозяин.

— Пусти, милый человек, переночевать.

— Да у меня, земляк, негде; полна изба народу. Иди на постоялый.

— Голубчик, я не дойду, упаду...

Хозяин внимательно окинул меня взглядом, потом спросил:

— Больной, что ли?

ЭР00809

— Да, голубчик, больной!.. А это какие у вас ... шади во дворе?

— Это егорьевских... В город едут.

Фу-у, гора свалилась с плеч! Ну, облегченно д... маю, я спасен.

— Дорогой мой, меня все егорьевские знают, п... сти пожалуйста. Не могу я дольше стоять на нога... упаду сейчас.

— Ну, что ж, заходи, — согласился хозяин.

Я вошел в избу. От теплоты сразу же бросило ... истому. Поспешил опуститься на пол возле порог... Хозяин в другой половине зажег свечу и вышел с не... в переднюю половину. Я уже полулежал и оттирал с... бе руки.

Хозяин спросил:

— Обморозился?

— Не знаю; все горит, все болит, руки не слуша... ются...

Проснулись лежащие на соломе егорьевские кр... стьяне. Я попросил свернуть мне закурить. Мне завер... нули «собачью ножку». Повидимому, все учли сраз... же серьезность моего положения, так как никто и... крестьян даже не промолвил слова.

Подавший мне папироску крестьянин был мне не... много сродни. Зажигая перед моим лицом спичку дл... закурки, он пристально взглянул на меня.

— Да еще и человек-то, кажется, знакомый, — проговорил он. — Где это я видел вас в последний раз?

ЭР00809

Я сказал ему:

— На Офицерской, номер пятнадцатый.

— Прокопий!? Неужели это ты?!.

— Да, я...

— Что с тобой? Тебя выпустили из тюрьмы?..

— Да, выпустили.

— Ну, вот и слава богу! И за что только постра- человек!..

Тут уж все егорьевцы узнали меня и наперебой на- ли выражать мне свое соболезнование. Хозяин и шедшая к этому времени хозяйка окружили меня им вниманием. Дали мне напиться молока. Хозяй- засуетилась с самоваром.

Егорьевцы спрашивали:

— Ну, как теперь: к себе в село или еще куда?

— Нет, мне в село нельзя.

— Почему?

Видя общее сочувствие, я коротко рассказал свои следние переживания. Все были потрясены. Только слышно было по адресу беляков: «гады, крово- йцы!»

Советовали мне быть осторожней, так как везде ряды белых и японцев.

Выпив чашку горячего чая и съев два яйца в смят- , я был поднят на руках на теплую русскую печь, де в тот же момент уснул мертвым сном.

Часа в три ночи егорьевцы стали собираться в го- од. Все говорили шопотом, ходили на цыпочках, тараясь не нарушать мой сон. Но я уже проснулся.

ДВГНБ

ЭР00809

Чувствовал себя бодро и лежал, набирая сил: кто ет, сколько еще придется скитаться по сопкам?

Слышу, егорьевцы говорят хозяину:

— Вот, передай... И от меня... И от меня еще.

Через несколько минут заскрипели отъезжа воза.

Проводив их, хозяин зашел в избу.

Я спросил, сколько времени.

— Лежи, лежи, милый человек, отдыхай, — уг ривал меня хозяин, но я уже спустился с печи...

— Нет, надо итти. Надо пробираться в более хие места, да и вам опасно...

— Да, что ты, дорогой! Ведь тебя здесь никто знает. На день устроим постель в подполье, перед ешь, отдохнешь хорошенько, а в ночку и пошага себе дальше!..

Но я все-таки стал собираться. Хозяин дал двести сорок рублей, оставленные егорьевцами, и поил чаем.

Я чувствовал себя хорошо отдохнувшим, спос ным продолжать путь.

Когда я стал облачаться в свои лохмотья, хозя остановил меня и приказал жене принести полу бок.

Хозяйка вернулась с хорошим черненым по шубком. Хозяин и хозяйка помогли мне облачить Дали мне рукавицы, наложили в мешок хлеба, сал масла. Я горячо поблагодарил их и вышел на ули

С виду я был похож теперь на крестьянина, и

ЭР00809

по своим делам в другое село. Одно плохо: не никакой бумажки, удостоверяющей мою лич-, а по тому времени это было необходимо.
о дороге к Егорьевке стоит Лукинский стекользавод, который я решил обойти стороной.
нек выдался хороший. Солнышко грело по-ве-му. Часам к десяти утра по хорошей дороге я прошел километров двадцать пять. Дойдя до а, который впадает в речку около стекольного а, я решил свернуть в сопки и по ним дойти до евки.
еста здесь я знал хорошо.
олько свернул с дороги и отошел метров шесть-, как вдруг наткнулся на семь трупов. Судя по шкам и брюкам защитного цвета, то были расянные красногвардейцы. Трупы почти разложи-Очевидно, эти товарищи были убиты еще осенью.
стал долго разглядывать, поспешил в кусты.
оры пошли крутые, высокие. Приходилось часто ь перевалы из долины в долину.
Егорьевке я подошел уже в сумерках и осто-о пробрался к крайней избушке, где жил мой то-ц. Его жена меня не узнала, но когда зашел то-ц, то он сразу же узнал во мне своего друга дет-Немного побеседовали, покурили. Потом я по-хозяина на улицу и рассказал ему все.
ту же ночь мы с ним выехали в сопки.
бивез он меня в зимовье к дроворубам, которых человек пять, — все знакомые с детства. Здесь

ЭР00809

я мог свободно отдыхать, не боясь быть схвачен палачами. Можно было надеяться, что никто меня предаст. Я боялся только того, что по неопытно не замышляя ничего худого, они могут проболтат и мое местопребывание станет известно белым.

Через несколько дней дроворубы ушли. Я ост в землянке один. Подумав — решил, что из этой лянки надо уйти в другое место. Походив дня два сопкам, нашел в одном очень уединенном месте в су старую землянку. Она была ветхая, зато сул спокойное пребывание в ней. Я взял продовольст и котелок, оставленные мне дроворубами, и перебр ся на новоселье...

Наступили теплые дни. Снег стал быстро таят багульники — развертывать пурпуровые цветочки. по ночам еще стояли крепкие морозы.

Дней десять прожил я в этом своем убежище, капливая силы. Но здоровье восстанавливалось

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Когда совсем потеплело, я направился через со в деревню Прядченку, к одному из своих родствен ков.

По приходе в Прядченку застал своего бывш односельца и родственника Ивана Кушнарева. Он же был партизаном в первое восстание и сейчас ходился на нелегальном положении и, как только являлся японский или белогвардейский отряд, — вал стрекоча» в сопки.

ЭР00809

Когда я зашел к Кушнареву, он и его жена страш-
удивились.

— Ты? Какими судьбами!.. Здесь слух прошел, что
я расстреляли?!.

— Вот и прекрасно, если так. Тем лучше...

Кушнарев рассказал мне, что у них в деревне есть
е один беглец из благовещенской тюрьмы. Я стал
спрашивать — кто этот человек, какой он из себя
. д.

Кушнарев, сообщил, что этот человек живет у со-
да и сейчас копает колодезь.

Я сильно заинтересовался. Судя по описанию Куш-
рева, неизвестный не был похож ни на одного из
жавших товарищей.

Я спросил:

— А он к тебе часто ходит?

— Да, — говорит, — ходит.

— Ох, смотри, брат, не провокатор ли!.. Во всяком
учае надо это узнать... Вот что, — предложил я, —
гда стемнеет, позови его сюда. Я лягу на койку и
кроюсь одеялом. Если это будет незнакомый, я с
йки не встану. а ты сам его спроси, как он убежал
тюрьмы, в какой камере сидел и т. д. Если он бу-
т врать или вообще покажется подозрительным, я
мычу, как будто сквозь сон. Ты тогда буди меня и
едложи мне выпить за компанию. А ему объясни,
о я зашел заночевать, а иду в Прядченку искать
ерянную лошадь. Постарайся, чтобы в это время ни-
ого из посторонних не было в доме. Да и вам, тетка

ЭР00809

Марья, с детьми на время придется уйти к соседям, – обратился я к жене Кушнарева.

— А почему?

Но ее перебил муж:

– - Не твое дело! Как только он придет, ты пода закусить, а сама с девчонками уходи.

Я растолковал, какую громадную опасность може представлять этот неизвестный человек для всех уча стников революционного движения.

Мы порешили в крайнем случае вывести эту зага дочную личность в кусты и... «послать с депешей на луну».

Часов в семь вечера я осмотрел добытый мною на ган, захватил с собой большой женский платок (в слу чае чего — заткнуть глотку), завалился на койку по одеяло, а Кушнарев, немного помешкав, задернул на окнах занавески и сказал, что пойдет приглашать «го стя».

Жена Кушнарева сообразила, что мы затеяли серьезное дело. Она не переставала допытываться, что означают наши приготовления. Я убеждал ее не вол новаться и не проявлять никакого беспокойства в при сутствии гостя. Она как-то робко улыбнулась и опять загремела около печки горшками.

Вдруг послышались снаружи шаги и негромкие го лоса.

Первым в избу вошел хозяин, а за ним... Уряд ников, о побеге которого я уже упоминал.

Сердце встрепенулось от радости.

ЭР00809

— Не пугайся, товарищ Урядников, предупредил я, вылез из-под одеяла.

Молниеносный взгляд, и Урядников стремглав бро-ился ко мне в объятия.

— Вшивков!.. Откуда, какими судьбами?!.

— Да такими же, как и ты.

Засыпали друг друга вопросами, а ни на один ни н, ни я не отвечаем.

Кушнарев и его жена были рады не меньше, чем ы, что я и Урядников оказались товарищами и дру-ьями по несчастью.

Мы решили, что удобнее вести конспиративный азговор в сеннике. Там мы зарылись в душистое се-о и друг перед перед дружкой излили свои послед-ие переживания.

О себе Урядников рассказал следующее:

— Ты, конечно, знаешь, как тяжело было мне си-деть в тюрьме. От меня сторонились товарищи, счи-тали провокатором. Я не раз думал о самоубийстве. Конечно, ко мне не было бы такого отношения, если бы кто-либо из вас знал мое прошлое. Но, к сожалению, в благовещенской тюрьме среди арестованных не бы-ло ни одного из моих товарищей, также схваченных белыми. Ты помнишь, конечно, что не раз просил у меня табачку, а я неизменно отказывал, хотя у меня карманы брюк и френча были набиты табаком. А от-казывал потому, что весь мой табак был с умыслом истерт мною в мельчайшую пыль и курить его было нельзя. Этот-то табак и сыграл роль избавителя.

ЭР00809

Ты, конечно, знаешь, что меня судил военно-полевой суд, которому я, по своему положению полковника генерального штаба, был неподсуден. Сперва я заявил, что не признаю такого суда: не прапорщикам и поручикам, мол, судить меня, полковника генерального штаба. Но потом решил не сопротивляться. К тому же меня ведь собирались судить не как полковника, а как «отъявленного изменника, бандита». В конечном счете был вынесен заранее утвержденный приговор — расстрелять.

Присутствовавшая на суде моя «невеста» не зевала. Она не слушала судебного процесса, а принимала меры к тому, чтобы узнать состав конвоя, который должен был меня вести с суда в тюрьму, в смертную камеру, откуда через сутки я должен был быть выведен на расстрел.

Для меня был назначен конвой из пяти офицеров. Моя «невеста» стала вести переговоры с конвоем, чтобы меня отпустили, давала им двадцать пять тысяч рублей. Почти все были уже согласны, но старший конвоя, штабс-капитану Колыйцев, не хотел об этом и слышать. Он выгнал мою «невесту» и пригрозил, что если она еще сделает такое предложение, то будет тоже арестована.

Вечером, когда кончилась комедия в суде, конвой повел меня в тюрьму.

Ночь была темная и морозная. Я был одет во френч и галифе защитного цвета, на голове была фуражка, а на ногах ботинки с гетрами, словом, я был в

ЭР00809

той одежде, в какой «влип», т. е. попал в руки палачей еще осенью, когда было тепло. Ну, а тут рождественский морозец, завернул градусов этак на тридцать пять.

На полдороге в тюрьму, если помнишь, стоит пустая казарма, обнесенная оградой из досок вышиной метра в два. Дошли до угла этой ограды. Позади нас осталась площадь, а дальше виднелись постройки. Решил попытаться отвоевать свою жизнь.

Попросил позволения у конвоя помочиться. Конвой остановился... Некоторые последовали моему примеру. Один офицер стоял впереди, два по бокам, а задние два как-раз приступили к отправлению своих естественных потребностей.

В мгновение ока я бросил из обеих рук по горсти табачной пыли в глаза тем, которые стояли по бокам, а переднего, который, видимо, еще не успел собраться с мыслями, сильным ударом в грудь свалил на землю и пустился вдоль забора.

Задние опамятовались лишь тогда, когда я сделал верных тридцать—сорок прыжков. Тем временем успел, видимо подняться и тот, которого я сшиб с ног при побеге.

Вслед мне затрещали беспорядочные выстрелы, поднялся крик, а я убегал все дальше и дальше.

Вот угол забора. Заворачиваю и, с быстротой белки, перебрасываюсь через забор на другую сторону, т. е. во внутрь двора, и по другой стороне забора бросаюсь навстречу бегущим за мной. Они по ту сто-

ЭР00809

рону забора бегут на запад, а я по эту сторону им навстречу, на восток.

На секунду притаился, когда они пробегали мимо по другой стороне забора... До меня донеслось усиленное пыхтение и прерывистая злобная ругань...

Ждать некогда. Бросился дальше. Добежал до угла. Быстро перескочил через забор. Смотрю, те офицеры, которым я засыпал глаза табаком, стоят и протирают зенки, а их винтовки лежат рядом с ними на снегу...

Один из них, что-то стал говорить, повидимому, хруст снега и дребезжание забора он принял за действия своих.

Не мешкая, я подскочил к ним и схватил одну из лежавших винтовок. Штыком ткнул одного, затем другого.

Одному, видимо угодил ловко, — только охнул, а другой заорал.

Я бросился к тюрьме.

На вышке — часовой, кричит:

— Стой, куда идешь?!.

Говорю — на каменоломню. А сам не знаю, где эта каменоломня. Видел лишь в окно, что откуда-то возили камни.

— Чего шляешься тут, да еще в такое время! Сворачивай вправо, не то — стрелять буду...

— Вправо сад городской больницы, до него шагов тридцать. Быстро перескочил через заплот, прошел сад, перелез через другой заплот и выбрался в поле.

ЭР00809

Без цели, без плана, шагаю быстро, лишь бы итти. Случайно набрел на дорогу и пошел по ней. Я шел весь остаток ночи и под утро почувствовал, что окончательно замерзаю. В особенности сильно жгло морозом ноги.

В стороне от дороги я увидел ток и на нем солому. Дай, думаю, отогрею ноги. Забравшись в солому и посидев немного, я понял, что сделал большую ошибку. Ноги свело так, что я невольно застонал от боли. Собрав последние силы, я вскочил на ноги и бросился бежать, но вскоре почувствовал, что у меня мертвеют конечности и сводит все тело. Пришел в отчаяние...

Уже на рассвете я увидел расположенное на берегу реки село, но мало этому обрадовался, так как по величине реки я догадался, что это Амур, а село, манящее своими утренними дымками, могло быть только казачьей станицей.

Между тем, из села показались три подводы. На передней ехал один человек и на задней один. Думаю, нельзя ли угробить этих седоков, завладеть теплой одеждой, лошадью и ускакать...

Передний седок, завернутый в козью доху и не заметил, как я очутился у саней. Он очень был поражен такой встречей. Я стал просить о спасении.

— Да ты откуда, парень?

— Из города, бежал от расстрела... Как хочешь, отец, или спасай, или добивай, больше силы нет, погибаю.

ЭР00809

— Эка притча какая!...

Казак соскочил с саней, быстро скинул доху и подал мне:

— На, надевай скорее да три лицо и руки снегом, а то у тебя все лицо побелело. А сам обратился к сидевшей на задних санях дочери (ее, одетую в доху, я принял сначала за мужчину).

— Дунька, ты вали в лес, а я вот съезжу в станицу.

Повернув коня, он тронул рысцой, а мне велел бежать за санями. Скоро мне сделалось тепло, потом жарко.

Не доезжая до станицы, казак остановил лошадь и сказал:

— Сними фуражку и ступай смело через этот огород к той избушке! — указал он пальцем. — Голову-то в воротник закутай. А я тем временем подъеду и встречу тебя у избы...

Вижу, дело идет как будто бы не плохо. Быстро миновал огород и подошел к избушке. Хозяин был уже там и встретил меня у порога. Его жена с изумлением разглядывала меня. Казак велел двум детям-подросткам пойти дать коровам сена. Когда те ушли, он открыл западню и предложил мне залезать в подполье. Протестовать и раздумывать — некогда. Я быстро сбросил доху и юркнул в подполье. Западня за мной закрылась, и меня обуяла жуть. Но вот западня опять открылась, и на меня упали сверху старые валенки, бумазеевые штаны и рубаха крестьянского по-

ЭР00809

кроя, потом шапка из лапок диких козуль и пальтишко, перешитое из армейской шинели.

От души опять отлегло. Подали мне горячей картошки в мундире, соли и хлеба. Я с жадностью стал есть. Покончив с едой, я принялся переодеваться. Лицо, руки и тело горели, как в огне, особенно болели ноги. С большим трудом разулся. Чувствую на ощупь, что на пальцах ног большие волдыри. Охать и ахать некогда. Стал переобуваться в поданные мне катанки и от боли чуть не заорал. Бросило меня в жар, и я упал навзничь, обливаясь потом. Не помню, долго ли я лежал в таком полузабытье. Очнулся я от разговора хозяйки с дочкой.

— Верка, ты не видела, куда батько пошел?

— В штанишное управление, — ответила та.

У меня мороз пошел по коже: ведь это он пошел к атаману заявить обо мне. Надо бежать. Но поздно — я услышал голос хозяина. Он опять услал куда-то дочурку и, как только та ушла, открыл западню:

— Вылезай, парень, хватит с тебя сидеть в потемках.

Я вылез и предстал перед глазами хозяина с хозяйкой в своем новом облачении. Они переглянулись и принялись хохотать.

Наконец, хозяин, сдерживая смех, сказал:

— Ну, довольно прохлаждаться. Пойдем, парень. Ехать надо.

Переступив шага два, я опять чуть не упал от боли в ногах. Хозяин набросил на меня доху и сказал:

ЭР00809

— Ну, как-нибудь иди, парень. Крепись, друг, н
подавай виду, нето заметить могут.

Выйдя во двор, я упал в сани. Лошадь рванула,
через несколько минут мы уже были за станицей. Об
гнали несколько подвод, ехавших порожняком. Н
нас никто не обращал внимания, так как почти в
ехавшие, кутаясь в дохи, старались спрятать лицо о
жестокого морозного ветра, тянувшего с Амура.

Из раздумья меня вывел хозяин.

— Ну, парень, видно ты счастливый, — сказал с
и подал мне свернутую вчетверо бумажку.

— На вот тебе «летало».

Я с жадностью почему-то схватил из его рук пр
тянутую мне бумажку, хотя и не понимал термина «ле
тало». Это была справка на имя Петрова, Ивана Ан
древича, о том, что он «с первого августа по сие вр
мя жил в работниках» и т. д. Справка была настоя
щая: с печатью, штампом и за подписью поселковог
атамана.

Оказалось, что мой хозяин был сочувствующи
Советской власти, а о своем брате, служившем секр
тарем при поселковом атамане, он отзывался так:

— Он настоящий большевик, да только побаивает
ся. Ну, а когда я ему все рассказал один на один, о
вмиг смастерил эту бумажку и подсунул ее подписат
Атаман куда-то торопился: не читая, подмахнул, пе
чатку шлепнул и пошел. Переглянулись мы с братом
покурили. Взял я бумажку и ходу. Ждать-то недосу
тут, когда человека спасать надо...

ЭР00809

Завез он меня в деревню Грязнушку к одному бедняку, поговорил с ним с глазу на глаз, а тот уже не заставил долго ждать. Через час я ехал с новым возницей в село Семиозерское, где в это время, как я знал, был организован партизанский отряд.

Прибыли мы в Семиозерское поздно. Через одного парня я повидался с твоей женой, товарищ Вшивков, рассказал все, что знал о тебе. Твоя жена свела меня с главарями партизанского штаба, в частности с Петрушевым, который дал мне двенадцать тысяч «сибирок». На другой день партизаны в количестве четырех тысяч человек пошли в наступление к Свободному, а меня, как больного, отправили в эту укромную деревушку лечиться. Здесь стал я поправляться. Выкопал вот колодезь сажени три глубиной. Все не так маячишь в деревне. Впрочем, здесь все партизаны, не выдадут...

Так закончил свое повествование товарищ Урядников.

ДВГНБ

ЭР00809

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ПАРТИЗАНАХ

НА СОЕДИНЕНИЕ С ПАРТИЗАНАМИ

От Кушнарева мы с Урядниковым получили явку к товарищам в деревне Бессарабке.

Деревня Бессарабка расположена в долине между гор, около небольшого горного ключа. Первоначально она была заселена выходцами из Бессарабии, но последним здесь не понравилось и они куда-то перекочевали, а на их место понаехали переселенцы из Забайкалья. Все жители деревушки — бедняки; все они поголовно участвовали в первом Ивановском восстании, и сейчас большая часть их жила дома на нелегальном положении. Человек пять из них было обморозившихся. Этим беднягам было еще труднее. При каждой вести о появлении японского или белогвардейского отряда их куда-нибудь переносили и прятали. А что они переживали в такие моменты,— об этом знают лишь они сами да их ближние.

Когда стало темнеть, мы зашли в крайнюю избушку и спросили тех ребят, к которым нас направил Кушнарев. Нам их указали. Они жили на другом конце деревушки в новеньком чистеньком домишке. Стар-

ЭР00809

шему было лет тридцать, второму года двадцать два; старший брат во время восстания был командиром роты. Товарищи были предупреждены Кушнаревым о нашем приходе и встретили нас очень радушно. Никогда мне не забыть, с какой заботливостью и преданностью ухаживали за нами они сами и их жены.

В тот же вечер, как мы пришли, ребята созвали к себе несколько человек, бывших участников Ивановского восстания. Много порассказали нам интересного об организации восстания, о боях и т. д. Все ребята говорили в один голос:

— Ничего, соберемся с силами, запасемся оружием, патронами и опять грянем!..

На другой день вся деревушка знала о нашем прибытии. Один по одному все побывали у нас в доме, у всех было одно и то же настроение: поскорее бы организоваться и снова в бой.

Пожили мы в этой милой семье три дня. На четвертый день Урядников сказал мне:

— Ну, сидеть здесь долго нечего, нужно передвигаться в другие деревни, надо и там щупать настроение. Если и везде так, как тут, то япошки и беляки долго не нагуляют: скоро им шею свернем.

Уговорились мы с Урядниковым, что он пойдет к Амуру в молоканскую деревню Сергеевку, а я буду пока курсировать между деревнями Бессарабкой, Прядченкой, Петровкой и Евгеньевкой, как более сочувствующими большевикам и находящимися в таких местах, что прыжок-два и... уже искать трудно. А в

ЭР00809

тайге по заимкам к любому заходи — будешь накормлен и напоен.

Но тут же, в семи километрах от Бессарабки, была деревня Натальино, населенная старообрядцами. Туда уже не попадай!.. Помимо того, что там была волостная земская управа, там стоял еще и гарнизон японцев, которые нет-нет да и сделают налет на соседние деревни, подозреваемые в большевизме. Это Натальино было у нас, как бельмо на глазу.

Условились мы с Урядниковым держать связь через контрабандистов, ездивших за Амур и обратно. Выработали свой шифр, который, конечно, помнили напамять. Вскоре я получил от Урядникова сообщение, что он живет на заимке у зажиточного сергеевского крестьянина; его знают, что он скрывающийся большевик, но относятся к нему очень хорошо. Он играет роль батрака. После я никаких писем от него не получал.

Через несколько дней я отправился на петровские заимки к своему свату Деревянкину.

По дороге чуть не влопался в руки японцев...

Японцы ехали на крестьянских подводах, выслав вперед конную разведку из русских (колчаковских) милиционеров.

Крайне нелепо продвигалась эта экспедиция. Не слезая с подвод, японцы всю дорогу палили из винтовок по молчаливым, как бы притаившимся сопкам.

Сначала мне показалось, что это колют дрова на смольне, но просвистевшая над головою пуля вывела

ЭР00809

меня из заблуждения. Я быстро шмыгнул с тропинки густые заросли.

Упав на землю, я еще отчетливее услышал, что идет горячая винтовочная стрельба. Сердце сжалось в комок. Блеснула мысль, что меня увидели и обстреливают.

Быстро пополз от тропинки. Стрельба постепенно прекратилась, а я на четвереньках уже переполз через распадок и выбрался на гребень горы, с которой мне открылась долина, а в ней заимки неких Улькиных, тоже петровских крестьян.

Около заимки я увидел штук сто подвод и копошившихся здесь же маленьких, как муравьи, японцев. С бьющимся сердцем я стал наблюдать за их действиями. Японцы пробыли на заимке не более получаса и, видимо, убедившись, что никаких партизан тут нет, повернули обратно...

Я направился дальше, держа путь к заимке Дерезянкина. Пришел я туда уже в потемках. Все очень удивились моему приходу, — думали, что меня где-нибудь сцапали белые. Хозяева от души хохотали над действиями «храбрых» японцев, которые не слезая с подвод и не видя партизан, всю дорогу обстреливали ни в чем не повинные сопки. Но тут же, перестав смеяться, рассказали мне, что белый террор по селениям принимает все большие и большие размеры.

Японский командующий экспедиционными войсками Ооой выпустил обращение к населению, в котором призывал всех повстанцев сдать оружие и приступить

ЭР00809

к мирному труду. И вот, говорят, как только какой простачок заявится и сдаст оружие, так его сейчас же и к ногтю.

Видя вероломство японцев, население опять затаилось, все стали дальше и надежнее прятать оружие.

Если в первое время деревенские кулаки наперебой заверяли, что с приходом белых и японцев будет не жизнь, а разлюли-малина, то теперь и они поприкусили языки: в деревне мало кто не испытал на своей шкуре всех тех «жизненных благ», что принесли с собою белые и японцы, и даже у кулаков не повертывался больше язык сказать что-либо в защиту своих долгожданных «благодетелей».

Говорили, что пока серьезного выступления революционно-настроенных крестьян ожидать нельзя, так как после зимнего восстания народ еще не оправился. Много обмороженных и раненых. К тому же и пора самая рабочая. Где ни заговоришь о том, что нужно организоваться и выступить в бой, везде одни доводы: вот, кончим с полевыми работами, тогда можно и начинать.

На заимке Деревянкина нас собралось четверо таких, которым нельзя было появляться в жилых местах без риска быть арестованными.

Из селений Зазейского района до нас доходили слухи, что «белые давят людей, как мышей»; рассказывали, что как только появляется отряд белых или японцев в деревне, так сразу же до этого тихая, мирно жившая деревушка оглашается неистовым лаем со-

ЭР00809

бак и начинается стрельба по людям и курицам. Пули летят вдоль и поперек; никто из незваных «гостей» и знать не хочет, что могут быть невинные жертвы. Карателя направляются по домам «выводить крамолу», искать большевиков и оружие. Попутно тащат самовары, швейные машины и все, что поценнее.

На заимке Деревянкина я прожил с месяц. Далеко никуда не отлучался. Ежедневно по мере сил пособлял в работе Деревянкину. Собирал с его малышами сосновые наросты (смолье) и гнал вместе с ними смолу. Смолу Деревянкин возил продавать в зазейские деревни, а оттуда привозил нам новости, иногда и газеты. В газетах расписывалось, что колчаковская армия каждый день берет город за городом, что население Амурской области «изливает свои верноподданнические чувства местным властям и верховному правителю Колчаку». А в действительности карательные отряды метались, как угорелые, не зная — в какое село броситься, так как население повсеместно не выполняло приказов властей и всячески саботировало все мероприятия колчаковской администрации.

Деревянкин и три товарища, скрывавшиеся на заимке, выехали вскоре в деревню на покос; один лишь я остался на заимке. Товарищи оставили мне хлеба и других продуктов. О мясе беспокоиться было нечего: в сопках водилось не мало диких коз; подстрелишь одну — и ешь доотвала.

Ночевать в землянке я боялся: не ровен час — нападут ночью беляки и японцы. Предпочитал ночевать

ЭР00809

в лесу, в кустах, накрывшись берестой. Часто проливной дождь не переставая барабанил по моей берестяной крыше и вода подтекала под меня. Но вставать не хотелось. Так, свернувшись в комочек и укрывшись потеплее, я проводил не одну ночь.

Решил, наконец, сходить к Кушнареву в деревню Прядченку. Здесь меня приняли радушно. Нового ничего не узнал. Все живут под страхом, ежедневно ожидая налета карателей. Жалуются, что местный кулак — мельник Одинцов—грозит привести карательный отряд и выловить большевиков... Ну, это, мол, еще посмотрим — кто кого поймает!.. И, действительно, не дольше, как через месяц, партизаны поймали Одинцова и пристрелили его на месте.

Погостил я у Кушнарева и опять отправился на заимку. В мое отсутствие привезли мне хлеб, чай, сахар, и сравнительно свежий номер белогвардейской газеты. Стал пробегать газетные столбцы, смотрю — подчеркнуто карандашом: «Смерть комиссара». В заметке сообщается, что в одной из схваток японо-казачьего отряда с большевиками под деревней Мазановой убито сорок большевиков, среди которых опознан труп бывшего комиссара Вшивкова. Я засмеялся: что-ж, валите, мол, друзья! Он еще и мертвый наделает вам хлопот... Но, как ни-как, а эта заметка была мне наруку: все не так будут верить в мое существование.

Наступил август. В одной из полученных мною газет я вычитал, что на перегоне Бочкарево—Белоно-

ЭР00809

во большевики обстреляли пассажирский поезд. В угой заметке сообщалось, что пароход «Вера», едший по Зее, подвергся обстрелу большевиков вынужден был повернуть к берегу, где с него боль-евиками была сгружена мука и прочие продукты.

Чорт возьми! Что же я сижу? Надо пробираться, жать товарищей!.. Решил податься в деревню Пет-овскую. Прощай, землянка, прощай, сопки! Тут жи-сь безопасно, но пора действовать...

В ПОИСКАХ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА

В Петровском Деревянкин встретил меня, как род-ого брата. Бабы сшили мне новую рубаху и штаны щитного цвета, истопили баню. Нарядили меня как призыв.

Здесь я узнал новости о родной Семиозерке... В редине лета сбежавший в Благовещенск местный упец Федор Якунин явился в село с карательным от-идом. Народ от стара до мала был согнан на пло-адь к церкви. На паперти поставили пулемет. Япон-кий офицер подал команду окружить цепью весь со-равшийся на площади народ. В пулемет была задер-ута лента, прислуга пулемета держалась наготове. сем собравшимся на площади подали команду стать а колени. Якунин, с винтовкой в руках, стал обхо-ить коленопреклоненных односельчан, выглядывая ертву. К счастью, ни одного из большевиков в толпе е было. Тогда Якунин изменил тактику. Он думал, что ред ним по-старому раболепствуют односельчане и,

ЭР00809

стараясь заслужить его милость — получить фунт мыла в кредит, будут выдавать своих же братьев.

— Граждане! Выдавайте кровопийцев-большевиков, — заискивающим голосом обращался Якунин к стоящим на коленях крестьянам.

Поп, зять Якунина, с крестом на груди, стоял на паперти рядом с пулеметом и, гнусавя, взывал:

— Покайтесь в грехах, выдавайте антихристов-большевиков....

Среди стоящих на коленях слышалось негромкое но достаточно внятное:

— Ну, погоди, водолаз проклятый! Будет тебе на орехи.

Чуть кто от устали присядет на ноги — увесистый приклад японского жандарма вмиг упрется в голову или в спину промеж лопаток.

Так с восьми утра до двенадцати дня стоял народ на коленях, изнывая от устали и боли в ногах, но японцы ничего не добились...

Из села Троицкого приехал к Деревянкину по каким-то делам молодой, бойкий парень Александр Тихоновский. Гость рассказал, что в Троицком часто бывают партизаны, работающие в качестве подрывников по железной дороге, и что в селе есть много большевиков, но близость японского гарнизона, расположенного на станции Средне-Белая, не позволяет им развернуть активную деятельность.

Деревянкин заверил меня, что на Тихоновского вполне можно положиться: свой, мол, человек, — не

ЭР00809

одведет. А Тихоновский советовал мне поехать с ним Троицкое, чтобы встретить подрывников и узнать от их, где формируются партизанские отряды. По его овам, в тайге были уже партизанские штабы, проводящие мобилизацию молодых возрастов в партизанские отряды.

Я согласился. Провожать меня собралось человек задцать. Все сочувственно расставались со мною. -Идите, говорили провожавшие, — начинайте, а мы оже будем подготовляться...

На лодке Тихоновского мы переплыли на ту сторону Зеи — и направились на покос его брата. На следующий день я пособлял братьям метать стога сена. ечером все поехали в село Троицкое.

По дороге впереди нас ехала подвода, а рядом с ей шел дородный детина лет двадцати. Мне сказали, то это — Кудряшев, которого еще зимой японцы аретовали, увели на станцию Средне-белая и оставили очью на дворе с двумя конвоирами-японцами. Японы сильно замерзли и, чтобы согреться, развели котер. Кудряшев подсел к огню и стал греть руки. Его примеру последовали и японцы. Кудряшев выбрал момент, когда оба японца, подхватив под мышки винтовки, одновременно потянули руки к ярко пылавшему костру, и толкнул обоих в огонь. Японцы заорали не своим голосом. Тогда Кудряшев быстро выхватил у одного из них винтовку и во все лопатки пустился наутек. Оставшуюся винтовку японцы использовать не могли, так как руки у обоих были сильно обожже-

ЭР00809

ны. А когда на крик пострадавших подбежали други японцы, то Кудряшева и след простыл...

Тем временем мы подъехали к поскотине села, об несенной глубокой канавой. Кудряшев взял с телег японскую винтовку и, соскочив в канаву, направилс на задворки села, закрытого густым кустарником. Мы с Тихоновским, захватив с собою мою винтовку, тож пошли по этой же канаве, но в другую сторону села Винтовку и патроны спрятали в кустах на огороде, а сами зашли в дом Тихоновского. Поужинали и пошли к Марочкину, который знал о месте пребывания партизанской подрывной команды. Под вечер Марочкин запряг пару лошадей, и мы, захватив с собой винтовки, поехали на заимку, куда и прибыли еще затемно. Тихоновский поехал куда-то дальше, а мы с Марочкиным остались ожидать.

Марочкин рассказал мне, что группу партизан-подрывников возглавляет молодой парнишка Герка. Фамилии его никто не знает, даже из его товарищей-подрывников.

Почти весь день мы прождали возвращения Тихоновского. Наконец, дождались. Приехал Тихоновский и с ним Герка, — парень небольшого роста, сухощавый, со смуглым лицом и темно-карими проницательными глазами. За поясом у Герки было два револьвера, — «наган» и «кольт», с которыми он, видимо, не расставался. В дальнейшем я узнал от него, что он сын рабочего Сормовского завода. Имеет от роду двадцать лет. Еще до революции сбежал от отца и

ЭР00809

пал на Амур. Не по летам развитой, Герка хорошо збирался в текущих событиях.

Первым делом Герка меня поругал, что я так дол- сидел в сопках. Потом рассказал мне, что километ- их в ста отсюда, в селе Сосновый бор (Верное), су- ествует партизанский штаб. Начальником штаба там охоров, из крестьян. Бойцов уже собралось чело- к двести пехоты и человек сто кавалерии. Из пехо- организованы несколько подрывных команд, в чи- о которых входит и его команда.

Штабом партизанского отряда на-днях проведен ъезд крестьян окрестных деревень. Съезд постано- ил начать партизанскую войну против японцев и бе- огвардейцев, мобилизовать мужчин в возрасте до идцати пяти лет, организовать снабжение отрядов родовольствием и фуражом в порядке междудворо- ой раскладки и давать подводы по первому требова- ию штаба.

Вечером мы поехали обратно в Троицкое.

Не доезжая с километр до села, Герка простился Тихоновским и Марочкиным и наказал им к завтра- нему дню приготовить для его людей продовольст- ие, за которым пообещал на завтра зайти сам, а ме- я повел в сторону от дороги к реке Белой.

Спускались сумерки.

Герка, подойдя почти вплотную к реке, на той сто- оне которой было село Троицкое, протяжно свист- ул два раза. Из-под склона увала, спускавшегося к еке, ему ответили тихим коротким свистом. Через не-

ЭР00809

сколько минут мы подошли к землянке, врытой в о
кос увала. Из землянки навстречу нам вышли пять то
варищей Герки.

Когда мы вошли в землянку, Герка сказал ребятам
что привел товарища, и вкратце рассказал им обо мне
Все подтверждали, что мне необходимо итти в «Со
сновый Бор».

Ночью почти не спали, держались на-стороже.

С рассветом Герка ушел в село за продуктами, а
остался с товарищами. Все они были молодые ребята
в возрасте от двадцати до тридцати лет, четверо — кре
стьяне, а один, Александров, из рабочих.

Вскоре Александров тоже ушел в село Средне-Бе
лое на разведку: ребята предполагали сделать нале
на волостную управу и достать для штаба пишущую
машинку.

РАССКАЗ ПОДРЫВНИКОВ

В отсутствии упомянутых товарищей ребята рас
сказали мне, как они ликвидировали троицкого попа-
предателя.

Были они по заданию штаба недалеко от станции
Бочкарево, где им было поручено взорвать мост че-
рез марь Абакшу. На заимках успенских крестьян они
узнали, как издевался поп над крестьянами, вызвав в
село Троицкое японский отряд.

Герка возмутился поступком попа и сказал ребя-
там:

— Необходимо убрать этого гада.

ДВГНБ

ЭР00809

Возражений не было.

Пришли они к селу Троицкому ночью. В поисках ста через реку и набрели на эту землянку (в кото-й находились сейчас). У них была полная офицер-кая форма, которую они носили с собой в мешке; т были: брюки, тужурка и шинель с погонами, са-оги со шпорами, фуражка с кокардой, словом — все, го требуется. Все это в свое время они сняли с уби-ого начальника милиции.

Во все эти доспехи нарядился Герка и отправился визитом к попу, а ребята остались в землянке. Ус-овлено было, что если будет выстрел, — немедленно ежать на выручку к Герке.

Герка рассчитывал вернуться скоро, да не так вы-ло.

Идя по деревне в форме офицера, он слышал из ногих дворов и открытых окон, как удивлялись кре-тьяне, что офицерик рискует ходить один.

Зайдя во двор к попу, он увидел его прислугу и елел доложить, что батюшку желает видеть началь-ик Тарбагатайской милиции (документы которого ежали у Герки в кармане).

Поп выскочил с распростертыми объятиями: пожа-уйте, пожалуйте, будьте дорогим гостем!..

Попадья и дочка быстро собрали закуску, поп гра-ин поставил на стол.

— Зачем соизволили посетить наши палестины? — ежливо осведомился в разговоре поп.

— Да вот прослышал я, что плохо тут у вас бо-

ЭР00809

рются с большевиками, ну и махнул сюда. Надо с в
ми посоветоваться, батюшка, с кого будем начина
и как выводить большевистскую заразу.

— Вот кстати-то, — обрадовался поп и подне
Герке список на девятнадцать троицких крестьян с о
метками на полях: большевик, партизан, ненадежс
и т. д.

Герка поблагодарил попа и пообещал замолвит
где следует, словечко о его радении и борьбе с бол
шевиками. Поп так и сиял от радости. Вдруг он под
скочил на стуле:

— А вот и ваши коллеги едут из Средне-Белой.

Герка окаменел, но не растерялся. Бросив взор
окно, он увидел ехавших по улице трех верховых ми
лиционеров. К счастью, милиционеры к попу не зае
хали, а промчались рысью в село.

Герка буркнул: что же это они не заехали, и выско
чил на улицу. Он полагал, что это разведка, а за не
двигается отряд. Но на уходившей далеко вдаль до
роге на Средне-Белую было пусто. Герка понял, чт
никакого отряда нет, и сказал попу:

— Я пойду к ним. Почему они не заехали, олухи

— Да, да, сходите, сходите, — согласился поп.

Герка направился в дом сельского старосты, куда
заехали милиционеры. Оседланные лошади стояли во
дворе.

Зайдя во двор, Герка спросил парнишку: дома ли
его отец. Мальчик ответил утвердительно.

— Позови его, — приказал Герка.

ЭР00809

На террасу вышел бородатый мужик.

— Что прикажете, ваше благородие?

— Милиционеры у вас?

— Так точно, у меня, ваше...

— Позовите старшего!

Староста быстро нырнул в дверь и через несколь- секунд вернулся с милиционером.

— Я буду старший, ваше благородие, — беря под зырек, отрапортовал милиционер.

Раз за разом раздались два выстрела из нагана, и арший милиционер покатился с террасы.

Староста одним прыжком очутился во дворе.

Герка бросился в дом. В дверях столкнулся с дру- им милиционером, пытавшимся выхватить из кабу- ы револьвер, но, увы! сраженный двумя пулями, он з звука повалился на пол. Женщины и дети заора- и в доме не своим голосом. Третий милиционер вы- рыгнул через открытое окно в палисадник, но там го поймал Александров. Обеспокоенный долгим от- тствием Герки, он пробрался на село и засел с вин- овкой в саду у самой улицы. Александров видел, как роехали милиционеры и как пробежал Герка. Он бы- тро догадался, какой план у Герки. Побежал за ним ледом и подоспел как раз в тот момент, когда из кна выскочил милиционер. Александров направил на его штык и крикнул:

— Ни с места!.. — Милиционер поднял руки вверх. этот момент набежал староста, который, повидимо- у, хотел куда-то скрыться. Александров заставил

ЭР00809

старосту разоружить милиционера, держа обоих
время на прицеле.

Услышав выстрелы, оставшиеся в землянке ре
та примчались в момент. Сняв с милиционеров о
жие и забрав их лошадей с седлами, подрывники
вели пленного, а Герка стрелой помчался обратно
попу.

Поп понял все, но было поздно. Герка приказ
ему следовать за ним...

Расправившись с попом, Герка забежал к попад
и предупредил ее дочку, что если с троицких кр
стьян упадет хотя бы один волос, то отвечать за
будут она и поповна.

Попадья, видно, крепко запомнила то, что сказ
ей Герка. Когда приехали белые, чтобы расследова
дело об убийстве попа и милиционеров, попадья с
обшила, что убийство совершено неизвестным ей
ловеком, одетым в офицерскую форму, и умоля
власти не чинить никаких насилий над троицкими ж
телями.

В разговорах мы не заметили, как прошло врем
Вернулся Герка и принес целый мешок снеди. Тут б
ли пышные белые булки, арбузы, сливочное масло
свиное сало. Все это посылали нам Тихоновский
Марочкин.

За едой Герка сообщил всем план дальнейших де
ствий. Если Александров вернется благополучно
разведки и сообщит, что дорога на Средне-Белую о
крыта, — двигаться туда, если же нет, то надо итти

ЭР00809

емиозерское и ликвидировать провокаторов Ложки- и Якунина Федора.

Свечерело. Стал накрапывать тихий теплый дож- чек. Вдруг в глубоких сумерках все услышали ус- овный свист, и вскоре к землянке подошел Алексан- ров. Он сообщил, что в Средне-Белой ничего у него вышло.

Подрывники решили итти в Семиозерку. Меня с обой они не взяли, мотивируя, что, в случае неуда- , за мое участие в деле могут пострадать многие из их родственников. Ребята советовали мне позонди- овать завтра почву в Троицком и выявить желаю- их пойти со мною в «Сосновый Бор».

Пожелав друг другу успеха, мы расстались в на- ежде на новую встречу в ближайшем будущем. Но стретиться нам больше не удалось. Наши пути ра- ошлись.

НА ПУТИ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

Проводив подрывников, я, пользуясь темнотой, рошел до Тихоновского, у которого и заночевал. Мы ешили с ним с завтрашнего дня действовать более ешительно.

На утро мы пошли к скрывающемуся от белых Фе- ору Курочкину. От него Тихоновский сходил еще к скольким товарищам и пригласил их на совещание Курочкину.

Пришло человек шесть, из них трое мне были не- накомы. На совещании я указал ребятам на то, что

ЭР00809

террор белогвардейцев все более усиливается и ч
тем, кому дорога свобода и кто не хочет быть уни
тожен палачами, необходимо собираться и итти в па
тизанские отряды. Ребята сразу согласились и пооб
щали позвать в отряд еще кое-кого из сочувству
щих. Уговорились собраться на окраине села в до
Кирилла Седунова к трем часам дня.

У Седунова я застал уже человек двадцать; вско
подошли еще пятеро. Пришел заведывающий местно
кооперативной лавкой — молодой интеллигентный п
рень. Ребята заверили меня, что человек он вполне н
дежный. При открытии совещания под моим предс
дательством кооператор был избран секретарем со
вещания. Первым вопросом повестки дня нашего со
вещания была моя информация о текущем момент
вторым — выборы оперативной повстанческой тройки
третьим — выработка воззвания и его распространени
среди населения; четвертым — запись желающих пой
ти сейчас же в партизанский отряд, их вооружение
материальная обеспеченность.

Воззвание было поручено выработать мне совмест
но с оперативной тройкой. Распространение его взя
на себя Федор Курочкин. Пойти со мною в партизан
ский отряд пожелали только девять человек. Все запи
савшиеся в партизаны были молодые ребята, в возра
сте от восемнадцати до двадцати лет.

Часа через три воззвание было составлено и пере
писано от руки в двенадцати экземплярах. Федор Ку
рочкин повез эти листовки по селениям, по маршруту

ЭР00809

миозерка, Березовка, Петропавловка, Евгеньевка, тровское, Бессарабка, Прядченка.

В воззвании крестьянство призывалось к оружию и рьбе против насилия правительства и против непро-енных гостей — интервентов. Предлагалось создать местах военно-оперативные коллективы, снабдить волюционную молодежь оружием и всем необхо-имым и послать подкрепление в уже существующие ртизанские отряды, а там, где позволят обстоятель-ва, — создать свои самостоятельные отряды, уста-вив немедленно связь с ранее возникшими отряда-и для согласованных действий.

После заседания все разошлись по домам ужи-ть, а спустя час все добровольцы в числе девяти че-овек явились ко мне в полном вооружении, — кто с интовкой, кто с берданкой. У некоторых были сабли тесаки, а у двух — французские гранаты. Револьве-ов системы «наган» оказалось всего две штуки; один з них ребята преподнесли мне как своему начальнику.

Закончив сборы, часов в одиннадцать ночи, под ламенные пожелания успеха всех участников сове-дания, мы тронулись в путь. Выйдя из села, обдума-и, какая дорога более безопасна. Решили итти через омиссаровку.

На рассвете, разбитые и уставшие от убийственно рязной дороги, мы подошли к Комиссаровке. Здесь в ентре села жил мой родной дядя, один из самых рупных кулаков деревни, а на окраине в завалившей-я избушке жила его дочь-вдова. Я направился к ней.

ЭР00809

Долго она не могла меня признать и не хотела вп
стить; она была твердо уверена, что ее братка Пр
копий расстрелян. Наконец, приводя всякие доводы и
давнего прошлого, я окончательно убедил ее, что я н
мертвец, а действительно ее братка Прокопий, кот
рый сам-десят пожаловал к ней в гости.

Здесь мы решили передневать. Ребята ушли в г
стые кусты неподалеку от избушки, а я остался у с
стры.

Долгим и томительным показался этот день... Ка
только стало темнеть, мы двинулись в дальнейши
путь.

Часов в десять вечера зашли на одну из комис
саровских заимок. Бывшие на заимке ребята оказа
лись участниками первого Ивановского восстания
Они приняли нас очень радушно. Накормили, пред
ложили соснуть; но мы отказались и пошли дальше.

Шли без дороги, прямо через поля, на село Ни
кольское, у которого намеревались перебраться на т
сторону реки Томь.

В обед мы были на заимке деревни Ключи. Клю
чевцы — старообрядцы и полагаться на их любезност
было нельзя. Они нас также опасались: как только
завидят нашу вооруженную группу — так и бросают
ся врассыпную, кто куда. Нам стало не по себе: а
вдруг в Ключах есть белые? Побежит, сволочь, доне
сет и нас быстро могут догнать. Да и сами ключевцы
могут это проделать, — у них оружия много. Решили
залечь на весь день в кустах.

ЭР00809

Перед заходом солнца вылезли из кустов и направились дальше. Под одной горкой увидели несколько мишек. Оказалось, что это вновь заселяемый переселенческий участок. Зашли в первый домик. Нас поразила недеревенская обстановка в помещении. Из разговоров мы узнали, что хозяин — бывший служащий торгового дома Чурин и К°, прослуживший пятнадцать лет мануфактуристом и решивший теперь заняться сельским хозяйством.

Принял он нас очень радушно. Подошедшие тем временем из других дворов крестьяне также разобрали по домам по 2-3 товарища; накормили нас всех досыта.

Из разговоров с хозяином, бывшим мануфактуристом, я выяснил, что все жители готовятся к восстанию, имеют задание от военного организатора заготовлять в селе Никольском сухари, одежду и все прочее для партизанской армии. Хозяин сообщил нам, что сам он — военный организатор и выполняет обязанности связиста с повстанческими организациями села Никольского, Тавричанки, Поляны, Томской и т. д. Он посоветовал мне, когда дойдем до Никольского, оставить вооруженных людей за селом, а одного послать в село разыскать Лялькина и сообщить ему о цели нашего прихода. Тогда все остальное будет сделано как по писаному.

Вышли мы из этой деревушки еще засветло, с намерением, пока не поздно, перейти широкую зыбкую падь, так как обходить ее нужно далеко, а на дорогу,

ЭР00809

ведущую в Бочкарево, нам выходить было все
опасно.

Все мысли были сосредоточены на том, как бы пр
браться благополучно до штаба. А в отряде, в бо
и умереть завидно. Хотя из моих ребяток еще ник
не нюхал пороху, но по их настроению можно был
надеяться, что они не трусы и будут драться, как че
ти.

Почти по пояс в воде, мы перешли через пад
Абакшу и часа в два ночи дошли до Никольского
Я оставил ребят за огородами и пошел без винтовк
взяв лишь «наган» и две бомбы, в село.

К счастью, я скоро разыскал Лялькина. Вызвал ег
на улицу и тут же сообщил ему, кем я к нему направ
лен. Рассказал ему, что мы идем в «Сосновый бор», и
просил его оказать нам содействие. Он велел мне по
ка обождать во дворе, а сам пошел куда-то в село.

Через несколько минут он возвратился с пятью то
варищами. У двоих были в руках весла. Мы прошли
на берег реки. Нашли лодку. Лялькин велел вести лю
дей. Я пошел к ребятам. Они последовали за мной
гуськом, один от другого метра в десяти, чтобы в
случае встречи с кем-нибудь из крестьян, нельзя было
определить нашей численности.

В каких-нибудь двадцать минут мы были на дру
гой стороне реки. Лялькин повел нас в деревню Тав
ричанку. Мы подошли к дому, где несмотря на позд
нее время, еще не спали, хотя огня снаружи не было
видно.

ЭР00809

На вопрос: «кто тут?» — Лялькин ответил, видимо, словный пароль: «подрядчик».

Засов загремел, и басистый голос сказал:

— Входи!

— Да я не один.

— А еще кто?

— Нашему полку пополнение...

Вышедший в это время на крыльцо товарищ пригласил нас зайти в дом. В комнате было сильно накурено. При слабом свете маленькой керосиновой лампы мы увидели человек десять.

Оказалось, что здесь заседал сельский военно-оперативный коллектив. Прорабатывали резолюцию нелегального съезда, делали разверстку фуража и продуктов, подлежащих отправке в штаб партизанского отряда, разбивали очереди подвод.

Председатель военного коллектива или военный организатор — человек средних лет, судя по костюму (кожаная тужурка, рубашка с манишкой и брюки галифе), ранее живший в городе. Чувствовалась деловитость и дисциплина. Организатор сделал распоряжение одному из присутствующих, чтобы нам подали три парных подводы, приказал принести для нас хлеба и сала.

Мы вскоре разместились на поданные нам подводы и выехали из Тавричанки.

Часам к десяти утра нас привезли на заимку, расположенную в березовом лесу. На заимке было два человека, которые, наварив вкусной похлебки с пшеном и

ЭР00809

салом, покормили нас и наших возчиков. Оказалось, что это был пересыльный пункт. Люди, находившиеся здесь, были назначены для обслуживания этого пункта, продукты и посуда завезены были сюда сельским военным коллективом, специально для обслуживания направляемых в отряды людей.

Отсюда мы должны были следовать пешком, так как нам предстояло пройти полотно железной дороги; по линии часто проходили охранные японские войска и курсировали броневики, и переход через железную дорогу был не безопасен.

На закате солнца мы вышли с заимки и взяли курс на восток, к линии железной дороги, между разъездом Белоногово и деревней Поляна.

Полотно железной дороги мы увидели еще засветло. Выбрали холмик с кустарником и стали с него обозревать линию. Ничего подозрительного не обнаружили. Смеркалось. Мы стали пробираться ближе к полотну. Часов в девять вечера под покровом темноты мы подошли к железной дороге, держась рассыпной цепью, с винтовками на-перевес. Запали в выемку канавы и стали прислушиваться.

Тишина мертвая.

Я передал по цепи, что я поползу вперед и, как только перейду через линию, свистну; тогда ребята должны быстро по одиночке перейти железную дорогу.

Выйдя на полотно, я пригнулся и прислушался. Нигде ни одного подозрительного звука. Свистнул, ре-

ЭР00809

ята один за другим стали переходить полотно. Наконец, перешли все.

Кому-то из нас пришла в голову ребяческая мысль наложить шпал на дорогу. В момент целый штабель очутился поперек полотна. Но не успели мы после этого отойти и сотни сажен, как услышали шум паровоза. Шел он медленно и тихо спускал пары. И вот на том месте, где мы наложили шпалы, остановился. Мы быстро сообразили, что это броневик. Послышался лязг железа, потом что-то зашумело, и темноту ночи прорезал яркий сноп ослепительного света, сопровождаемый дробью пулеметной очереди.

Мы прильнули к земле, раскаиваясь в своем легкомысленном поступке.

Пулемет повернул и стал обстреливать другую сторону линии.

Мы, как ошпаренные, бросились наутек. Вдруг ухнул орудийный выстрел, и снаряд помчался куда-то в поле, протягивая за собой огненную змейку. За ним второй, третий, и так до десятка.

Мы опять запали в копны сжатого овса, как будто они могли нас защитить! Кто-то из ребят предложил было обстрелять броневик. Я спохватился и отдал приказ: не сметь стрелять!

Через несколько минут стрельба с броневика прекратилась, но продолжать путь броневик побоялся. Он медленно стал подаваться назад, к разъезду Белоногово, выпустив для острастки по обе стороны полотна несколько очередей из пулеметов.

ЭР00809

Мы поспешили поскорее уйти от этого места, нетс не ровен час, с рассветом бросится искать нас кава лерия.

После прошедшего здесь недавно дождя поля бы ли раскисшие, и мы с трудом брели по ним, еле-ел вытаскивая ноги из грязи. Кое-как выбрались на до рогу и пошли по ней, так как она имела направлени на деревню Осиновку. Через час или два мы услыша ли пение петухов. Очевидно, недалеко была деревня, но мы ее не могли разглядеть за спустившейся пеле ной тумана.

С опаской подошли мы к деревне, предварительно свернув с дороги. Я опять оставил ребят за огородами и пошел в деревню с одним наганом. Наказал ребятам: если услышат стрельбу — пусть бегут мне на подмогу.

Прошел по деревне, — ничего подозрительного не заметил. Увидел во дворе крестьянина, запрягавшего лошадь. Зашел к нему. Спросил, нет ли в деревне японцев или белых. Тот ответил, что пока нет. Я спросил, нет ли в деревне партизан. Тоже, говорит нет. Пригласил меня в хату и провел в горницу. На минуту вышел на кухню и вернулся обратно. Стал расспрашивать: откуда иду, почему так рано. Я стал ему откровенно рассказывать, куда иду я и мои товарищи. Хозяин поддакивал.

Вдруг дверь быстро распахнулась, и на меня уставились два дула наганов.

— Руки вверх! — командуют мне.

ЭР00809

Я обомлел. Вот, мол, попал, как курица во щи.

— Стой, стой, товарищи! Это, оказывается, свой — завопил хозяин.

— Откуда, куда? — посыпались вопросы, а наганы все же держат на изготовке.

— Постойте, граждане, — осмелился я, — расстреливать меня вы всегда успеете. Скажите, с кем я имею честь говорить?

— Мы партизаны, — гордо заявил один.

Я засмеялся:

— Ну, вот, своя своих не познаша...

Дальше, больше, ребята стали смягчаться и опустили наганы.

— Оружие у вас есть? — спрашивают меня.

Вынимаю из-под рубахи наган, говорю — есть. Объяснил им, что я не один, что со мной еще девять человек, которые ждут за деревней.

— Ну, тогда пойдемте за вашими товарищами.

Один из партизан направился со мной, а другой пошел куда-то в деревню.

Когда я свернул в переулок, ведущий за огород в кусты, где были мои товарищи, сопровождавший меня партизан сказал:

— Иди один, а я подожду здесь.

Эге, думаю, не доверяешь! Да и самого меня берет сомнение: а вдруг они не партизаны? Решил вернуться обратно.

— Вот что, — говорю, — товарищи, я соврал, что со мной еще девять человек, я — один.

ЭР00809

Ожидавший меня партизан воспринял все эт как должное и быстро повел меня на середину де ревни.

Зашли мы с ним в один двор. Смотрю, стоят тр заседланных лошади. Седла разных форм. Меня ок рылила надежда, что это действительно партизаны Зайдя в хату, я увидел около десятка вооруженны людей, пивших чай, кто сидя, а кто стоя. Мой спут ник пояснил товарищу, говорившему со мной ранее что у меня, как и предполагали они вначале, никого нет, что я один.

— Ну, что ж — подумав, сказал тот, — может быть товарищ действительно желает поступить в отряд. Пусть его кто-нибудь из верховых сведет в штаб, а там выяснят...

Я спросил — далеко ли до штаба и кто начальник. Мне ответили, что до штаба не более девяти-десяти километров, а фамилия начальника штаба — Прохоров.

По тону, каким была произнесена фамилия начальника партизанского штаба, я сразу понял, что Прохоров в глазах партизан — крупная личность.

— Ну, ладно, — говорю, — теперь я удостоверился, что вы действительно партизаны, а то я все как-то не верил и боялся, поэтому я счел нужным отказаться от того, что со мной еще девять человек. Сейчас я их приведу.

Я пошел за своими ребятами.

Через полчаса мы все уже пили чай с горячими ле-

ЭР00809

лешками, которые хозяйка дома усердно подбрасывала нам с шипящей сковородки.

Военный организатор, в доме которого мы находились, показал нам постановление последнего съезда крестьян за печатью штаба первого района. Как милы были мне буквы — РСФСР — в середине печати, как давно я их не видал!..

Попив чаю и отдохнув, часов в десять утра мы двинулись в село Верное. Товарищи снабдили нас пропусками за подписью военного организатора, проводили за село и показали дорогу.

На опушке леса мы попрощались с провожавшим нас товарищем. Обрадованные тем, что мы нашли, наконец, то, что искали, мы быстро зашагали вперед.

В ПАРТИЗАНСКОМ ШТАБЕ

С горки мы увидели раскинувшееся впереди на возвышенности село с церковью посредине. За селом зеленел сосновый бор.

Навстречу нам галопом неслись три всадника, за которыми стлалась желтая дорожная пыль. Метрах в тридцати от нас двое из них остановились, а один рысью подъехал к нам и спросил, куда мы идем.

Мы остановились. Я сказал, что мы идем в отряд, и показал ему пропуск. Партизан галопом помчался назад, а два других его товарища рысью подъехали к нам и предложили вместе двинуться в село. По пути в штаб между нами завязался оживленный разговор.

В селе всюду мелькали ярко-красные флаги. По

ЭР00809

улицам разъезжали кавалеристы, проходили пеши бойцы с пантронташами и винтовками. На колоколь не стоял наблюдатель, поглядывая в бинокль в раз ные стороны. Видимо, и наше появление на дороге н ускользнуло от его зоркого взгляда.

Штаб помещался в бывшем здании волостной зем ской управы. Здесь было многолюдно. У крыльца толпились пехотинцы и кавалеристы, в большинстве вооруженные трехлинейками, но встречались также берданки и пики, наделанные деревенскими кузнецами и насаженные на выструганные крепкие древки. У многих за поясами торчали наганы и висели бомбы.

Мы вошли в штаб. Общая канцелярия помещалась в большом зале, а начштаба и члены работали по отдельным комнатам. Здесь была невообразимая сутолока и давка. У каждого стола — кучка партизан, пришедших с докладом или за получением распоряжения. Люди потоком входили и уходили.

Я прошел к Прохорову и рассказал ему все. Моих людей он зачислил в третью пехотную роту, а мне велел подождать до вечера.

В штабе я узнал, что делопроизводителем состоит Макаров, а приказистом — Кобозев, перебежчик из какой-то колчаковской части. С ним вместе перебежал к нам и прапорщик Задерновский. Последний был еще не у дел. Он только-что прибыл, и о нем наводили справки. На машинке бойко печатала какая-то интеллигентная, по виду, девушка. Откуда она появилась, — никто толком не знал.

ЭР00809

В «Сосновом Бору» налицо было около трехсот вооруженных партизан, разбитых на три роты, по три взвода в каждой. Командиры были выбраны из бывших фронтовиков, большей частью — из унтер-офицеров.

Кроме пехоты, был налицо эскадрон кавалерии. Командиром эскадрона был Никитин — бравый кавалерист. Часть партизан, преимущественно — кавалеристы, стояла на заставах, а человек тридцать были разосланы по линии железной дороги как подрывные команды — эти уже пешие. В лазарете, обозе и хозчасти можно было насчитать еще человек пятьдесят.

Часть партизан участвовала еще в Ивановском и Лазовском восстаниях. В то время Прохоров вел организационную работу в деревне и подобрал себе хороших испытанных помощников из крестьян. Вскоре всем пришлось туго, и Прохоров с партизанами подался в тайгу и организовал здесь партизанский штаб.

К Прохорову потекли со всех концов партизаны, которыми он вскоре без особых усилий выбил из Верного колчаковский отряд милиции и, заняв село, стал развертывать работу среди окрестного населения. По его инициативе был созван съезд крестьян, постановивший провести мобилизацию и развернуть борьбу против колчаковщины.

В первый же день нашего прибытия в «Сосновый Бор» было собрание комсостава в помещении школы. На собрание явились человек тридцать, включая и

ЭР00809

штабистов. Обсудили несколько вопросов. Затем Пр
хоров доложил о моем прибытии. Я выступил и кра
ко рассказал о себе. Просил дать мне работу. Товар
щи назначили меня заведывающим лазаретом и сл
дователем по шпионажу и внутриотрядным престу
лениям. Кроме того, мне было предложено организ
вать агитационно-пропагандный отдел. В члены аги
коллегии тут же были выдвинуты два товарища, о
из крестьян, но достаточно развитые и начитанные.

После собрания я пошел на окраину села, где
одной из хат помещался лазарет. Собственно, ник
кого лазарета здесь не было. Вся избушка была зан
та обслуживающим персоналом; аптека состояла
двух небольших ящиков и десятка склянок, стоявши
на трехногом столике в переднем углу.

Медицинский персонал лазарета подобралея
фельдшеров военного времени, которые с германско
войны нигде не практиковали и успели позабыть вс
что знали.

Из таких фельдшеров я здесь встретил товарище
Голяк, Торляева, Тюпина и Мещерякова. Все товари
щи были крестьяне из соседних деревень, за исклю
чением Торляева, бывшего эмигранта, возвратившего
ся из Америки. Тут же были и наши красные сестр
милосердия: Фрося и Мотя (фамилии их не помню) –
деревенские девушки из Широкой Пади, жена Меще
рякова — Паша Тюпина из деревни Пушкино и жен
казака — Плотникова.

Кроме этих лиц, при лазарете были еще санита

ЭР00809

ы: Ваня Пушкарев, Додонов и Афоня (фамилии не омню). Эти три товарища никогда не могут быть за- ыты мною. Они работали как заведенные машины, е зная отдыха.

Все перечисленные мною товарищи и помещались этой избушке, именуемой лазаретом. Женщины на очь устраивались на общих нарах, а мужчины, на- тлав соломы, располагались на полу.

Партизаны стояли по квартирам по всему селу. Каждая рота занимала отдельный участок села. Там, де помещался командир роты, на воротах был вы- ешен красный флажок. Кавалерия также занимала тдельную часть села.

Снабжались партизаны продовольствием и фура- ком частью у тех же крестьян, у которых стояли по квартирам, частью из фонда, поступающего из окре- тных деревень по разверстке. Последняя, надо от- дать справедливость, поступала очень регулярно. Ежедневно тянулись воза печеного хлеба, сена, овса и всего прочего.

Хозяйственная часть, с первых же дней моего при- бытия в отряд, стала налаживать пошивочную и по- чиночную мастерские.

Помышляли оборудовать также мастерскую по по- чинке оружия и наладить патрононабивную мастер- скую.

Фрося и Мотя предприняли сбор белья для ране- ных. В соседних деревнях им охотно жертвовали все, что могло пригодиться для лазарета, в том числе и

ЭР00809

тонкое полотно для бинтов. Одновременно они соби
рали и продукты.

Тем временем я приводил в порядок аптеку и про
чее лазаретное имущество. Заказал сделать объемн
стый аптечный ящик с двумя рядами гнезд разной ве
личины для установки в них склянок с лекарством
Ящик в любой момент мог быть закрыт, поставлен н
подводу и следовать за отрядом. С разрешения шта
ба я получил коня с хорошей упряжкой и телегой
Теперь, в случае тревоги, весь лазарет мог двигаться
куда угодно. Уход за конем взял на себя Додонов, и
недели через две наш конь стал хоть куда...

Для варки пищи мы обзавелись своей походной
кухней и посудой.

На случай прибытия раненых или тяжело больных
в доме через дорогу мы оборудовали помещение на
семь коек.

В связи с мобилизацией, проводимой на основании
постановления упомянутого мною крестьянского съез
да, мы, агитпропколлегия, разработали воззвание к
населению, которое было напечатано на машинке в
количестве ста двадцати экземпляров. Запасы бумаги
сильно истощились, а достать бумагу в тайге — нече
го и думать. Как быть?

Решили мы с Макаровым и Кобозевым написать
письмо... начальнику Бочкаревской милиции с предло
жением переслать нам две стопы писчей бумаги и
пятьсот штук конвертов, указав ему способ передачи.
За это мы обещали ему помилование, когда он попа-

ЭР00809

т в наши руки (в этом мы ни на минуту не сомнелись). Насколько же мы были наивны!..

Бумаги и конвертов от золотопогонника мы, конечно, не получили, но получили письмо, в котором н писал:

„Господа бандиты! Я полу ил ваше письмо, где вы просите меня послать вам 5 0 штук конвертов (о б маге он, видимо, забыл). Я бы вам послал не 500, а 5000 конвертов, но я знаю, что, попади я вам в руки, вы со мной церемониться не будете. Но, скорее всего, не я к вам попаду, а вы ко мне. В этом я вполне уве ен, ибо ваше местонахождение, господа бандиты, нам известно. Вопрос нескольких дней... и вы, как бешеные собаки, будете окруже ы и перевешаны. Кто такие Ма аров и Вшивков — я не знаю, а господина Кобозева — изменника присяге, того Кобозева, кому я даровал жизнь, — я знаю. Надеюсь в скором будущем увидеться с вами, господин Кобозев, и т. д...“

— Ну, Кобозев, жарко тебе придется, если попадешь ты к белякам.

— Нет, уж, если труп мой придется им увидеть, — а это не ручаюсь, а живым в руки не дамся...

ПЕРВЫЕ СТЫЧКИ С БЕЛЫМИ

В том, что белые и японцы знали о нашем местонахождении, мы не сомневались. Что же касается количества наших сил, то белые всегда могли просчитаться, так как к нам ежедневно прибывали новые пополнения.

Мы были осведомлены, что за рекой Зеей, севернее Свободного, в таежных деревнях идет организация партизанских отрядов. Там была сильная группа

ЭР00809

руководителей. Скрывавшиеся в тайге Патрушев, Красильников, Бреус, Голик, Слесарев, Круглов, Раков и ряд других товарищей были, несомненно, выше нас по своему политическому развитию. Под их руководством был район от Свободного до Амура, по линии железной дороги на запад — до станции Зилово, по Зее от Мазановой до Овсянки, а также и в сторону приисков, до самой Селемджи.

Под управлением военно-революционного штаба зазейского, так называемого, четвертого района были призейские селения: Практичи, Рыбацкое, Грамотуха, Татарское, Кусгагли, Сиан, Усть-Умлекан, Усть-Тыгда, Усть-Деп, Кухтерин-Луг, Ямполь и ряд других. Штаб четвертого района распространял также свое влияние на всю Гондатьевскую волость, часть Тыгдинской и Серебрянской волостей. Повсюду здесь оперировали отряды, подчиненные командованию штаба четвертого района, во главе которого стоял Патрушев.

В четвертом районе, как и в нашем — первом, в сентябре стала проводиться мобилизация пяти годов.

На восток и на юг по обе стороны Амурской железной дороги (ныне Уссурийская) были расположены второй и третий районы, а на стыке границ быв. Приамурской и Амурской губерний (в сторону Хабаровска) — Архаро-Биджанский район.

Все эти районы к осени 1919 г. имели в общем до пяти тысяч вооруженных партизан.

Но, — вернусь к первому району.

ЭР00809

Японцы и белогвардейцы на наши заслоны не надали. Повидимому, они изучали наши силы и вырабатывали план общего наступления с целью раз и навсегда покончить с нами. Тем временем наши силы пополнялись. Но не зевал и враг. Станция Бочкарево и примыкающее к ней село Александровское укреплялись окопами и проволочными заграждениями. В селе Краснояровом, расположенном на берегу Зеи, километрах в двадцати пяти выше Свободного, был поставлен гарнизон из одной роты белогвардейцев.

На северо-запад от нас, в селе Мазановом, усиливался японский гарнизон и также возводились окопы и проволочные заграждения.

На восток от нас в кулацком старообрядческом селении Тарбагатай — население вооружилось против большевиков. Бараки переселенческого управления занял японский гарнизон. Все село Тарбагатай опутано вдоль и поперек колючей проволокой, вдоль и поперек были понаделаны ходы сообщения. Староверские деревни Николаевка, Лиственка и село Павловка тоже вооружились против большевиков.

На разъезде Белоногово и на прилегающих к нему мостах японцы увеличили свою охрану, понаделали проволочные заграждения и поставили пулеметы.

Словом, наша деятельность протекала почти в замкнутом кольце белых и японцев. На случай нападения у нас был единственный выход — в тайгу. Но при достаточной сообразительности наших врагов мы могли лишиться и этого пути отступления.

ЭР00809

Все это нашим штабом и командованием как-т не учитывалось. Все задавались целью увеличить си лы, и, соединившись с четвертым районом, двинуться на Благовещенск. Между тем, хорошо налаженно связи с подпольщиками и рабочими организациям города штаб и командование отряда не имели. Пита лись слухами от приходящих в отряд из городов оди ночек-партизан. Последние заверяли, что рабочие по всеместно подготовлены к восстанию и что, появись мол, только партизанский отряд на окраине города как весь город будет занят внутренними силами пов станцев. В действительности же положение в городе было иное. Город был наводнен внушительным гарни зоном белых. Их контр-разведка из кожи лезла вон, вылавливая не только явно революционно настроен ных, но и просто лишь подозрительных на вид рабо чих.

В этих условиях подпольным группам большевиков трудно было подготовить вооруженное восстание.

Приведу один случай, ярко характеризующий настроение колчаковских воинских частей, состоявших из мобилизованных крестьян и рабочих.

В наш штаб от солдат гарнизона села Красноярово поступило письмо, в котором они сообщали, что готовы перебить своих офицеров, обезоружить часть реакционно настроенных кадровых солдат и перейти на нашу сторону. В целях быстрейшего выполнения своего плана, солдаты предлагали нам сделать ночью

ДВГНБ

ЭР00809

аступление на Красноярово и открыть стрельбу, а ос-льное будет выполнено ими.

Предложение солдат было принято. Быстро весь аличный гарнизон Верного, за исключением резерв-ой роты нестроевых команд, выступил на Красно-рово, которое находилось от нас километрах в трид-ати на левом берегу Зеи.

Часа в два ночи партизаны бесшумно подошли к расноярово и, развернутыми цепями, с кавалерией а флангах, двинулись в наступление. Соблюдая ти-шину, приблизились к огородам, как вдруг в нашей цепи... бахнул гулкий раскатистый выстрел!.. Или не-осторожность проклятая или провокация... На селе поднялась суматоха, раздалась команда. Действовать надо было решительно и быстро. Но наши командиры, растерявшись от неожиданности, подали команду отступить.

Наша неудача всех нас сильно раздосадовала. Все негодовали, горячились, кого-то обвиняли. Особенно те, которые рассчитывали получить в этом бою с белыми недостающее для них оружие за счет вооружения белых.

Но все же этот случай дал понять, что наш враг вовсе не так силен, как кажется, если в его частях не мало мобилизованных рабочих и крестьян, жаждущих перейти на нашу сторону.

Наш враг может и должен быть сломлен, добит и уничтожен. Но для этого нужна еще большая организованность и сплоченность в наших рядах, нужна же-

ЭР00809

лезная дисциплина, беззаветное мужество, решимость и стойкость в боях с белыми.

Именно к такому выводу пришли все на митинге созванном нами сразу же по возвращении обратно в Верное после описанного мною эпизода.

***

С заставы села Завидного поступило донесение, что японцы из Свободного переправились через Зею и на подводах двигаются в направлении на села Бирьма и Бира.

Моментально все пришло в движение. В каких-нибудь полчаса две наши роты погрузились на постоянно дежурившие при штабе подводы и поехали встречать японцев. За деревней Каничи наш отряд повернул по дороге на Бичуру. Разведка донесла, что японцы берут подводы в Бичуре. Партизаны выбрали место и устроили засаду.

Вскоре увидели выехавший из Бичуры обоз, подвод в пятьдесят. Место для засады было выбрано удачно. Спрятанные в кустарнике партизаны с дороги были совершенно незаметны, а для партизан вся дорога была как на ладони. Бить можно было на выбор.

Было условлено, что когда обоз последней своей подводой поравняется с засадой — командир первой роты, бывшей на левом фланге, должен дать выстрел, после чего вся засада ударит залпом.

Вот появились шесть человек конных милиционеров — разведка, — а метрах в полутораста за ними

ДВГНБ

ЭР00809

ет обоз; на каждой подводе — по два, по три япон-
и возчик. Всем было приказано при обстреле япон-
в тщательно оберегать возчиков. Одна за другой
оходят подводы мимо засады. На передней подво-
стоит пулемет. Прислуга пулемета держится сто-
жко, а пехота... даже винтовки лежат в телегах. Ни
зорных, ни боковых разведок. Все говорит за пол-
ый успех, за победу над ненавистными интервентами.

Партизаны, по мере продвижения обоза, твердо
ерут на мушку то одного, то другого из сидящих на
одводах японцев. Все с напряжением ждут услов-
енного сигнала. Нервничают, зябко вздрагивают,
рожат.

Вот уже проходит и последняя подвода; на ней то-
же пулемет дулом назад. А сигнала все нет и нет.

Что такое, в чем дело?.. Обоз уже проходит заса-
ду и скрывается за поворотом. Нетерпеливые начина-
от высовывать головы из кустов и смотреть на доро-
у, откуда проехал обоз: может быть за этим отря-
дом следует другой? Нет, не видно. И вдруг передают
по цепи, что командир первой роты... отказался при-
нять бой.

Командира вмиг окружили. Негодуя, все размахи-
вают кулаками, кричат, хватают командира кто за
грудь, кто за шиворот. Но... что с него возьмешь!
Стоит бледный, как полотно, на глазах — слезы.

— Братцы, простите!.. Я же вам говорил, что ко-
мандовать я не могу.

— Да какую тут... надо было команду?! Всего

ЭР00809

лишь выстрелить раз. А ты... у, зюзя! Упустили во два пулемета...

— А винтовок сколько?!.

— Измена! Предательство! Расстрелять!.. — орали другие.

Судили, рядили. Кто предлагал броситься на подводах в догонку, кто дождаться обратного возвращения японцев. В конце концов решили двинуться обратно в Верное. Так и сделали. А после узнали, что японцы побыли в Каничах всего лишь один час и проехали обратно... той же самой дорогой. Но мы в это время уже митинговали в Верном.

Командир первой роты остался, конечно, жив, но пережил он не мало. Его арестовали, но партизаны все время настаивали на том, чтобы его немедленно расстреляли.

Мало-по-малу о неудачном выступлении стали забывать, и жизнь потекла попрежнему.

В одно ясное августовское утро партизаны были созваны на митинг. Митинг открыл начальник штаба Прохоров. Говорили с паперти церкви. Все речи ораторов сводились к одному — биться не на-живот, а насмерть. В тот же день вечером на собрании комсостава было решено сделать пробную тревогу. Пока оставшаяся часть командиров заседала в школе, несколько человек незаметно для партизан вынесли автомат Шоша в прилегающий сосновый бор, где и открыли стрельбу. Выскочив с заседания, командиры с криком: «в ружье!» бросились бегом к своим частям.

ЭР00809

Через каких-нибудь пять минут партизаны развернутыми цепями повели наступление на лес.

В лесу раздавалась одиночная стрельба и по временам строчил пулемет.

Командиры, ведя цепи, приказали партизанам ни в коем случае не стрелять, а стремиться как можно быстрее и незаметнее, пользуясь прикрытием, оцепить ту часть леса, откуда доносилась стрельба, и во что бы то ни стало захватить пулемет и взять в плен японцев.

Партизаны вполне разделяли тактику своих командиров и двигались молча, зорко всматриваясь вперед.

Вот среди деревьев замаячили японцы. Но... что это? Какие же это японцы? Свои же партизаны?!

«Японцы» вышли на опушку леса и поздравили партизан с победой.

Партизаны долго отплевывались и ругались.

— Тьфу, чтоб вас чорт побрал! Мы думали и впрямь японцы, а они, вишь, игру затеяли! Только нервы портят...

Им возражали, что такая игра — вещь полезная, и ругаться не следует.

В последующие дни командиры принялись проводить учение во всех частях отряда. Старые фронтовики ворчали на такую затею, но, будучи на учении, не упускали случая сделать замечание, в роде — «Эй, ты, стрелок, как целишься? В овин головой попадешь!» — И тут же показывали, как нужно владеть винтовкой.

ЭР00809

Каждый день партизанский отряд все пополнял и пополнялся людьми. Шли кто с оружием, кто б оружия. Последних набралось уже около ста челове Вставал вопрос — где взять оружие? И опять невол но вспоминался японский отряд, который мы не с мели разбить.

Кавалерия под командой Никитина выросла в э кадрон, численностью сабель в триста, не считая к валеристов, стоявших на заставах для связи. Однаж ды кавалерия поехала куда-то в направлении к лини железной дороги. Стройными рядами проходил эскад рон. Впереди ехал Никитин, а за ним знаменщик. Н алом полотнище, развевавшемся по ветру, было вы шито: «Смерть буржуям». На душе стало как-то осо бенно радостно.

Численность нашей пехоты определялась так: ты сяча с лишком стрелков, плюс заставы, подрывны команды, лазарет, хозчасть и штаб. Так что всего в первом районе было тысячи полторы человек пов станцев.

Наступил сентябрь. Мы жили спокойно, японцы и беляки нас не беспокоили. Но зато мы их не забыва- ли: каждую ночь вдоль линии железной дороги пы- лали мосты. Наши подрывники работали не покладая рук. Не успеют японцы восстановить тот или иной только что сожженный партизанами мост, как, гля- дишь, к ночи он запылает вновь (мосты делались из шпал). Подрывники часто подвергались обстрелу, но пострадавших от японских пуль среди них не было.

ЭР00809

а месяц к нам в лазарет не поступило от них ни одного раненого.

ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛЫХ

Моя деятельность, как следователя, стала также понемногу развертываться. С заставы от села Завидного привели одного старика. При дознании выяснили, что старик — из кулаков, имеет крупное хозяйство в одной из деревень недалеко от Мазаново.

Когда наши пришли в эту деревню для организации сельского военно-оперативного штаба и объявления мобилизации, этот старик присутствовал на сходе сельчан. На сходе было зачитано постановление крестьянского съезда Вернинской волости о мобилизации и организации партизанских отрядов. Сход постановил поддержать постановление съезда. Присутствовавший все время на сходе старик вдруг исчез и ночью махнул в Мазановку с доносом к японцам.

На другой день, как снег на голову, нагрянули в село японцы. К счастью, никаких особых репрессий японцы не учинили, а куриц все-таки штук двадцать убили (японцы особенно любили куриное мясо; за это крестьяне прозвали их куроедами. Обычное для того времени выражение — «куриная смерть» — значило — японцы). После отъезда японцев старика-предателя схватила наша разведка и доставила в штаб.

На допросе кулак не оправдывался, так как улики были налицо. Он твердил одно: бог попутал...

На другой день связисты из деревни Державенки

ЭР00809

привели еще одного, средних лет, человека, захваченного еще в Тавричанке. В записке сельского военного организатора говорилось, что это чех-шпион. Распять в записке упоминалось: «смотрите не упустите, — шпион». С ним же препровождены были отобранные у него несколько бумажек, початая стопка почтовой бумаги и триста пятьдесят рублей денег. На первый взгляд нельзя было определить, что это чех: выговор чисто русский, разве-что чуть-чуть акцентирует.

Допрашивал я его дня два по нескольку часов, но ничего, говорящего о шпионаже, не обнаружил. Сколько я ни задавал ему вопросов, на все он давал исчерпывающие ответы.

Передо мной лежала стопка графленой почтовой бумаги. Я спросил его, зачем ему так много потребовалось бумаги.

— Видите ли, я шел через деревню Успеновку, а там распродавался один лавочник; ну, я по дешевке и купил...

Во время разговора с ним я невзначай передвинул лежавшую передо мной бумагу.

Смотрю — ясный оттиск после писания карандашом. Стал я со всех сторон приглядываться. Читаю: мили... Успен... подр... герка... неделю... кре... яп... оро... и т. д.

Расшифровываю:

„Начальнику Бо-каревской милиции. Был в Успенке, подрывной командой руководит какой-то Герка, уже неделю находится здесь. Настроение крестьян..."

ЭР00809

Я не стал всматриваться, что было написано дальше, да и понять было трудно, так как оттиск стал слабее. Я живо схватил записную книжечку, в которой было много цифр.

— Скажите, пожалуйста, что означают вот эти цифры?

Арестованный криво усмехнулся.

— Не помню, писал что-то машинально.

— Вот как? А по-моему это — шифр!

— Не понимаю.

— Не понимаете? А вот это без шифра — начальнику милиции в Бочкарево, — когда писали?!

Меня ошеломил ответ арестованного:

— Довольно издеваться! Стреляйте. Знаю, за что погибну. И знайте, что я не чех и не кто-нибудь, а русский офицер...

Потом, немного остывши:

— Я вижу, вы — благородный человек, хотя, к сожалению, заблудившийся. Моя к вам последняя просьба — стреляйте сразу...

НАЛЕТЫ АЭРОПЛАНОВ

Активность японцев и белогвардейцев стала заметно усиливаться. По полученным сведениям, японцы стали пополнять окружающие нас гарнизоны свежими силами. Наши разведчики доносили, что тут и там разъезжают по деревням японские отряды.

Как-то вечером перед закатом солнца партизаны закричали:

ДВГНБ

ЭР00809

— Аэроплан, аэроплан!..

Я выскочил на улицу и сразу же услышал шум про пеллера. Задрал голову кверху, ищу глазами аэроплан а он летит в каких-нибудь ста метрах от земли с со стороны Мазаново прямехонько на наше село. Хо рошо видно двух пилотов, один из кабинки глядит бинокль.

Не стерпело партизанское ретивое: бах, бах, бах! — и пошли сыпать.

— Не стреляй, не стреляй!..

Где там, — сыплют так, что небу жарко.

Аэроплан быстро забрал ввысь. Поднялся высоко высоко. Смотрим — описал полукруг и, немного сни зившись, летит опять на наше Верное.

Подлетел к селу. Вижу — качнулся и на солнце блеснула сталь бомбы. Ну, думаю, есть!.. В воздухе послышался стремительно нарастающий свист: фи-и и-и-ть. И вдруг — бух!.. Рвануло так, что земля зако лебалась под ногами.

Аэроплан вновь описал круг над селом. — Бух, бух! — одна за другой рвутся бомбы. В селе рев, кри ки, плач. Женщины, схватив детей за руки, перебе гают туда и сюда через улицу. «Не бегай! Не показы вайся!» Но где там, разве остановишь панику кри ком!?

Семнадцать бомб сбросил аэроплан и взял курс на Бочкарево. К счастью, никого не убило, не поранило. Ложились бомбы большей частью около штаба и на церковной площади. Повидимому, летчик был осве-

ЭР00809

домлен о расположении штаба и наблюдательного пункта. Но как он ни старался попасть в них, бомбы вались то на улице, то в огороде, то на площади.

На другой день еще до восхода солнца появились на горизонте два аэроплана. Один летел от Бочкарево, а другой от Тарбагатая. Летели высоко, видимо, боялись обстрела. Не долетев до села, стали описывать круги над лугом, где паслось стадо коров, и, видимо, приняв коров за кавалерию, начали засыпать их бомбами. А потом, должно быть, разглядели: бросили коров, налетели на село и давай посылать воздушные «подарки». Сбросили бомб тридцать...

Только скрылись аэропланы, смотрю — бежит один партизан, кричит: «Давай носилки». Но нужды в носилках не было. Следом за партизаном уже несли на рядне пострадавшего. Я осмотрел его, — он, бедняга, весь был изранен осколками. Все кости ног, рук и ребра были поломаны, кожный покров местами был порван и осколки костей торчали на виду. Из ран хлестала кровь. На руки его поднять было нельзя, изломанные кости хрустели как в мешке. Пострадавший был еще молодой парень. Один из его односельцев верхом на лошади помчался в соседнее село сообщить его родным о несчастье. Часа через два приехали его родные, но он уже никого не узнавал. Вскоре он скончался. Родные решили схоронить его в своей деревне. Взвод кавалерии и рота в строю пошли провожать товарища. Сказали несколько речей, пропели похоронный марш...

ЭР00809

В дальнейшем аэропланы стали нас посещать ежедневно раза по два, по три. В один из налетов бомба угодила в сарай, в котором стояли восемь кавалерийских лошадей, из которых шесть было убито. Несчастий с людьми больше не было, несмотря на то что в селе ежедневно разрывалось двадцать-тридцать бомб.

БОЙ ПОД ДУБНЯЧКАМИ

Один день с утра (кажется, это было 16 сентября) аэропланы почему-то не появлялись. Мы, конечно, облегченно вздохнули. Афоня и Додонов стали варить во дворе обед. Вдруг прибежал ординарец-связист и доложил, что из Бочкарево через реку Томь переправляются японцы на подводах в количестве не менее пятисот человек. Ординарец-связист прибыл из деревни Дубнячки, что против Бочкарева, куда еще вчера вечером была послана рота партизан, так как еще тогда штаб получил сообщение, что японцы предполагают наступать на Дубнячки.

Почти одновременно с донесением из Дубнячков, мы услышали частые орудийные выстрелы. Они неслись от Осиновой, где в это время находился эскадрон Никитина.

На дежурных подводах быстро разместили вторую роту и послали на помощь первой к Дубнячкам, а третью роту отправили по дороге на Осиновую с заданием: если у кавалерии будет неустойка — пособить ей, а если у кавалерии не будет неустойки — взять подводы в Осиновой, перебросить к Дубнячкам и

ЭР00809

держать постоянную связь как с кавалерией Никитина, так и с ротами партизан под Дубнячками.

Предлагали, что скорее всего третьей роте придется итти на помощь первой и второй ротам под Дубнячки, и, если японцы потеснят их, она как раз подоспеет ударить или с фланга, или с тыла по японцам.

Моментально были поданы подводы местных, верненских крестьян. Последние дежурство не несли, но были обязаны в экстренных случаях подавать подводы все без исключения, у кого только имелись лошади и повозки. На верненские подводы посадили четвертую роту и, вслед за второй, отправили ее под Дубнячки. В Верном осталась одна резервная рота и человек сто пятьдесят невооруженных.

Через полчаса прибежал второй вестовой из-под Дубнячков и сообщил, что японцы, — а их «видимо-невидимо», — переправились на наш берег. Их обстреляла наша первая рота, но японцы переправлялись сразу в нескольких местах, а потому, мол, задержать их мы не смогли. Первая рота оттеснена и ведет бой уже за Дубнячками; впереди японцев наступают человек пятьдесят конных милиционеров и офицеров.

Минут через десять прибежал ординарец от заставы под Тарбагатаем и сообщил, что человек сто тарбагатайцев на конях переправляются вброд через реку Томь. Наша застава их обстреливает, но часть тарбагатайцев пошла обходным путем на другой брод, а в силу этого наша засада стала отходить к тайге.

Орудийные выстрелы все чаще и чаще громыхали

ЭР00809

в направлении от Осиновой. Через несколько минут прибежал вестовой от кавалерии Никитина и сообщил, что под шрапнельным огнем двух неприятельских броневиков кавалерия вынуждена была отойти с занятой ею позиции. Пришедшая на помощь третья рота направлена Никитиным на Дубнячки, так как пехоте с броневиками делать нечего; в случае же высадки войск с броневиков, он, Никитин, со своей кавалерией вступит в бой с неприятелем.

Против тарбагатайцев в помощь заставе было отправлено сорок человек из резервной роты.

Тем временем из-под Дубнячков привезли несколько раненых.

Я послал к Дубнячкам двух сестер и несколько санитаров, снабдив их в достаточном количестве перевязочным материалом. Приказал ни минуты не задерживать раненых, направлять их в Верное.

Привезенных раненых мы с подвод не снимали. Я велел сделать им перевязки на подводах, а сам верхом отправился к Дубнячкам.

Командование боем под Дубнячками принял командир батальона Рыбальченко — крестьянин из деревни Державенка.

После перестрелки на берегу Томи при переправе японцев, первая рота, получив извещение, что японцы переправляются еще одной группой выше села Александровского с тем, чтобы зайти нам в тыл, отступила через Дубнячки и встретилась со второй ротой. Решили сделать засаду около дороги.

ЭР00809

Но тут японцы оказались не такими олухами, как од Каничами: тут были пущены ими глубокие боко-ые разведки из конных колчаковских милиционеров кулаков-старообрядцев.

Один офицер, подъехав близко к нашим цепям, алегшим на одной из горок, остановился и стал при-стально разглядывать в бинокль окружающую мест-ость. Судя по обстановке боя, он, видимо, разглядел едущую на подводах четвертую роту, так как быстро повернул назад.

Кто-то из партизан не выдержал и выстрелил. Офи-цер, как подкошенный, свалился с лошади. Милицио-неры спешились и открыли огонь по возвышенности, на которой была наша застава. Делать нечего; мы об-наружены, — пришлось отвечать. В несколько минут человек пятнадцать милиционеров были нами выби-ты из строя.

Партизаны осмелели, — стали отрезать путь отсту-пления остальным милиционерам. Дело дошло до ру-копашной.

Один партизан наскочил из-за куста на милицио-нера, сгреб его за шиворот и, приставив ему к виску наган, крикнул: «сдавайся!»

Тот, обернувшись, узнал в своем противнике свое-го же односельца, да еще и кума. Заорал: кум, кум!.. Но у партизан в лагере врагов не стало родни. Грянул выстрел, и кум задрыгал ногами...

Прибывшие к месту боя вторая и четвертая роты вступили в бой, а третья, посланная Никитиным на

ЭР00809

подкрепление, где-то задержалась, тащась на подводах по проселочным дорогам.

Японцы после первой же перестрелки развернулись в несколько цепей и повели наступление, развивая ружейный и пулеметный огонь. С левого фланга бросилась на партизан в атаку кавалерия. Впоследствии мы узнали, что это были казаки.

Партизаны, увидя громадное превосходство сил противника, дрогнули и стали поспешно отступать. К Никитину был послан ординарец с сообщением, чтобы он тоже отступал к Верному. Членов штаба и самого Прохорова найти не могли. Никто не знал — куда отступать, где остановиться. На счастье, белые и японцы почему-то задержались около первой нашей позиции.

Остатки милиции и казаки наседали, усиленно обстреливая отступающие группы партизан. С нашей же стороны сопротивления почти не было, лишь изредка кто-нибудь выстрелит на ходу по наступающему противнику.

Я метался с фланга на фланг, ища раненых и медперсонал, но ни тех, ни других не было. Смотрю — на пашне, среди суслонов овса, движутся в нашу сторону две какие-то фигуры. Я вынул бинокль и опознал сестру милосердия, которая недавно пришла к нам из Благовещенска. Она вела раненого; тот, опираясь на ее плечо, сильно хромал. Двигались они тихо. Я бросился к ним на помощь, но не успел проскакать галопом несколько десятков метров, как из кустарни-

ЭР00809

а справа выскочили с ревом казаки и бросились к естре и раненому. На солнце блеснули клинки, и не-частные, как подкошенные, повалились на землю. икого из своих поблизости не было. Я круто осадил ошадь и бросился наутек, и лишь через километр агнал отступающих.

Только подъехал к своим, как впереди произошло амешательство. Задние бросились в сторону от до-оги и залегли в цепь. Оказалось, что наши вояки одводы с людьми своей же третьей роты приняли за еприятеля. Вот тебе и связь! Чуть было беды не на-делали.

Подъехав ближе, бойцы третьей роты слезли с одвод, а на их место сели уморившиеся отступаю-щие. Паника заметно улеглась. Я обогнал отступаю-щих с намерением вывести из Верного наш лазарет, но его в Верном уже не было: я догнал его километ-рах в двух за селом по дороге на Паутовку.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Никто не знал, куда отступаем. Бежали ординар-цы и кричали: отступайте, отступайте! — а куда — ни-каких указаний не было. Догнав лазарет и обоз хоз-части, я велел сестрам, когда будем проходить через ближайшую деревню, попросить у населения хлеба для раненых, так как при лазарете не было ни фунта хлеба и ни золотника соли, а сам повернул обратно.

Не доезжая километра два до Верного, я остано-вил коня на возвышенности. Отсюда в бинокль на

ЭР00809

большое расстояние видны были окрестности и сам
село Верное.

Влево от дороги я увидел скачущих поодиночк
прямо через поля кавалеристов, очевидно, из отряд
Никитина.

В Верном никого не было видно. Далеко справ
еще стлалась пыль по державенской дороге; повиди
мому, это отступали наши части, взявшие наспех под
воды из Верного.

Пыль по дороге из Дубнячков в Верное не остав
ляла сомнения в том, что это мчатся наши преследо
ватели. Я, надеясь на выносливость своего коня, ре
шил подождать и узнать: бросятся ли наши враги пря
мо через Верное преследовать нас и по какой дороге
или остановятся в Верном.

Вижу — подводы стали заезжать по дворам. Ко
нечно, им надо сменить загнанных лошадей. Кавале
рия рыщет по селу и за селом.

Дело ясное, и я галопом помчался догонять обоз
Смотрю — наперерез мне рысью едет верховой. Я при
готовился к достойной встрече, но оказалось, что эт
партизан и к тому же один. — Вы откуда? — спраши
вает. — Из Верного. — Прохоров там? — Нет, а что? —
Японцы из Мазановой выступили.

— Вот так фунт, — думаю, — хотят нас окружить
Я ему рассказал, что все мы отступили, что японцы
уже в Верном и наших там никого нет, я — последний

Партизан, не дослушав до конца мое сообщение
бросился, как обожженный, нахлестывая плетью коня

ЭР00809

тоже припустил во весь галоп. Вскоре догнал обоз. оскочил с седла, наспех написал штабу донесение о ыступлении японцев из Мазановой.

С обозом ехали два кавалериста для связи. Одно- о из них я послал к Державенке с наказом — во что ы то ни стало найти Прохорова или членов штаба и ередать записку (в которой я просил также указать аправление отступления), а сам с оставшимся кава- еристом проехал вперед в разведку, приказав, в слу- ае, если раздадутся выстрелы впереди или появится зади погоня, всем подводам рассыпаться в разные тороны: все-таки, мол, не всех переловят. Раненые ольшей частью были с оружием; они заявили, что удут отстреливаться до последнего патрона, а по- ледний — себе. Врагу сдаваться никто не хотел.

На половине дороги, когда уже начинало темнеть, нас догнал вестовой с запиской от члена штаба Вы- соцкого. Он сообщал, чтобы мы ехали в Паутовку, куда стягиваются сейчас все части. На душе стало легче. Все-таки знаешь, куда ехать. Мы подождали обоз. Дорога шла по мелколесью. По всей дороге бы- ли выбоины, пни, коренья; от толчков раненые невы- носимо страдали.

Часов в одиннадцать вечера мы добрались до де- ревни Пушкино. Здесь остались у своих родных две наши сестры. — Круторогова и Тюпина, не пожелавшие ехать с нами. Только две сестры—Фрося и Мотя—оста- лись верны своему долгу. Через Пушкино, еще до на- шего прибытия, прошла на Паутовку часть кавалерии

ЭР00809

и пехоты. В самом Пушкино мы еще застали мно
партизан-кавалеристов и пехотинцев, которые насп
закусывали тем, что нашлось у бедных жителей эт
деревни.

По словам партизан, много народу еще было в п
ти из Державенки на Пушкино.

К Державенке стянулось много партизан, так к
многие из отступавших из-под Дубнячков, не захо
в Верное, полями прошли на Державенку, а оттуд
узнав, что из Тарбагатая идут белые, вновь устрем
лись на Пушкино — Паутовку.

Высоцкий, получив от меня сведения, что из М
зановой двигаются японцы, не говорил об этом н
кому, чтобы не вызвать паники. Он приказал лиш
быстрее двигаться на Паутовку на соединение с
своими.

В Паутовку лазарет и обоз хозчасти прибыли в
рассвете. Распределили в двух-трех домах ранены
сделали им перевязки. Подтянулись и последние по
воды с отставшими партизанами. Застава из Завид
ного тоже вся была здесь, только кавалеристы был
оставлены в деревне Каничи следить за действиям
японцев.

Только кончили закусывать, слышим — кричат: со
бирайся на митинг!..

Пошли к школе, но митинг открылся на улице. На
чальство почти все было в сборе. Стали строить планы

Кто-то предлагал занять позицию за широко
падью, по дороге из Паутовки на Маргаритовку, и

ДВГНБ

ЭР00809

есь в лесу дать бой. Но один из местных партизан редупредил, что от села Степного идет на Маргаривку старая шоссейная дорога, по которой японцы Мазановой могут зайти к нам в тыл. Это замечание ыло учтено: немедленно на шоссе был послан взвод авалерии под командой Петрова.

Кто-то сообщил, что за Маргаритовкой есть опытое поле под названием Гош, изрытое осушительными канавами, достаточно глубокими и длинными, километра по два каждая, чтобы использовать их в качестве окопов.

За это сообщение все живо ухватились. Все стали расхваливать эти канавы, уверяя, что там настоящие окопы в рост человека глубиной, а главное — не одна канава, а несколько, так что если из одной выбьют, то можно будет перейти в другую.

Пока судили да рядили — время шло. Между тем японцы не появлялись. Разведка донесла, что японцы в Верном ожидали тарбагатайцев, а затем, соединившись с ними, не погнались сразу за нами, а поехали на соединение с мазановским отрядом на Каничи. Конечно, и подводчики-крестьяне на каждом шагу делали все, чтобы замедлить продвижение японцев. В Верном и соседних деревнях японцы не могли получить подвод, так как мы их уже угнали, в силу чего японцам пришлось дожидаться, когда бочкаревские подводчики накормят лошадей. Да и в дороге — то чека окажется выдернутой и колесо спадет, то хомут вдруг распотрошится. Остановка за остановкой. Но больше

ЭР00809

всего у японцев ушло времени на установление связ
и соединение отряда с отрядом.

Часов в десять утра прибежал разведчик из Кани
чи и сообщил, что в деревню прибыли японцы. Почт
одновременно прибыл другой разведчик и сообщил
что из Верного по дороге на Каничи проехали япон
цы на подводах — «видимо-невидимо». Ага, так, мо
и есть — группируются!..

Решили итти в Маргаритовку на Гош и заблаго
временно занять позицию... Не хотелось задаваться
вопросом: а если не удержимся на Гоше, — тогда что
Запасов продовольствия и фуража у нас совершенно
не было. Пушкино, Паутовку и Маргаритовку еще
вчера объели. Уходя из Паутовки, партизаны грызли
сухие корки, собранные подчистую у всех жителей...

В Маргаритовке к нашему приходу крестьяне соз
дали свой отряд кавалерии, вооруженный самодель
ными пиками. Здесь удалось достать несколько буха
нок хлеба. Этот хлеб мы не съели сами, а приберегли
его для раненых.

На опытном поле были расположены очень хоро
шие постройки. В контору мы поместили раненых, в
остальных помещениях разместились партизаны. Во
круг построек были поля с неубранной картошкой.
Вскоре этой картошкой наполнили все котлы и стали
ее варить.

Уже в потемках открыли митинг. Ораторы обри
совали наше положение, подчеркивая, что дальше нам
итти некуда: за нами — непроходимая тайга, самые

ЭР00809

ближайшие селения — в пятидесяти-шестидесяти километрах, а мы и сейчас, мол, голодные, и переход по глухой тайге не вынесем, да и обувь наша развалится. Поэтому, пока мы еще не рассыпались, необходимо дать бой врагу. Если нам будет нелегко, то и врагу не легче: надо раз навсегда отвадить его гоняться за нами. Нужно дать почувствовать врагу, что мы — организованная сила, а не какая нибудь толпа вооруженных.

Прохоров горячо призывал партизан осознать положение, полностью использовать выгоду наших позиций и не отступать, не дав врагам основательной встрепки.

Командиры стали строить роты и приводить их в порядок. На заседании штаба и комсостава главкомом был назначен бывш. прапорщик Задерновский. В ротах были доизбраны взводные командиры взамен выбывших по ранению. Были розданы патроны. Трехлинейных патронов на каждого бойца пришлось штук по шестьдесят. Был также порядочный запас патронов к берданам и «итальянкам», к «Шошу» патронов было тоже мешка два.

Перевязали и немного подкормили раненых.

Несмотря на то что прошедшую ночь многие не спали, никто из нас ни на минуту не смыкал глаз: все выходили по очереди и прислушивались — не слышно ли где стрельбы. Все были настроены как-то приподнято и торжественно. Все знали, что завтра будет бой.

ЭР00809

ГОШСКИЙ БОЙ

... Чуть забрезжил рассвет. Трава, деревья и кусты покрылись пушистым инеем. Партизаны вздрагивали от забиравшегося под одежду холодка. Разожгли костры. Грелись...

Вдруг тишину утра разрезал звук далекого ружейного залпа. Затем послышалась беспорядочная трескотня одиночных винтовочных выстрелов. Пальба шла где-то около Паутовки. Всем стало ясно, что наши вступили в бой.

Раздалась команда:

— Первая рота, стройся!

— Вторая рота, стройся!

Все быстро построились и, взвод за взводом, рота за ротой, пошли к канаве, которая была первой от Маргаритовки.

Подбежал ординарец и доложил Задерновскому, что наша разведка ведет перестрелку с японской разведкой, а влево от Паутовки с фланга заезжает кавалерия, видимо, казаки.

Обоз и раненых, было велено отправить за лес, к сожженной японцами еще летом избушке. Невооруженные тоже пошли с нами. Я сделал распоряжения о приеме раненых, оставил лошадь на присмотр Афони и пошел на позицию.

Пехота редкой цепью разместилась по канаве, тянувшейся километра на полтора. На правом и левом флангах нашей цепи были непроходимо-топкие болота. Через эти болота нельзя было перебраться не толь-

ЭР00809

о конному, но и пешему. Канава когда-то служила
ля осушения лугов опытного поля. Стены ее от раз-
ыва были забраны досками метра в два вышиной, а
бвалы с бортов канавы образовали очень удобные
иши для укрытия. Вот по этим-то укрытиям и по-
таились наши партизаны. Кавалеристы же, оставив
шадей с коноводами у опушки леса, залегли в кочках с мелким кустарником и расположились гораздо
ще, чем пехота.

Выстрелы раздавались все ближе и ближе. Вдали
рахтели по шоссе тысячи подвод японского отря-
а. Разведчик донес, что подводам этим конца не
идно. Из-за реки Бирьмы за движением японцев на-
людал из лесу взвод кавалерии тов. Петрова; от них
акже сообщали, что подводам японцев не видно
онца.

Невольно дыхание останавливал страх: да сколь-
о же их едет? Неужели вся половина четырнадцатой
ивизии обрушилась на нас?!

А перестрелка все ближе и ближе; стреляют где-то
о ту сторону Маргаритовки. Вот замелькали по мелолесью наши кавалеристы; отступают организованно, то и дело отстреливаясь с коней. Они знают, что
ы сидим в канаве.

Мы машем им руками, показываем, чтобы они проскакали дальше за мост, переброшенный через канаву. Они так и сделали.

Следом за ними поодиночке вынырнули из кустарников человек десять конных тарбагатайцев. За ними

ЭР00809

еще и еще. Через мост тарбагатайцы бросились в г
лоп.

Мы рассыпались в стороны, попрятались за отв
лы канавы. Ну, эти попались в ловушку! Слева наш
разведка, залегшая во вторую канаву, открыла по з
рвавшимся бородачам-тарбагатайцам беглый огон
Тарбагатайцы сдали назад к нашей канаве. Мы да
залп... Из тарбагатайцев почти никто не уцелел. Н
ши кавалеристы ловили бегавших в перепуге лош
дей, снимали седла и оружие с убитых.

Увидев эту картину, японцы стали соскакивать
подвод и рассыпаться в цепи по обе стороны шосс
Поднялся невероятный шум и крики. Слышали
гортанные выкрики команды.

В редколесье показались первые цепи японцев,
дальше вторые, третьи. Цепи быстро развертывали
вправо и влево от дороги.

Командир Задерновский стоял с наблюдателями
моста. Вот двигаются первые цепи японцев, держ
ружья на-изготовку. Идут быстро, знают, что мы гд
то здесь, близко, но никак не предполагают, что в се
редине распадка, через который они направились
скрыта травой предательская канава.

Мы удивились их тактике. Идут в наступление ка
на строевых занятиях, цепь за цепью, и совсем на не
большом расстоянии: цепь от цепи — шагов на трид
цать, с интервалом стрелок от стрелка — не более ша
га. Вся долина распадка зажелтела, аж в глазах ря
бит!.. Наши стрелки, затаившись, выглядывают сквоз

ЭР00809

раву, а у самих от волнения и утреннего холодка зу-
ы пощелкивают. Японцы уже в каких-нибудь двад-
ати шагах от канавы.

Вдруг слышится резкая команда Задерновского:

— Па-тро-о-о-он!..

Дружный оглушительный залп разрезал тишину и
олго несмолкавшим эхом прокатился по дебрям тай-
и. За ним второй, третий, а дальше пошла стрельба
ачками.

Первые цепи японцев — как ветром сдуло. Кто
пал убитым, кто с испугу от неожиданного залпа.
ставшиеся в живых японцы стали отстреливаться, но
е долго пришлось им стрелять. Они были на чистом
есте и, если в них не попали первые пули — последу-
ющие сделали свое дело; одного за другим сажали их
а мушку партизаны.

Последующие цепи японцев, увидя такой оборот
ела, отпрянули к опушке, залегли в кустарнике и от-
рыли бешеный огонь. Теперь партизаны ловили на
ушку противника лишь тогда, когда из травы или
устарника высовывался красный околыш фуражки
понца.

По цепи последовал приказ: трехлинейные патро-
ы хранить, на далекое расстояние не стрелять, под-
ускать на верный выстрел.

А японцы все прибывали и прибывали на подво-
ах.

В трех-четырех местах затрещали пулеметы, заух-
ли беглым огнем семидесятипяти-миллиметровые тран-

ЭР00809

шейки. Поднялся такой гул, такая трескотня и кри
что ничего нельзя было расслышать, друг с дружко
объяснялись больше мимикой.

Японцы, сгруппировавшись в лесочке, бросилис
сразу тремя сплошными колоннами в атаку с крико
«банзай!..»

— Э, брат, это вам не на параде, — говорили парт
заны. Покамест — ты добежишь, я в тебя десять ра
успею выстрелить!..

Наши открыли по наступающим беглый огон
Один за другим на виду у нас падают, как подкошен
ные, японцы. Японские пулеметы буквально заливаю
нас свинцом. Земля с травой, вырванная пулями, кло
чками взлетает вверх. К нашему счастью, снаряд
траншеек почти совсем не рвутся; шлепнет в землю,
взрыва нет.

Японцы озверели, бросаются в атаку колонна з
колонной, вот-вот прорвутся к окопам. Но в это вре
мя подоспел на помощь наш «Шошь». Его веселы
«разговор» не понравился японцам. Приостановив ата
ку, они залегли на опушке редколесья и развили ура
ганный обстрел нашей линии ружейным и пулеметны
огнем.

Мы затаились в канаве. Вдруг по нашей цепи о
стрелка к стрелку пронеслось сообщение: японцы на
седают на наши фланги.

Глядим, действительно, на нашем левом фланге по
явились японцы. Наступают цепями, тащат по кочкам
пулеметы. Наша кавалерия подпускает их на верный

ЭР00809

стрел и встречает залпом, затем в пешем строю с иком: ура! бросается в наступление.

Японцы дрогнули, бросают раненых и два пулеме- с лентами, удирают в кусты. А наши, — вместо то-, чтобы скорее захватить пулеметы, — бросились под-рать брошенные японцами винтовки и ловить их шадей из-под сбитых офицеров.

Тем временем японцы подвезли пулемет и так че-нули по нашим кавалеристам, что те, потеряв сразу десяток человек убитыми и много раненых, разбе-ались кто-куда. Японцы вновь бросились с криком: нзай! и тут же захватили обратно свои, оставленные ыло ими, пулеметы, из которых также открыли силь-ый огонь.

Наша кавалерия вынуждена была отступить к опу-ке леса. Японцы тоже подались назад.

В это время левый фланг японцев предпринял об-одное движение для удара на наш правый фланг, но, аткнувшись на непроходимое болото с кочками око-о реки Бирьмы, вынужден был залечь и двигаться перед ползком. Это было замечено из-за реки взво-ом кавалерии Петрова; его взвод, спешившись, от-рыл из-за реки сильный огонь по наступавшим. Япон-ы поспешили отойти обратно в кустарник, и в даль-ейшем уже не предпринимали никаких передвижек, граничиваясь пассивным обстрелом нашего располо-кения.

По всему фронту наступило вдруг временное за-ишье; японцы не стреляли, мы тоже. Каждый вдруг

ЭР00809

почувствовал, что он голоден. Все стали строить планы, как бы наполнить желудки и утолить голод.

Как бы предвидя, что японцы так или иначе, но все же дадут нам возможность пообедать, — член штаба Высоцкий уже орудовал в обозе. Под его руководством большие чугунные котлы, следовавшие в обозе за отрядом, быстро наполнялись неочищенной картошкой вперемежку с кусками конского мяса.

Когда обед был готов, картошку вместе с мясом истолкли в крутое месиво; затем котлы с варевом быстро подвезли к опушке леса и отсюда в ведрах и брезентах стали разносить обед по окопам. Раздавали кому в фуражку, кому на полу шинели или пиджака. Ни посуды, ни ложек ни у кого не было, да и вряд ли кто о них вспоминал. А пища, что она собою представляла?.. Но, как говорится, голод — не тетка. Все с жадностью набросились на еду.

Но и во время обеда бой не утихал: нет-нет, — да и вспыхнет вновь перестрелка. В наших окопах как-то сам собою установился среди бойцов такой порядок обеда: один, спустившись на самое дно канавы, поспешно уплетает с помощью пятерни свою порцию, а другой в это время ведет обстрел японцев. Затем пообедавший товарищ сменяет стрелка, и тот в свою очередь опускается в канаву «отведать месива».

Такой же порядок установили и для того, чтобы покурить. До этого, в обстановке жаркого боя, было не до курения: ни один из бойцов-партизан ни на минуту не отрывал глаз от неприятеля; все дрожали,

ЭР00809

ервничали, а сейчас «обстрелялись», огляделись, да отбитые атаки японцев влили в бойцов бодрость и хладнокровие. Смущал лишь один вопрос — хватит ли патронов?

А японцы явно изменили тактику: от наступления они перешли к обороне и стали рыть окопы у Маргаритовки. Видимо японцы здраво оценили наши силы и преимущество наших позиций. На земляные работы по сооружению окопов японцы выгнали роту солдат красноярского гарнизона. Впоследствии мы узнали, что японские солдаты настойчиво требовали послать красноярцев в лобовую атаку на наше расположение, но японское командование, не надеясь на солдат красноярского гарнизона, не рискнуло ввести их в бой.

Рассказывали после, что командовавший боем полковник Сузузуки с гневом набросился на начальника Бочкаревской милиции: «Вы говорили, что у большевиков на двух человек одна винтовка и к ней по пяти патронов, а это что — пять?» — кричал он, указывая на наши позиции. И тут же снял голову шашкой злополучному начальнику милиции, а сам с яростью заорал команду о наступлении, бросаясь с оголенной шашкой от одной части к другой.

От наших наблюдателей это не ушло. Бывшие у моста партизаны-наблюдатели в группе Задерновского заметили Сузузуки, перебегавшего через шоссе с обнаженной шашкой.

Для наблюдающих стало ясно, что это главарь. И

ЭР00809

вот началось состязание на меткость в стрельбе. Це
лая цинковая коробка трехлинейных патронов был
выпущена по метавшемуся в ярости благородному са
мураю, но первенство досталось Задерновскому. В од
ну из перебежек Сузузуки, Задерновский посадил ег
на пулю. По нашим рядам прокатилось мощное —
ура!

Японцы еще раз попытались повести наступлени
на центр нашей цепи. Но теперь партизаны стреляли
еще с большей выдержанностью и меткостью. Первая
цепь целиком была уничтожена. Перед нашими око
пами уже было много трупов. Местами они лежали
грудами по нескольку человек. У нас же в пехоте пока
не было ни одного убитого. Да и раненых не более
пяти человек.

Среди раненых кавалеристов был командир эска
дрона Никитин. Кто принял команду кавалерией, я и
до сих пор не знаю. Но кавалерия попрежнему оста
валась непоколебимой и с успехом отражала врага.

Японцы стали заметно уменьшать огонь. Траншей
ки совсем замолчали. Но у нас положение было неза
видным: у некоторых партизан осталось штук по пя
ти патронов на винтовку, а некоторые и совсем рас
стреляли свои до единого. Было приказано стрелять
по одиночкам-японцам только из берданок и «итальянок», так как к ним еще был запас патронов, а трехлинейные патроны беречь на случай новых атак японцев.

Японцы, как впоследствии выяснилось, тоже сиде-

ЭР00809

ли почти без патронов, ожидая подвоза. Но патронов им так и не привезли. Из Свободного в помощь японцам была послана легкая батарея. Но она, узнав о большом уроне в японском отряде, дальше Каничей не поехала.

Наша тарбагатайская застава, пробравшись тайком до деревни Пушкино, вышла через дорогу Каничи — Паутовка за реку Бирьму. Японцы, получив сведения, что в тылу у них прошел отряд красных, стали отступать (но об этом, к сожалению, мы узнали после). Наши тоже, как только стало темнеть, в виду того, что патронов осталось мало, поднялись постепенно уходить из канавы, усилив стрельбу по расположению японцев.

Между тем, стрельба со стороны японцев совершенно прекратилась. Мы посчитали, что японцы готовятся в темноте ночи повести на нас атаку в штыки, и поспешили скорее уйти.

Лазарет и обоз, а также все невооруженные партизаны были двинуты еще засветло. Направление мы взяли через глухую тайгу на реку Томь. Нужно было без дороги по болотам и марям проехать по тайге километров шестьдесят. Проводником был один партизан из местных охотников, знавший хорошо эту местность...

Когда японцы стали отступать, один из маргаритовских крестьян, старик лет шестидесяти, полез через зыбкую непроходимую марь к нам с сообщением. Но бедняга не мог достигнуть цели, запутавшись в ка-

ЭР00809

мышах и бесчисленных мелких озерах. Если бы только он своевременно пробрался к нам и сообщил об отступлении японцев, то, кто знает, как развернулись бы дальнейшие события. Во всяком случае, у нас хватило бы мужества дать бой отступающим японцам.

Но и так мы дали им хороший урок. У них выбыло из строя только убитыми семьсот человек и не менее тысячи ранеными. С нашей стороны участвовало в этом бою не более восьмисот-девятисот человек, а японцев с белогвардейцами было около пяти тысяч человек. Бой продолжался с пяти часов утра до семи часов вечера, т. е. четырнадцать часов, и какой еще бой! Об успехах Гошского боя заговорило все трудовое население Амурской области...

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

В полночь мы остановились в глухой тайге, расположив обоз кольцом. Здесь стали подсчитывать наши потери в последнем бою. Выяснилось, что у нас шестнадцать человек убитых и тридцать шесть раненых.

Всего раненых у нас стало теперь сорок восемь человек, при чем один из них был болен сыпным тифом. Я сильно беспокоился, что этот сыпнотифозный может распространить эпидемию в отряде, но его девать было некуда. Очень трудно в походе было за ним присматривать; в горячке он соскакивал с телеги и все порывался куда-то бежать. Парень был сильный и справляться с ним было не легко.

ДВГНБ

ЭР00809

Ночь провели тревожно, все время опасаясь, что за нами может быть погоня. Оставшиеся для прикрытия два взвода кавалерии ничего не могли выяснить в темноте. Доносили, что на оставленной нами позиции стоит мертвая тишина. Мы никак не думали, что японцы отступили. Мы предполагали, что с наступлением рассвета японцы, обнаружив, что нас нет, бросятся за нами в погоню.

Еще до света двинулись в путь. Обоз состоял из двадцати подвод. Нашим возчикам-крестьянам приходилось переносить лишения наравне с нами. Они не думали попасть в такое продолжительное мытарство, и не взяли с собой ни фуража, ни провизии.

По таежным марям много росло голубицы. Крупными гроздьями она росла всюду, куда ни посмотри. Вполне созревшая, после ударившего ночью морозца она была вполне терпима на вкус. Все набросились ее кушать. — Товарищи, не ешьте, все повалитесь, она опьяняет! — Знаем, — отвечали. Но все с жадностью пожирали ягоду горстями. И, действительно, голубица сделала свое дело. Один за другим слегли ребята, открылась рвота, головокружение. Многих пришлось подбирать на подводы, а лошади и так еле тащили телеги.

Обоз и войска растянулись километров на пять. Часть кавалерии двинулась вперед с намерением скорее достигнуть жилого места, чтобы подать встречную помощь подводами и продовольствием.

Уже километрах в пятидесяти от нашей ночной

ЭР00809

стоянки догнал нас кавалерист Коренев, сообщивший, что японцы к утру удрали все. Они, видимо, еще ночью обнаружили наше отсутствие, так как собрали почти всех побитых у нашей позиции. Через Маргаритовку проследовал обоз с трупами убитых.

Коренев также сообщил, что застава от Тарбагатая соединилась с кавалерией, бывшей в прикрытии, и сейчас они совместно собирают оружие и патроны, разбросанные японцами, а также ловят оставленных ими лошадей.

На душе отлегло. Стали совещаться, что делать, куда двигаться: или итти дальше, или повернуть обратно. Решили двигаться дальше, так как мы были уже на полпути, да, к тому же, и часть отряда продвинулась гораздо дальше, чем за половину дороги, в особенности — кавалерия. Если мы вернемся, то отряд может разделиться: часть будет около Томи, а часть в Маргаритовке; к тому же не исключена возможность, что японцы, получив подкрепление, бросятся за нами в догонку.

Решили двигаться дальше.

На ночлег остановились часов в пять дня у перешейка двух громадных озер. Через перешеек пробрались без всяких трудностей, благодаря осведомленности проводника. Здесь мы развели большие костры, так как чувствовали себя вне всякой опасности. Добили несколько раненых лошадей, взятых с позиции. Зашипели бесконечные шашлыки, нанизанные на палочки и шомпола. Но не очень вкусным показалось

ЭР00809

мясо без хлеба и соли. Для раненых мои сестрицы сохранили еще буханки две хлеба и несколько щепоток соли. Вскипятили чай, разрезали на кусочки остатки хлеба и роздали его раненым, которых мы разместили около разведенных костров. Вскоре все раненые забылись сном. Один только сыпнотифозный метался, причиняя беспокойство окружающим...

Рано утром мы двинулись дальше. Километрах в десяти от деревни Талый Ключ, расположенной около реки Томь, нас встретили крестьяне, везшие раненым хлеб, масло, жареных куриц, яйца и пр. Встречавшиеся им на пути наши партизаны ничего не взяли, несмотря на то, что все были до отчаяния голодны. Напротив, они торопили: — Скорее везите все раненым... Получив от приехавших крестьян продукты, мы роздали их раненым, и здесь (через трое суток!..) получили, наконец, возможность перекусить немного сами.

Часам к двенадцати дня прибыли в деревню. Для раненых было предоставлено помещение, с постланной на полу соломой; кладовая школы была полна всякой снеди.

Перед приходом партизан, как только было дано знать об этом нашей конной разведкой, крестьяне наловили в озере рыбы, которая вскоре очутилась на сковородках. Хозяйки хлопотливо готовились к встрече бойцов.

На следующий день, отдохнув и подкрепив свои силы, кавалерия и пехота стройными рядами двину-

ЭР00809

лись с песнями в Верное. Из деревни, где мы отдыхали, к нам в лазарет попросилась в сестры милосердия девушка Поля, которая, конечно, была принята нами. Несколько человек, приведших с собой лошадей, поступили в наш отряд кавалерии.

В Верное мы зашли не сразу, а проехали через деревни Озерную и Державенку на Каничи.

Разведывательные отряды, рассылавшиеся нами во все стороны, сообщили, что у Мазановой, Бочкарево, Белоногово и Тарбагатая — неприятеля нет.

БЕЛО-ЯПОНЦЫ РАСПРАВЛЯЮТСЯ

Видя рост нашего влияния и вооруженных сил и чувствуя свою неспособность победить нас в открытом бою, японцы и белогвардейцы решили парализовать наше движение путем жестокого террора.

В Верном нам рассказали о следующих душу леденящих фактах бело-японской расправы над беззащитным населением.

В селе смешанный бело-японский отряд. Несколько японцев заходят в один двор и у крыльца дома находят пустые винтовочные гильзы. Надо сказать, что дней за пять-шесть до этого у села была перестрелка партизанской разведки с японским отрядом; тогда-то ребятишки и насбирали гильз.

Малыш, завидев японцев, бросил гильзы у крыльца и вскочил в хату поскорей сообщить новость «приехали японцы». Отец, не придав никакого значения словам сына, спокойно продолжал чинить хомут. Но

ЭР00809

неожиданные «гости» в лице хозяина дома видели захваченного большевика-партизана, который стрелял в них прошлый раз. «Ишь, сколько гильз настрелял!..».

Испуганного хозяина вывели во двор и, показывая на гильзы, начали истязать. Выламывают руки, бьют прикладом по голове. Тот плачет, целует их ноги и крестясь клянется, что он не знает, откуда взялись эти гильзы.

Жена и дети, громко плача, упрашивают японцев пощадить отца и мужа. Куда там!.. Прикладами их загоняют в дом, а хозяина, истерзанного до неузнаваемости, уже потерявшего сознание, расстреливают.

Отнявши одну жизнь, японцы пошли дальше искать новые жертвы.

Обезумевшая жена убитого, ломая себе руки, с ревом мечется по избе. Отчаянным воплем ей вторят трое малюток детей.

Односельцы, наблюдавшие издали за расправой, жалеют женщину, но никто не решается пойти к вдове, утешить ее и чем-нибудь подсобить.

— Мама, мама!.. Ой, тятю чушка теребит!.. — вдруг закричали дети, заглянув в окно.

Отчаявшаяся женщина выскакивает из дому и с нечеловеческим вскриком падает на труп обезображенного мужа.

Несколько соседей не выдержали — решились на самую крайность: подошли к ней. Они пытаются внести труп в сарай, чтобы похоронить, когда уедут каратели.

ЭР00809

Палачи тут как тут. Бегут, кричат, ружья на-перевес, щелкают затворами. На смельчаков посыпались удары.

Все бросились врассыпную. Осталась только жена убитого.

Японцы горячатся, кричат:

—,Эы! Эы! Бурсувику..! — остервенело тычут в живот убитого штыками. — Бурсувику собака. кушай бурсувику собака!..

Этим они пытаются сказать, что большевик — собака и пусть его кушают собаки. В последнем приливе ярости женщина плюет в глаза японцам. Взбешенные варвары бьют ее прикладами и за длинные волосы втаскивают в дом.

Пораженные такой циничной наглостью, соседи осмелели, кричат:

— Японски!.. Аната! Худана... Нехорошо!..

Те, не обращая внимания, живо притащили из огорода соломы, обложили ею дом и зажгли.

Ветер раздувает пламя. Вот оно уже охватило сенцы и терассу. Затравленная женщина хватает детей. кого на руки, кого за руку и сквозь пылающий огонь выскакивает на улицу. Двое японцев, выставив ножевые штыки, преграждают ей дорогу, толкают обратно в пламя. Женщина мимикой и жестикуляцией объясняет, что она только отведет детей в соседний дом. Палачи неумолимы, они придумали новую шутку: не разрешают сойти с места. А на улице тридцатиградусный мороз. Под голыми детскими ноженками все

ЭР00809

глубже протаивает снег. Дети дрожат от холода, а сзади неумолимо ползет огонь...

По деревне проскакали вооруженные верховые.

— Ай, батюшки! Никак тарбагатайцы!.. Вот горюшко! — всплескивая руками, завопили по домишкам крестьянки.

Всадники спешивались и заходили в дома. Это действительно были тарбагатайцы, жители соседнего старообрядческого села. С первых дней падения Советской власти на Амуре и прихода белогвардейцев и японцев, они почти поголовно добровольцами выступили «в помощь Исусову войску, для борьбы с антихристами», и организовали особый отряд. О их карательных экспедициях мрачная слава шла по всему Амуру.

Тарбагатайцы мигом рассыпались по деревушке. Заходят в дом.

— Где мужики?

— А какие у нас, батюшка, мужики? — отвечает шестидесятилетняя старуха. — Вон один старик в огороде, а два сынка в Ермании в плену. Вон молодушка солдаточка, старшенького жена... — указала словоохотливая старуха на возившуюся у печки молодуху.

— Врешь, старая стерва!... — казацкая плеть больно ожгла старуху по спине. Она, в ужасе вскрикнув — «Батюшки, за что?» — без памяти грохнулась на пол.

Молодуха бросилась к соседям. Не успела, задыхаясь рассказать о случившемся, как тарбагатайцы

ЭР00809

уже вбежали во двор и с матерной руганью стали та рабанить в закрытую дверь.

Все в ужасе замерли.

На кровати лежала женщина. Она несколько часо назад родила мальчика. Старуха-повитуха возилас возле ребенка, а соседка-солдатка боязливо прижа лась к печи.

Дверь летит с петель. Заходят. Здоровенные, длинными патриаршими бородами. В руках нагань винтовки и плети.

— Где мужики? — громогласно изрекает один и хранителей старой веры.

— На покос уехали... — чуть внятно отвечает по витуха.

—Врешь, к красным небось удрали!.. А ты чево ле жишь? — рявкнул он на родильницу...

— Я... товарищи... только-что родила...

— Аа, товарищи?!! Врешь, гадина! Под ней навер ное лежат винтовки. Сбрасывай ее!

И родильница, обливаясь кровью, летит на по Лежавший на подушечке рядом с матерью, новорож денный, как бы протестуя против насилий над ма терью, издает несмелый писк.

— Тоже большевик!.. — Зверь-человек схватил ма лютку за ножки, размахнулся и ударил его головенко об пол. Желтовато-кровяные мозги залепляют лицо матери, без сознания лежащей на полу.

Забрав, что поценнее, — швейную машину, само вар и тулуп, — тарбагатайцы направляются дальше.

ЭР00809

Испытав на себе все прелести бело-японского гне-
жители с Верного и других окрестных сел неска-
нно образовались нашему возвращению.

Они охотно и быстро исполняли все наши предло-
ния. Поставляли в нужном количестве продоволь-
вие и фураж. Чередуясь между селениями, выстав-
ли нам подводы.

Каждый день к нам прибывали вооруженные пов-
нцы, из которых формировались новые части, за-
мавшие новые боевые участки. Из д. Горки при-
ел к нам учитель тов. Панкин с сыном и несколь-
ми односельчанами, вооруженными берданами и вин-
вками. С Суражевских мельниц и заводов стали
дходить десятками вооруженные рабочие, которые
инесили с собой, кто медикаменты, кто марлю, кто
нцпринадлежности и бумагу, кто просто кусок ма-
фактуры или пуд сахару для лазарета. Тов. Мила-
ыч, рабочий Суражевской мельницы, ухитрился ка-
им-то образом достать и доставить к нам целый
щик медикаментов.

Дальше стали прибывать и солдаты — перебежчи-
и из колчаковских частей. Они рассказали о разло-
ении колчаковских войск, которые по линиям же-
езных дорог опасались ездить, ожидая на каждой
ерсте крушения.

Наше командование и штаб стали пополняться
троевыми и политическими работниками.

Вскоре мы установили связь с другими районами.

ДВГНБ

ЭР00809

Как выяснилось, во втором районе имелось несколь
действующих отрядов, из которых более крупны
являлись: «Старика» человек до тысячи; «Черный
рон» — человек семьсот, «Ивано-вознесенский» — пя
сот; «Красный Орел» — пятьсот и другие мелкие
ряды и команды общей численностью до пятисот
ловек. В третьем районе оперировали: отряд Воро
ева человек пятьсот, в том числе двести пятьде
амурских казаков: отряд Аксенова — семьсот; Архар
биджанский — пятьсот и ряд мелких отрядов и кома
В четвертом районе: отряд Громова (Круглова) че
век пятьсот, отряд П. Иванова в триста сабель; от
Кошелева — четыреста человек, отряд Дудина — три
человек и мелкие отряды, насчитывающие до трех
бойцов.

Была установлена связь с хабаровской групп
партизанских отрядов. Из Забайкалья имелось со
щение о развернувшемся там сильном партизанск
движении.

Вообще, что ни день поступали сведения о воз
кающих по всему краю новых партизанских от
дах и их боевых успехах.

Почти из всех районов мы получали предложе
созвать конференцию представителей всех действу
щих отрядов, для выработки общего плана дейст
и назначения (вернее выбора) единого главного ком
дования.. Эту конференцию предлагали созвать в
шем районе. Нам пришлось взять на себя заботы
обеспечении делегатов продовольствием, помещен

ЭР00809

фуражом. Надо было заняться выбором безопас-
о места для работ конференции.

Сентябрь был на исходе, стали наступать холода.
до было побеспокоиться о зимнем обмундирова-
для десятка тысяч партизан, вынужденных прово-
ь зиму в тайге.

Вглубь тайги послали отряды охотников, для снаб-
ния армии мясом и шкурами зверей. Специальные
ди отправились в охотничьи районы для скупки и
ра, как готовой меховой одежды, так и звериных
урок. Организатором всего дела был выделен тов.
етнев, который с честью справился с ним. Органи-
анные при хозяйственной части портняжная и са-
кная мастерские тоже работали не покладая рук.
, что можно было, перечинили, подремонтировали
пошили много нового. Очески льна и конопли заме-
ли вату и шерсть. Домотканый деревенский холст
екрасно заменил сукно.

Через месяц бойцы щеголяли в козульих дошках,
тах, шапках и рукавицах.

После боя под Гошем японцы и белогвардейцы за-
ились и не беспокоили нас. Это дало нам возмож-
сть часть партизан из ближайших сел отпустить на
орочные работы, а часть послать в селения для по-
ола муки, заготовки фуража, продуктов и проч. для
ртизанских отрядов.

Из городов стали поступать к нам: оружие, бом-
ы, патроны, медикаменты, перевязочные средства,
еньги. Подпольная группа большевиков г. Свободно-

ЭР00809

го прислала несколько пудов типографского шриф
для организации фронтовой партизанской га
ты. Саша Сафронов (по кличке «Пулемет») с пом
щью Игнатьева и других взялся за оборудование н
шей походной типографии. Этот Саша Сафронов в
обще был мастер на все руки. Им так мастерски к
пировались штемпеля и печати разных белогварде
ских учреждений, что с «выданными им» документ
ми, можно было смело разъезжать по железной дор
ге и городам.

Мы этим широко пользовались и заезжали по
видом кооператоров на разведки далеко в тыл н
приятеля.

Когда была налажена походная типография, ста
выпускать бюллетень фронта и разного рода воззв
ния.

Расширили оружейную мастерскую, наладившу
набивку трехлинейных и берданочных патронов. Ср
зу столкнулись с отсутствием гильз. Обратились с во
званием к населению и вскоре стали получать гильз
целыми мешками.

В лазарет вернулись, оставшиеся в Пушкино сестр
милосердия Наташа Круторогова и Паша Тюпина. Ч
рез некоторое время после них прибыла тов. Фомин
Варвара.

Она вступила в отряд еще во время его зачато
чного состояния. Когда наши отряды под давлени
превосходящих сил противника, стали отступать, Фо
мина вместе с ранеными товарищами была завезен

ДВГНБ

ЭР00809

глухую таежную землянку. Через несколько дней они очутились перед угрозой голодной смерти. Самоотверженная женщина не упала духом. Она отправилась в поиски селения и, проплутав в тайге двое суток, вышла к небольшой деревне, расположенной в противоположной стороне от неприятеля. Там нашла сочувствующих товарищей, с помощью которых и наладила постоянное получение продуктов и всего необходимого для раненых партизан. За три месяца пребывания в тайге она несколько раз выходила в жилые места для получения необходимого для своего таежного лазарета.

Окруженная партизанами тов. Фомина рассказывает:

— Таскала, как волчица своим щенкам... Куда и страх девался! Ни медведей, ни волков не боялась... Боялась лишь одного, как бы не заблудиться в тайге и не оставить ребят голодом. Догадалась — сделала затесочки на деревьях. По ним стала ходить свободно...

Понятно с какими «силами» прибыла к нам тов. Фомина. Но отдыхать было некогда и она с тов. Крутороговой повела самую энергичную работу по развертыванию деятельности лазарета. И другие сестры были на высоте своего положения. Кому, кому, а партизанским сестрам милосердия должно быть отведено почетное место в истории гражданской войны на Дальнем Востоке.

ЭР00809

РАЗГРОМ ТАРБАГАТАЯ

В последних числах октября в здании Державенской школы собралась долгожданная конференция представителей всех действующих партизанских частей Амурской области. На конференции присутствовало человек семьдесят. Здесь были: тов. Степан Шилов, тов. Власик (руководитель первого Мазановского восстания), тов. Яценко (быв. заместитель Мухина), Бородавкин, Безродных, Аксенов, Юшкевич (конференцией избран главкомом). Многие из товарищей здесь увиделись впервые после вынужденной эвакуации Благовещенска.

Точно повестку конференции не помню. Сохранилось в памяти, что самым главным вопросом конференции было решение о наступлении на с. Тарбагатай на р. Томь и с. Угловое по р. Селемдже, так как эти селения, в которых находились белогвардейские и японские гарнизоны, очень далеко вклинивались в районы наших действий и мешали нам.

Работы конференции продолжались три дня. Прямо с конференции делегаты выехали к своим отрядам с приказом немедленно стягиваться к Тарбагатаю.

Через два дня после конференции, части, расположенные в с. Верном, выступили к Тарбагатаю. Вслед за ними выехал и я с лазаретом. Оставив лазарет в д. Озерной, я проследовал в д. Соминку, которая была полна стянувшимися сюда отрядами первого района.

Морозным утром со стороны д. Листвянки, что

ДВГНБ

ЭР00809

в семи километрах южнее Тарбагатая, послышалась частая оружейная пальба. Как мы узнали позднее, это отряды «Старика» и «Черный ворон» вели бой с листвянцами-старобрядцами, составлявшими как бы отделение тарбагатайцев. Они — человек сто двадцать вооруженных старообрядцев — заселенную ими часть деревни изрыли окопами и опутали колючей проволокой. Но эти довольно сильные укрепления не могли сдержать напора вооруженных партизан: внезапным налетом из тайги судьба контрреволюционных листвянцев была решена в каких-нибудь полчаса.

К вечеру все выделенные для наступления отряды подтянулись полукольцом к Тарбагатаю, почти соприкасаясь своими флангами.

Чтобы не дать тарбагатайцам возможности послать кого-нибудь за подкреплением, вокруг села была выставлена сплошная цепь кавалерии.

Тарбагатайцы, видимо зная это, притаились и не предпринимали попыток первыми пойти в наступление. Свои окопы и заграждения они под руководством японских офицеров готовили все лето, по всем правилам военной техники, с волчьими ямами, с блиндажами, бойницами из камня и ходами внутреннего сообщения. Помимо этого они были связаны с японским отрядом, помещавшимся рядом с селом, в хорошо укрепленных бывших переселенческих бараках.

Еще засветло мною было подготовлено все необходимое для принятия раненых.

В каждую часть было направлено по два-три са-

ЭР00809

нитара с запасами перевязочного материала. Под центральный перевязочный пункт была облюбована паровая мельница с постройками, стоящая на отлете от села. Для перевозки раненых после первой перевязки до фронтового лазарета и дальше, было поставлено необходимое количество подвод. Кроме того каждый отряд самостоятельно подготовил для перевязки раненых свои подводы.

... Время до потемок тянулось невообразимо медленно. Притаившиеся люди замерзали.

Через полчаса далеко справа щелкнул одиночный выстрел.

— Пошли! Пошли.. — шопотом передавали партизаны друг другу слова команды.

А еще через секунду резкий гром прорезал тишину ночи и молния вспыхнула яркой змейкой по ту сторону р. Томь. Это отряд Старика вступил в бой.

Со стороны тарбагатайцев послышалась команда «пли». Ее опередил партизанский залп.

Ружья щелкают, пулеметы трещат, бомбы ухают, собаки лают, коровы мычат, куры кудахчут... Вспыхнуло зарево, за ним другое. Загораются тарбагатайские дома.

Перестрелка все больше удаляется от берега вглубь села.

Ординарцы доносят в штаб:

— Отряд Старика ворвался в село!..

— Главком Юшкевич идет впереди, забрасывает в дома бомбы...

ЭР00809

Стали поступать раненые. На рассвете я снарядил десяток подвод с ранеными и поехал в Озерную.

Всходило солнце. Половину неба застилали тучи черного дыма от горевшего Тарбагатая...

ПОБЕДА „НЕУСТРАШИМОГО"

Однажды японский бронепоезд, курсирующий по железной дороге, заметил в д. Осиновой нашу кавалерию и стал обстреливать ее беглым орудийным огнем. Командование кавалерии решило захватить бронепоезд. Отвели части в лес, спешились и повели наступление с двух сторон.

Японцы тоже высадили небольшой отряд, который под прикрытием артиллерийского огня повел наступление на деревню. Партизаны немедленно вступили с ним в бой, в котором весь японский отряд целиком был уничтожен. Бронепоезд, догадавшись, очевидно, о наших намерениях, спасся бегством.

После сражения штаб, предполагая, что вслед за отрядом и бронепоездом, пожалуют более крупные силы неприятеля, распорядился эвакуировать лазарет и обоз в д. Державенку, на двадцать верст далее от от с. Верного.

В д. Державенке ко мне приехали односельцы Мих. Коротков и Федор Курочкин и попросили совета как им поступить: пойти ли всем желающим из селений Бельской волости в наши отряды или организовать свой отряд. Мы посоветовали им организовать свой отряд и дали указания, что и как нужно ему делать.

ЭР00809

Лично я посоветовал им разыскать и пригласить командиром отряда бывшего со мной в тюрьме и бежавшего из под расстрела тов. Урядникова. Но, увы, тов. Урядников погиб бесславной смертью еще летом. Находясь на нелегальном положении, он нечаянно во время работы обрубил себе ногу. Оказать медпомощи было некому. Произошло заражение крови, и он умер на одной из заимок д. Сергеевки.

По возвращении делегатов в с. Семиозерское в течение суток организовался отряд в двести пятьдесят сабель, названный «Неустрашимым». Командиром отряда был назначен Ст. Перцевой, нач. штаба Ник. Шолохов, зав. лазаретом, он же член штаба С. И. Меркулов. Последние двое — большевики — были фактическими организаторами этого отряда.

Отряд «Неустрашимый» вскоре пополнился прибывшими из Благовещенска рабочими и насчитывал уже четыреста человек, исключительно кавалерии. Он имел крупные бои с японцами и так расхлестал их, что они, убегая на подводах, растеряли всю свою аммуницию. Одних одеял было собрано несколько ворохов!

Приходили известия, что отряды «Старика», «Черный ворон», «Беспощадный» и Ивано-вознесенский также имели крупные победные бои с бело-японцами. Отряд «Беспощадный» между двух селений зажал японскую экспедиционную группу, окружил и взял ночью на выморозку. Утром полузамерзшие японцы были без выстрела добиты прикладами.

ЭР00809

На нашем участке наступило затишье. Штаб развернул среди населения большую организаторскую и разъяснительную работу. В течение нескольких месяцев мы были здесь единственной законной властью. Приходилось разбирать все гражданские дела, вплоть до бракоразводных.

Пользуясь затишьем, решили всех раненых отправить в тыловой лазарет на Гош, где были хорошие помещения и находились наши лучшие медицинские силы: фельдшера Столяров и Тюпин. Эта поездка была сопряжена с большими опасностями, поскольку надо было проезжать через села, в которых находились белогвардейские отряды.

Поехали я, сестры Фомина и Круторогова, санитары Брюханов и Додонов, четырнадцать больных и два сопровождающих нас кавалериста.

ТАЕЖНЫЙ ПЕРЕЕЗД

...Помчались во всю прыть. Только слышен скрип полозьев, да на ухабах вскрики раненых.

Не доезжая верст пяти до д. Пушкино, обоз остановился. Меня попросили к передним подводам.

Сестра милосердия тов. Фомина сказала мне:

— А не лучше-ли, тов. Вшивков, отвезти раненых в ту землянку, где я скрывалась летом? Вот этот проследок идет прямо к ней. Я боюсь, как-бы все-же нас не догнали...

Я с радостью ухватился за ее предолжение. Ночью за нами гнался какой-то казачий отряд. Утром он

ДВГНБ

ЭР00809

мог нас догнать. Кроме того для тяжело-больных Гош был небезопасен.

Недолго думая разделились. Сестра Фомина, санитары Брюханов и Додонов вместе с двенадцатью ранеными отправились в таежную землянку. Им выделили большую часть продовольствия, медикаментов и перевязочных материалов.

Двое раненых не пожелали туда ехать. Я их и сестру Круторогову взял на Гош. Нас сопровождали двое кавалеристов.

...Часам к восьми утра мы добрались до д. Маргаритовки. С нами была одна подвода с ранеными, две с продовольствием и две с медикаментами.

Кавалеристов я послал предупредить лазарет на Гоше, а сам задержался в деревне, намереваясь здесь сменить подводы и отпустить возчиков домой. Ехать с ними до лазарета я боялся, так как они, возвращаясь домой, могли встретиться с белыми и выдать местопребывание лазарета. А маргаритовские жители были надежные.

Не успели мы обогреться, как нам сообщили, что по дороге к деревне показался какой-то кавалерийский отряд.

Вмиг раненых увели куда-то прятать. Продовольствие и медикаменты помчали прятать в стога сена на покосе. Сестра Круторогова быстро напялила на себя деревенский сарафан и преобразилась в молодуху. А я один ускакал в тайгу.

Въехав в тайгу, я стал в бинокль наблюдать за

ДВГНБ

ЭР00809

приближавшимся к деревне отрядом и когда он выехал на чистое место, узнал казаков.

Поехал по тайге, направляясь на д. Степное, которая была в сорока верстах от Маргаритовки. Сперва я подгонял лошадь, но потом она, обессилевшая, не слушая понуканий еле шла по глубокому снегу. И она и я были голодны.

Прошел день и снова наступила ночь. Я ехал не зная, где нахожусь.

Уже в потемках наткнулся на старую шоссейную дорогу. Вспомнил, что эта дорога, хотя и малоезженая, но идет от Маргаритовки на Степное. Поехал по ней.

Одежонка на мне плохая, а мороз крепчает.

— Неужели придется замерзнуть в тайге? — думаю я.

...На рассвете еле живой, добрался до выселков около с. Степного. Хозяин квартиры, куда я заехал, оказался своим человеком. С его помощью я повидался с сельским военным организатором. К вечеру в Маргаритовку на паре лошадей выехал человек выручать сестру Круторогову и раненых. И на другой же день благополучно доставили их из невольного плена.

Я запрег лошадь в сани и худую сбруенку, подвязал оружие под сани и мы в ночь двинулись в дорогу.

Ехали верст девяносто по глухой тайге.

Через три дня, в д. Чагаян, что по р. Зее, мы повстречались с тов. Патрушевым, ехавшим с делега-

ДВГНБ

ЭР00809

тами от селений на нелегальный областной съезд в с. Ромнах. Он передал мне два воза медикаментов, взятых ими в фельдшерских пунктах по р. Зее и велел ожидать особых распоряжений от областного съезда.

Я, сестра Круторогова и тов. Осипов, ехавший с медикаментами, остановились в д. Стромилово по р. Зее ожидать дальнейших распоряжений.

На исходе десятых суток, ночью приехал связист и передал мне пакет. В нем сообщалось, что Областной Ромненский съезд выбрал областной исполнительный комитет во главе с С. Шиловым и назначил Илью Безродного главкомом всех партизанских отрядов. Мне, — назначенному облисполкомом зав. областным партизанским лазаретом и председателем медицинского совета, — предписывалось взять медикаменты и следовать до д. Грамотухи, где нас ожидал отряд кавалерии.

В д. Грамотухе мы немедленно погрузились на приготовленные подводы и ночью двинулись в длинный путь, не менее двухсот верст, по малонаселенной, таежной местности.

На четвертые сутки мы прибыли в д. Беляковку. В сорока километрах от нее находился таежный областной партизанский лазарет, а в пяти километрах далее вглубь тайги, типография и редакция таежной газеты «Красный клич».

Здесь я прочитал впервые нашу родную многотиражку.

ЭР00809

Из д. Беляковки мы должны были на следующее утро, уже без охраны, выехать в лазарет.

Вечером я сидел при свете слабого огонька деревенской коптилки и строчил донесение главкому. Вся комната сплошь была заставлена ящиками с медикаментами.

На полу вповалку храпели партизаны. Тов. Круторогова свернулась на ящиках.

В дом вошел закуржавевший от мороза вооруженный партизан, который, снимая с усов сосульки льда, проговорил:

— Борис приехал!

По тону речи я понял, что «Борис» пользуется особым уважением партизан.

Из расспросов я узнал, что Борис — это редактор «Красного Клича» тов. Добровенский, который только что прибыл в сопровождении нескольких кавалеристов из какой-то поездки.

Я направился к нему. Входя в дом, я увидел за столом смуглого мужчину средних лет, с небольшой клинышком бородкой. Он был одет в большой черный овчинный тулуп, валенки и шапку ушанку. Из под распахнутого тулупа виднелся заношенный костюм и через плечо ремень от револьвера.

Перед ним, положив руку на кучу покупок, лежавших на столе, стояла молодая женщина. Тут было несколько кирпичей китайского чаю, три стопы писчей бумаги, куска два белой материи и какие-то кулечки и сверточки. Я узнал, что эта женщина посылалась

ЭР00809

Борисом в разведку в местности, занятые японцами, и на обратном пути купила кое-что для лазарета.

Окончив разговор с женщиной, Борис обратился ко мне:

— Садитесь, товарищ...

Я отрекомендовался. Он очень обрадовался моему приезду. И тут же стал рассказывать мне о состоянии областного лазарета, которым он до сего времени заведывал.

Далеко за полночь затянулась наша беседа. Борис хорошо был осведомлен о ходе политических событий и из его рассказов я узнал, что мы накануне победы.

В ТАЕЖНОМ ЛАЗАРЕТЕ

Рано утром 23-го декабря 1919 г., я, сестра Круторогова и Осипов выехали в лазарет, куда и приехали к вечеру.

Лазарет был организован на бывшем дегтярном заводе. Сперва раненые находились в одном бараке, а в землянке размещался обслуживающий персонал. Потом партизаны наспех срубили еще три барака. Вместо моха в пазы была наложена ветошь сухой травы. Крыш не было, прямо на потолки насыпана земля. Вместо стекол в окнах была натянута белая материя.

Внутри посредине каждого барака были большие железные печи, а вокруг них тянулись во все стены общие двойные нары.

ДВГНБ

ЭР00809

В момент нашего приезда в лазарете находилось сорок больных. Лежа вместе с тифозными поголовно все перезаразились, и лазарет превратился в настоящие заразные бараки.

Медперсонал лазарета — два фельдшера тов. Гоммер и тов. Червяков, сестры Паша из д. Беляковки и Суражевская Шура — тоже лежали в сыпном тифу. В землянке помещалось человек восемь санитаров, но из них только Миланыч и Шура (фамилию забыл) были здоровы, остальные лежали в тифозном бреду.

Всю первую ночь напролет я готовил порошки жаропонижающего и обходил бараки, переменяя лед у горячечных.

Настало утро. Тов. Круторогова встала с нар и ужаснулась. Почти все ее одеяло было вымазано липким вонючим гноем, бежавшим из раны товарища, лежавшего над ней на нарах.

Отчаиваться некогда. Принялись за работу. Я за перевязки и раздачу лекарств, а тов. Круторогова с санитарами (вернее с одним тов. Миланычем) стали на дворе кипятить воду в больших чанах, употреблявшихся когда-то для распаривания колесных ободьев.

Когда была готова вода, сняли с больных одежду и постельные принадлежности, кишевшие мириадами вшей, и заложили их в чаны.

Вшей было невообразимо много: в одежде, на нарах, ими было покрыто все тело больных. Тов. Круторогова вооружилась ножницами и, не стесняясь наготы, стала с тела больных срезать волосистую расти-

ЭР00809

тельность. Из молодежи кто был в сознании и силах, кое-кто смущенно смеялся, но пожилые смотрели серьезно. Один даже навзрыд заплакал и растроганно сказал:

— Откуда тебя, нашу спасительницу, господь послал?!.

Покончив со стрижкой, принялись всех умывать, а дальше убирать и дезинфицировать помещения.

После бесконечной усиленной работы мы совершенно выбивались из сил и засыпали, свернувшись где попало. К нам стали заезжать тов. Добровенский, тов. Сафронов и др. товарищи из типографии. Хозяйственная часть и снабжение продовольствием, благодаря заботам главного штаба и облисполкома с каждым днем улучшались.

Одно было плохо: никто не хотел идти к нам в санитары. Отсутствовали и сестры. Добровенский пытался привлечь за плату, давал по три тысячи рублей в месяц, но никто не шел — боялись рисковать жизнью.

Больные и раненые, хотя в небольшом количестве, все же прибывали, а от нас уходили одиночки.

В яме, где раньше парили полозья, уже лежало друг на друге трупов десять. Каждое утро выносили три-четыре человека. Хоронить мы уже не успевали, да не имели сил для рытья могил. Нас здоровых, вместе с лазаретным обозом, находившимся в километре в стороне, было всего лишь двенадцать человек. Да и этот состав уменьшался. Однажды утром, делая об-

ЭР00809

ход, я нашел сестру Суражевскую застывшей. Так мне жаль стало эту кучерявенькую восемнадцатилетнюю девушку, самоотверженно ухаживавшую за больными, что я, привыкший смотреть в глаза смерти, невольно прослезился.

Тов. Осипов, которого от нас взяли работать в типографии, тоже заболел. Его привезли к нам, и он на четвертый день умер.

Некоторые больные стали понемногу поправляться и, держась за стены, выползать из смрада бараков на свежий воздух.

Наши силы слабли, и я очень боялся за здоровье оставшейся четверки обслуживающего персонала.

Так и случилось. В этот день я с утра почувствовал недомогание, но думал, что это от утомления. Тов. Круторогова принесла обед. Я отказался.

— Что-то не хочется...

— Мне тоже — откликнулась Круторогова.

— И мне что-то не по себе — заявил Миланыч.

Покушал один Шура.

Я смерил температуру, у всех троих она доходила до 39°.

— Ну, товарищи, — говорю, — давайте выбирать себе местечки для вечного покоя!..

Миланыч уныло посмотрел на меня и запротестовал:

— Что ты, что ты, тов. Вшивков! Мы не умрем... Немножко похвораем и опять за дело...

А сам залез на нары и стал готовить себе постель.

ЭР00809

Слегла и тов. Круторогова.

Я, пока были силы, крепился. Поднес к дверям льду, наколол его. Обошел больных, обкладывая их льдом. Потом и сам потерял сознание...

Один Шура ухаживал за нами и за всеми больными. На наше счастье в эти дни стали выздоравливать несколько больных. Еще слабые, едва передвигавшие ноги, они ухаживали за больными, с трудом приносили дрова и топили прожорливые печи.

...На тринадцатый день я смог уже выйти на улицу подышать свежим воздухом. К этому времени стали поправляться Гомер, Четвергов и сестра Паша. С головной болью и высокой еще температурой я стал готовить лекарства, а прибывшие из благовещенской городской больницы сестры Аксенова и Ксения (фамилии не помню) разносить их больным.

Наша таежница «Красный Клич», хотя и печаталась на разных клочках бумаги, вплоть до оберток китайского кирпичного чая, была полна отрадными вестями о победах красных партизан по всему Дальнему Востоку.

Понемногу стали поправляться Миланыч и Круторогова. Ее выздоравливающие окружили самой живейшей заботой и уходом: тот тащит подушку, другой поправляет одеяло, третий несет ей что-нибудь послаще покушать. Не забывали, конечно, и остальных.

Исхудалый Миланыч, у которого глаза стали еще больше и ярче, смеется:

ЭР00809

— Говорил я вам, что не умрем. Большевики, брат, живучи!...

Однажды рано утром привезли к нам заболевшего сыпняком тов. Добровенского. Зашел он в барак и глухо сказал:

— Ну, Вшивков, и я приехал ложиться... — и тут же без сознания повалился на пол.

...С каждым днем приходили вести одна другой радостнее.

Об этом же говорил нам посетивший лазарет член штаба тов. Высоцкий. Он между прочим, рассказал, что сестра Фомина всех оставленных в лесной землянке на ее попечение раненых товарищей вылечила.

К нам ежедневно стало поступать продовольствие, жертвуемое рабочими и крестьянами: гуси, утки, куры, фазаны, брусника, желе, консервы, печенье, конфекты. О хлебе и мясе и говорить не приходится: целые склады! А тут как раз партизаны задержали шестьдесят подвод японского груза — муки крупчатки. И всю ее привезли нам.

— Ешь, братва, поправляйся!

Действительно, стали быстро поправляться. Только лежавшие на горке и в яме трупы умерших напоминали о недавнем кошмарном времени.

Медикаменты и перевязочные материалы поступали с разных мест полными ящиками.

Из Благовещенска прибыли фельдшера Карелин и Козлов и из Тамбовской больницы женщина-врач Лурье.

ЭР00809

Расконспирировано было и место пребывания лазарета. Стали прибывать родственники и забирать для погребения трупы.

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ЖИВЕТ

5 или 6 февраля 1920 г., когда я с врачом Лурье был занят около тяжело больного Добровенского, в барак вошел кавалерист в одежде защитного цвета, в козьей папахе.

— Вот это и будет товарищ Вшивков, — сказал вошедший с ним санитар.

Кавалерист подал мне пакет.

Вскрываю... предписание:

„4-го февраля исполком партизанских отрядов Амурской губернии вошел в г. Благовещенск и совместно с организовавшимся подпольным исполкомом совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, вступил в управление областью. Японцы эвакуируются. Вам предлагается завтра утром приготовить всех раненых и больных к эвакуации в г. Благовещенск. Утром за вами будет выслано сто подвод. В Беляковке я буду ожидать вас, откуда совместно с войсками 3-го района выступим на ст. Екатеринославку.

Нач. штаба Лашкевич".

Пробежав бумажку, я чуть не помешался от радости.

— Товарищ, дорогой! — крикнул я умиравшему Добровенскому, — Благовещенск взят!..

Добровенский посмотрел на меня мутным взором, потянулся за бумажкой, взял ее в руки, поднес к глазам... Затем рука его стала медленно опускаться, и глаза затянулись туманной пеленой...

ЭР00809

На другой день мы, погрузившись на присланные подводы, выехали в деревню Беляковку. В этот же день мы прибыли на станцию Екатеринославку. Раненые и больные были помещены в двухэтажный дом скрывшегося купца. Набежала масса женщин. Почти для каждого больного и раненого нашлась отдельная няня. Нанесли пищи, одежды и прочего.

Часов в десять утра нашим командованием было получено от начальника гарнизона ст. Екатеринославки японского генерала, приглашение на переговоры. Нас пошло трое: командир отряда «Красный орел» (фамилию его забыл), начальник штаба тов. Лашкевич и я.

После почетной церемонии встречи, начались переговоры.

Генерал через переводчика передал нам, что мол вследствие выполнения задач «восстановления мира и порядка в русской стране», японское императорское правительство отзывает их на родину. А посему с сегодняшнего дня, охрану железной дороги, станций и прочего имущества принимает русская власть. Границы расквартирования японского гарнизона распространяются от демаркационной линии до ж. д. домов № такой-то и такой-то. Демаркационной линией считается главная улица села Екатеринославки, которая с семи часов вечера до семи часов утра не должна переходиться ни японскими солдатами, ни партизанами. (Мы усмехнулись: «а как, мол, ты отличишь партизана от сельского жителя?»). При сношениях япон-

ЭР00809

ского штаба с русским и наоборот, все передается через дежурного милиционера ж. д. станции...

Все эти пункты мы приняли, добавив со своей стороны пункт о срочном выезде японских солдат со станции.

После переговоров обменялись речами. Мы пожелали японцам счастливого пути, пообещав в случае революции в Японии, придти на помощь трудовому народу. Последнее обещание заставило генерала поморщиться и деланно рассмеяться.

Только мы вышли от японцев, нас пригласили на митинг, созванный сельской общественностью в местной школе.

Часов в десять вечера 10 февраля все раненые и больные были погружены в вагоны специально прибывшего санитарного поезда и тронулись в путь к Благовещенску.

11 февраля, около пяти часов дня, под звуки духовых оркестров, мы подъезжали к дебаркадеру станции Благовещенск. Я стал на ступеньках площадки и от радости готов был выскочить на ходу. Звуки оркестра пьянили той долгожданной свободой, в борьбе за которую было перенесено столько невзгод и лишений.

ДВГНБ

Областная [illegible] Сиб-ка
№ 99112 з.
Крым [illegible]

ЭР00809

О Г Л А В Л Е Н И Е

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АМУРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Детство и юность 3
В царской армии 7
Февральская революция 8
В батальоне смерти 10
Возвращение на Амур 12
Амурская деревня перед Октябрем 16
Волостной съезд 24
Областной крестьянский съезд 27
Организация Советской власти 38
Вооруженное выступление белых 44
В плену 54
Создаем рабоче-крестьянскую армию 56
Поражение белых 61
Организация управления 73
Классовая борьба обостряется 77
Фронт и тыл 84
Эвакуация Благовещенска 88
Вверх по Зее 93
Бегство с парохода 96
Арест 101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В ТЮРМЕ У БЕЛЫХ

Вновь в Благовещенске 111
Белый террор 117
Провокатор Лейша 123

ЭР00809

Комедия суда 125
Массовый расстрел и мой побег 129
В корейской фанзе 140
В тайгу 144
Неожиданная встреча 150

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В ПАРТИЗАНАХ

На соединение с партизанами 162
В поисках партизанского отряда 169
Рассказ подрывников 174
На пути в партизанский отряд 189
В партизанском штабе 191
Первые стычки с белыми 197
Шпионская деятельность белых 207
Налеты аэропланов 209
Бой под Дубнячками 212
Отступление 217
Гошский бой 224
Путь через тайгу 234
Бало-японцы расправляются 238
Партизанский фронт крепнет 243
Разгром Тарбагатая 248
Победы „Нестрашимого“ 251
Таежный переезд 253
В таежном лазарете 258
Власть Советов живет 264

ИВГНБ

ЭР00809

Редактор — Г. Мустафетов. Техред — С. Иванов. Крайлит № 853-а ОГИЗХб № 1108. Сдано в набор 5/XI—33 г. Подписано к печати 25/XI—33 г. Тираж 10000 экз. Объем 8½ п. л. Бумага 72x105/8. Колич. знаков в 1 п. л. 44160. Заказ тип. № 186. Типо-литография № 1 имени Волина. Владивосток Ленинская, № 43.

ДВГНБ

ЭР00809

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО **ОГИЗ**

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

„НА РУБЕЖЕ“

АЛЬМАНАХ „НА РУБЕЖЕ“ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

ЗА КОЛХОЗНЫЕ ПОЛЯ; НА ШАХТЕ, СТРОЙКАХ, ПРОМЫСЛАХ; ОБОРОНА ГРАНИЦ; ЗА РУБЕЖОМ; КРАЙ НА СТРОЙКЕ; ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

АЛЬМАНАХ „НА РУБЕЖЕ“ ОТКРЫВАЕТСЯ БОЛЬШОЙ ПЬЕСОЙ Б. КИСИНА

„СИХОТЭ-АЛИН“

СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ТРИ ЛИТОГРАФСКИХ ЦВЕТНЫХ ВКЛЕЙКИ, ИСПОЛНЕННЫЕ ХУДОЖНИКАМИ ДВК

ОБЪЕМ АЛЬМАНАХА 124 СТРАНИЦЫ, ЦЕНА 2 РУБЛЯ 50 КОПЕЕК

ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗ'а

ЭР00809

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТ-
ВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА:

ИВ. ОНУФРИЕВА

В БОЯХ ПРОТИВ БЕЛОКИТАЙЦЕВ

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КОМДИВА

ОБЪЕМ КНИГИ 112 СТРАНИЦ,
ЦЕНА В ПЕРЕПЛЕТЕ 1 РУБЛЬ

ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ
КОГИЗ'а

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809

ДВГНБ

ЭР00809